

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**СЕНТЯБРЬ
2002**

**ТИШРЕЙ
5763**

№ 9 (125)

НАПОЛНИМ БОЧКУ ВИНОМ

Я пишу эти строки в пост Девятое Ава. В этот день был разрушен Храм, и наши мудрецы, естественно, размышляли, почему это ужасное событие могло произойти. Они могли бы проклинать захватчиков, которые пришли на нашу землю и разрушили нашу святыню. Но еврейские мудрецы прекрасно понимали, что самая главная причина, причина всех причин, коренится всегда не вовне, а внутри – в нас самих. И римляне, и их прекрасная армия были бы бессильны, если бы не наши собственные грехи. Мудрецы пришли к выводу: Храм пал потому, что мы не умели правильно относиться друг к другу. Тора заповедала нам любовь – мы же относились друг к другу с беспричинной враждой и даже с беспричинной ненавистью. Наша ненависть привела к разрушению Храма – римляне были всего лишь ее орудиями. Глядя на недавние события на Манежной площади, я как раз размышлял об этом. Беспричинная ненависть владела толпой.

Не думаю, что это была реакция на проигрыш российской команды – если бы она выиграла, было бы ровно то же самое. Копившаяся в душах беспричинная злоба требовала выхода – ей нужен был любой предлог, и он, конечно, нашелся. В массовых беспорядках обыкновенно нужен враг, который катализирует ненависть; зачастую образ врага носит совершенно мифологический характер, но все равно без него не обойтись. На Манежной никакого врага не было. Точнее, так: врагом было все, что не было толпой. Случайные люди, ставшие жертвами насилия, случайно оказавшиеся рядом с автомобилем, витрины магазинов – все это не имело никакого отношения к футболу. Просто накопившаяся в сердцах ненависть переливалась через край и готова была уничтожить без разбора все, что попадет ей под руку. Это очень серьезный феномен. События на Манежной площади в сгущенном виде продемонстрировали нам симптом серьезной болезни, угрожающей здоровью российского общества. Аналитики ищут (и находят) экономические, политические, социальные причины случившегося – и они во многом правы. Но на мой взгляд, есть куда более важная причина, коренящаяся в сердцах людей. Тора говорит: «Возлюби ближнего своего, как самого себя», – но молодые люди на Манежной площади искренне ненавидели весь мир. В формуле Торы утверждается, что любить себя совершенно естественно – Тора не только не видит в этой любви ничего плохого, но даже считает ее образцом для любви к другим людям. Человек нуждается в любви; он нуждается в ней с момента рождения до старости, до смерти. Он хочет, чтобы его ценили, чтобы относились к его боли с состраданием, а к его проблемам с пониманием.

Когда ребенок живет в нормальной любящей семье, она становится для него школой любви. Он видит, как родители относятся к нему и друг к другу, и каждый день, каждый миг неосознанно для себя учится, осваивает эти отношения любви, впитывает их, они формируют его душу. Но к сожалению, бывают и совсем другие ситуации: когда ребенок растет в атмосфере взаимной нелюбви, неуважения, грубости. И они тоже становятся школой, в которой формируется личность ребенка. Место недополученной любви занимают в его душе разрушительные силы. Такой человек не умеет любить других: ведь он и себя не умеет любить. Однако он сосредоточен на себе, разрешает себе все и готов причинить другому боль, компенсируя тем самым недостаток любви, в которой нуждается.

Есть такой анекдот. Один человек, понятия не имеющий о правилах движения, угнал автомобиль, и вот он на высокой скорости мчится по шоссе и получает

удовольствие. И вдруг он слышит по радио: водители, движущиеся по такому-то шоссе, будьте предельно осторожны – по встречной полосе несется какой-то сумасшедший. Он думает: «Почему один? На этом шоссе все сумасшедшие, все они несутся по встречной полосе!» Рано или поздно он, конечно, попадет в аварию и сломает себе шею. Вопрос в том, сколько еще людей при этом пострадают.

Погромщики на Манежной – это люди со встречной полосы. Они не задумываются, что происходит, им нравится прокатиться с ветерком, другие люди просто не принимаются в расчет. Бедные парни! Мамы плохо любили их в детстве.

Почему сегодня так много несчастливых браков? Потому, что молодые люди, заключая союз, думают только о себе, зачастую воспринимая партнера как одушевленное орудие исполнения своих желаний. Но ведь и партнер хочет того же! Очевидно, что такой брак не может существовать, и дети, если они появятся, будут несчастны.

Я недавно прочел забавную притчу. Жители некоего города решили устроить праздник. На центральной площади установили огромную бочку. Каждый должен был вылить в нее бутылку вина, а во время праздника совместно со всеми выпить. И вот один человек решил: в городе сто тысяч жителей – если я вылью в бочку бутылку воды, на что это повлияет? кто это заметит? Так он и сделал. Наступил день праздника. Жители подставили стаканы, открыли краны. Но в бочке не было вина – там была одна вода. Экономный житель не был самым умным – все были самые умные, и все остались без праздника.

Мы живем в мире, где на всех одна бочка: что мы вольем туда, то и будем пить. Один вольет вино своей любви, радости и щедрости, другой – воду, а третий – всякую дрянь, накопившуюся у него в душе. Мы пьем плохую воду и дышим плохим воздухом, потому что из-за корысти, глупости и преступной беспечности не приняты достаточные меры экологической защиты. Но то же самое и в духовном мире. Существует духовная атмосфера, в которую каждый из нас вносит свой вклад и ею все мы в конечном итоге дышим. Бессмысленно показывать пальцем на погромщиков на Манежной и говорить, какие они плохие, – надо самим что-то делать с собой, постоянно становясь лучше и меняя тем самым атмосферу всего общества.

Некий человек искал учителя для своего ребенка. Он хотел, чтобы учитель этот был знающим, честным, благожелательным человеком, ну и так далее. И никто не мог удовлетворить этим трудным требованиям. Наконец пришел один учитель и сказал: «Знаешь, я не буду морочить тебе голову – я не слишком знающий, не слишком честный, не слишком благожелательный. Но поверь мне: я тем не менее могу научить твоего сына всему этому – у меня есть отличная методика, я знаю, как это делается». И тогда тот ответил ему: «Э, нет, ты не сможешь научить его стать человеком – в лучшем случае ты научишь его только как этому научить, сделаешь его подобным себе».

Действительно, эффективен только живой пример. И этот пример даже одного скромного человека может обладать огромной силой. Он может стать маленьким камешком, который, увлекая другие камешки и камни побольше, породит лавину добра. Я верю в это: я ведь раввин, а иудаизм оптимистичен.

Используя футбольные термины, можно сказать: непобедим тот, кто играет в одной команде со Всевышним, – так давайте играть вместе с Ним!

Я хочу вернуться к истории с бочкой. Конечно, можно, используя полицейские меры, заставить людей наполнить бочку вином. Но ведь насилие, подозрительность, жесткий контроль плохо совместимы с праздником. Чтобы праздник состоялся, каждый должен сам захотеть принести вина. Без всякого принуждения. Каждый должен знать, что принести вино на общий праздник – почетно и прекрасно, а подменить его водой – постыдно. И что человеческое достоинство несовместимо с этой подлой подменой.

Áëááí úé dáááéí Dítteé Ááðé Éáçáð

Èè Nàéöäé

Уведомление о разводе

*Áíèè áíçüü áò ÷áéíáéé æáíó è áíéääò é íáé, òí áíèè íáíííðááèòíý ííà àí ó
ííòííó ÷òí íàðäé íí á íáé èàéíé-èèáí óíáðá, òí íóíòü íáíèðáò áé ðáçáíáíá
í èíüü í, è ááíð áé á ðéé, è íòíðéáò áá èç áíí à íáíáí. Ááíðèí, 24:1*

И вот ответ, что дало сообщество Израиля пророку, – обезоруживающий ответ, на который нечего возразить:

«Если развелся муж с женой, разве есть у них еще какие-либо претензии к друг другу?» Талмуд, Сангедрин, 105a

Давая санкцию на развод, Тора при этом подчеркивает, сколь пагубно и нежелательно разрушение брака. Согласно Торе поводом к разводу может быть только «ущерб» – то есть несправедность или иное моральное прегрешение. Школа Шама придерживается мнения, что это – единственная причина для развода. Однако те, кто принадлежит к школе Гилела, допускают и иные причины для развода, оговаривая при том: «Когда муж разводится с первой женой, даже Алтарь [в Храме] проливает об этом слезы» (Гитин, 90a).

Если мы примем это во внимание, то своеобразные законы Торы покажутся нам еще более удивительными. Тора в Дворим посвящает процедуре развода целый раздел (24:1-4), где она подробно описана.

Законы же, регулирующие сам брак, выводятся при этом из аллюзий и косвенных указаний, которые можно найти в стихах, посвященных разводу! Неужели нельзя было изложить в Торе концепцию брака иным, более подобающим способом?

Зеркало реальностей

«Тора говорит о физической реальности, а намекает на сверхприродную реальность», – пишет Рамбан в комментарии на первый стих Брейшис. Тора говорит о физической реальности – в ней изложена история физического мира, человечества и народа Израиля, законодательство и законы физической жизни. Однако каждая из историй, каждый закон Торы есть также и описание сверхприродной реальности – тех или иных аспектов связи между Творцом и Творением.

Кабалист рабби Менахем Азария из Фано идет в своих размышлениях намного дальше: «Тора говорит о сверхприродной реальности, а намекает на физическую реальность» (Десять трактатов, Хикур Дин, ч. III, гл. 22). Возможно, мы охотнее всего внимаем этой «физической реальности» повествований Торы: читая Брейшис, полагаем, что Тора говорит прежде всего об Аврааме, Ицхакке и Якове, живших в Святой Земле 4000 лет назад, и лишь «намекает» на Б-жественные атрибуты Хесед, Гевуру и Тиферес (Милость, Строгость и Великолепие) – сверхприродные соответствия этих трех патриархов. Однако, как полагает рабби Менахем Азария, истина заключается именно в

том, что прежде всего Тора описывает сверхприродную реальность, а тем самым «намекает» и на наш мир.

Хасидизм утверждает, что основной закон существования: «Нет иного, кроме Него» (Дворим, 4:35). Все, что мы воспринимаем как существующее «кроме Него», есть лишь выражение Его воли, вызывающей данную сущность к бытию. А значит, сверхприродная реальность – вовсе не «зеркало» или «отражение» физической реальности, а сама – источник таковой: источник, из которого физическая реальность черпает все, что наполняет ее.

Иными словами, в нашем мире нет ничего, что не существовало бы сперва в сверхприродной реальности. Если земное время подразделяется на день и ночь, то это происходит в силу присутствия «дня» и «ночи» в самой динамике отношений Творца и Его творения. Если в физической реальности явлены такие сущности, как «зима», «лето», «земля», «море», «мужское», «женское», – то они по своему происхождению и по сути своей есть качества тех духовных сил, что порождены Б-гом. Их задача – задать форму и характер отношений Б-га с Творением. Б-г, конечно же, мог сотворить наш мир «напрямую», не прибегая к посредству этих физических сущностей. Однако Он пожелал, чтобы все реально сущее и опытно постигаемое в нашем мире можно было проследить до самого духовного «истока» этих феноменов. Тем самым Он дал нам возможность прикоснуться к некоторым сущностям Своей бесконечности. И физические формы объектов, силы и феномены, с которыми мы сталкиваемся в нашем мире, – лишь «бледные», неполные отражения их духовных подлинников («намеки» на них). С другой стороны, смысл такого рода целостности творения, включающего в себя и «высшую реальность», являющуюся его источником, заключается в том, что и мы должны «создать Б-гу обитель в физическом мире», (Мидраш Танхума, Носой, 16; Тания, гл. 35-36). С этой точки зрения Тора сосредоточена прежде всего на физической реальности (по Рамбану): высшая реальность – пусть она и является значительно более «чистой», первичной формой творения Б-жья, – существует во имя физической реальности.

То же самое верно в отношении бракосочетания и развода. Не описывая понятие «бракосочетание» некий аспект наших взаимоотношений с Б-гом – не могло бы существовать брака в отношениях между людьми. И тот факт, что для двоих людей, вступивших в брак, присутствует возможность развода, связан с существованием концепции «развода», прекращающего связь между Б-гом и человеком.

Изгнание

Голус – этим словом, означающим «отторжение», описывается состояние народа Израиля после разрушения Храма и изгнания из страны Обетованной. Однако голус – нечто большее, чем насильственное разлучение народа с его родиной.

Иерусалимский Храм был тем местом, в котором любовь

Б-га к нам и Его промысел о наших жизнях, так же как наша любовь к Б-гу и наше обязательство служить Ему, – достигали своего высочайшего выражения. Храм был «домом супружества» для брака между Б-гом и Израилем.

Когда мы предали нашу уникальную связь с Б-гом, пророки упрекали нас в том, что мы ведем себя, как заблудшая жена; само состояние голус описано Б-гом как время, когда «прелюбодействовала распутная.., отослал Я ее, и дал ей разводное письмо» (Ирмияу, 3:8).

Вот почему в Талмуде говорится, что когда пророки призывали народ Израиля покаяться в грехах, то сообщество Израиля возражало им: «Если развелся муж с женой, разве есть у них еще какие-либо претензии друг к другу?»

Мир грез

Талмуд называет возражение, выдвинутое сообществом Израиля, «обезоруживающим ответом». Но ведь далее цитируется ответ Б-га на эти слова: «Где то письмо о разводе.., с которым Я прогнал ее?» (Ишаяу, 50:1). Б-г тем самым говорит, что этот развод никогда не имел истинной силы. Происшедшее можно считать отчуждением, когда неверная жена была «за преступления изгнана» (там же), однако сам брак не был разорван. Вскоре наступит день, когда брачный дом будет перестроен и отпущенная жена будет приведена под его кров.

Но не Сам ли Б-г говорит пророку Ирмияу: «Отослал Я ее, и дал ей разводное письмо»? Было ли это разводом или не было?

В определенном смысле брачные узы утратили свои силы. Принимая во внимание реальность голуса, жена была уличена в «неверности» и «отослана из дома Его». В таком случае ее аргумент: «...Если развелся муж с женой, разве есть у них еще какие-либо претензии к друг другу?» – действительно, является «обезоруживающим ответом».

Однако реальность голуса – внешняя, воистину «наложенная на другую» реальность! «Когда возвратил Г-сподь пленников Сиона, были мы как во сне», – говорит Псалмопевец (126:1). Подобно пробудившемуся от сна, мы осознаем: то, что переживалось нами как живое и настоящее, было не более, чем иллюзией. Мы пробудимся – и осознаем реальность, в которой не было дано нам разводного письма, – реальность, в которой брачные узы между Б-гом и Израилем сохраняют свою силу.

Вот почему всякий брак есть «вечное здание», как сказано в «Семи благословениях», читаемых над женихом и невестой, стоящими под хупой. Поскольку брак между людьми – производная и отражение Б-жественного брака, он также до определенной степени обладает такими качествами, как вечность и нерушимость. И только мы сами – ограниченные и смертные создания – ответственны за то, что нам не всегда удастся реализовать вечную суть супружеских уз. В отдельных случаях брак может даже потерпеть крушение, и развод кладет ему конец: этот феномен соотносится с «разводом», который постиг Б-жественное супружество в псевдореальности голуса.

Алтарь, проливающий слезы

Однако дело не только в том, что «развод» присутствует лишь в реальности голуса, а в высшей реальности разводу нет места. На некоем более глубоком уровне понимания можно сказать, что развод есть и для высшей реальности, но там он – не разрыв уз супружества, а скорее, подтверждение их прочности.

«Иудей, преступивший Закон, остается иудеем» (Сангедрин, 44a). Самое простое истолкование этого положения: иудей остается иудеем даже вопреки свершенному им прегрешению. По более глубоком размышлении станет ясен и иной смысл интересующей нас фразы: иудей является иудеем именно потому, что он совершил прегрешение.

Тот, кто не является евреем и трудится в Шабос или ест мясо с молоком, не преступает Закон. Для еврея заповеди Торы (мицвойс) – составная часть его отношений с Б-гом: соблюдая их, еврей постоянно осознает свою связь с Создателем и стремится к тому, чтобы живое ощущение этой связи наполняло каждый миг повседневности. Нарушая эти данные от Б-га запреты, еврей совершает прегрешение, поступая против заповедей, определяющих саму его идентичность как еврея. Иными словами, сам акт «прегрешения» существует лишь постольку, поскольку, совершая тот или иной проступок, прегрешающий остается связан с Б-гом. И тем самым факт прегрешения Израиля есть не что иное, как выражение связи (пусть, в данном случае, связи через отрицание) Израиля с Создателем – собственно, такое же подтверждение существования этой связи, как и выполнение мицвы.

Хасидизм в своих взглядах идет еще дальше: с его точки зрения, прегрешение в определенном смысле явственнее демонстрирует нашу связь с Создателем, чем исполнение мицвы. Связь, образованная мицвой, есть связь между двумя отдельными сущностями. Если подобную связь рассматривать саму по себе, то окажется, что она не подразумевает каких-либо уз, изначально, внутренне этим сущностям свойственных. По сути, эта связь подразумевает, что в естественном своем состоянии соблюдающий мицву отделен и дистанцирован от Б-га, и лишь благодаря исполнению мицвы этот провал, разделяющий человеческое и Б-жественное, преодолевается. Тогда же, когда иудей преступает какую-либо из заповедей Б-га, обнажается глубинная связь нарушителя заповеди и Создателя. Внутреннее равновесие «оступившегося» нарушено, душа его не знает покоя, она стремится восстановить утраченное (а утрачено как раз то, что определяло ее внутреннюю сущность) – и человек предается материальным излишествам или же погружается в «духовные поиски», вполне профанированные по своей сути. Тем самым именно нарушение заповеди обнажает истину: нет ничего более неестественного, чем душа, отпавшая от Б-га.

То, что верно по отношению к нашей внутренней реакции на нарушение заповеди, верно и по отношению к «реакции» Б-га на нашу неверность. Покуда не был разрушен Иерусалимский Храм, а народ Израиля жил в Святой Земле, наш брак с Б-гом был выражен лишь на уровне «совместного проживания», заданного существующей между нами связью. Однако в «разводе», каким является голус, обнажается сам характер этой связи. Боль, которую испытывает Б-г из-за того, что мы отделились от Него, выражает внутреннюю, сущностную связь меж нами.

Сравним со сказанным: «Каждый день, трижды на дню... Глас с небес причитал, подобно тоскующей голубке: “Плач сей о детях Моих, ибо за их грех разрушил Я дом Мой, сжег Мой храм и отправил их в изгнание среди народов...”» (Брохойс, За). Слезы, выступающие на алтаре, доказывают, что узы существуют даже тогда, когда разрушен брачный чертог, а неверная жена отправлена на все четыре стороны.

Обезоруживающий ответ

Вот почему в Торе самая суть брака изложена в стихах, описывающих развод. Эти стихи надлежит читать на двух уровнях: внешне они описывают законы развода, однако на более глубоком уровне понимания в них дана сама суть брака. Тора – на ее «надприродном» уровне описания – говорит здесь о том, что кажущееся внешне «разводом» на самом деле полнее всего выражает характер брака между Б-гом и избранным народом.

Также глубинное значение имеет и «обезоруживающий ответ», данный сообществом Израиля на упреки пророка. И в самом деле, описывается ли наша ситуация формулой «если развелся муж с женой, разве есть у них еще какие-либо к друг другу претензии»? Почему же мы поступаем так, словно брак все еще имеет силу? Почему Б-г все еще подталкивает нас к покаянию? Почему мы все еще старательно придерживаемся тех оснований, на которых зиждется наша с Ним связь? На самом деле, наш кажущийся «развод» – самое яркое свидетельство того, сколь глубока и сущностна связь между Б-гом и Израилем.

Êè Nîâîé

Пробуждение

Благодарю Тебя, Владыка живой и вечный, за то, что ты, по милости Своей возвратил мне душу мою.

Наше первое сознательное деяние в начале каждого дня – выразить благодарность и признательность Создателю. Едва лишь мы пробудились – еще не встав с постели и даже не омыв рук, мы читаем эти слова молитвы Мойде ани, утверждающие, что это Он даровал нам жизнь и Им наполнен всякий миг нашего бытия.

В Мойде ани не упоминается ни одно из имен Б-га. Он лишь назван в этой молитве «Владыкой живым и вечным». Объясняется это тем, что данную молитву мы читаем еще до того, как совершили утреннее омовение рук, – то есть когда на нас еще лежит запрет на произнесение «святых слов». Хасидизм подчеркивает, что при всем том связь, устанавливаемая Мойде ани между молящимся и Б-гом, столь же полноценна, как и связь, создаваемая иными молитвами, имеющими более высокий «статус святости». Более того, Мойде ани обращается непосредственно к самой сущности Б-га – той, что выше всех «священных имен» и описаний, включая само представление о «священном» и условия, определяющие статус «священного».

То, что, казалось бы, с такой простотой выражено в этой молитве, имеет глубочайший смысл, истолкованию которого посвящено множество юридических, философских и мистических комментариев Торы. Они затрагивают такие темы, как всеприсутствие Б-га, наполняющего Собою все сущее; принцип «вечного творения», подразумевающий, что Б-г постоянно «вдыхает» в мир жизненное начало и саму возможность бытия. В противном случае мир обратился бы в ничто.

Почему же молитва Мойде ани читается сразу по пробуждении, когда разум еще не совсем стряхнул с себя туман сна? Не разумней ли, если бы эта молитва читалась после изучения священных предметов и размышлений о сути вещей?

Ночь и день

Сама физиология нашего тела и ритм астрономических часов делят нашу жизнь на две части: когда сознание бодрствует и когда оно спит. В часы бодрствования наши мысли и поступки, так же как и отбор, фильтрация и истолкование лежащих в их основе стимулов и раздражителей подчинены контролю разума – именно он формирует и посылает команды телу. Ночью же, когда мы погружены в сон, «командование»

переходит к глубинным, темным слоям психики: там фантазия замещает логику, переживание вытесняет мысль, а осознание замещено иными, более примитивными формами знания. В этом ночном мире жесткие факты обретают вдруг гибкость, абсурд подменяет логику.

Однако некоторые истины остаются неколебимы, даже когда знание и рассудок уступают место подсознательному. Но что касается веры в Б-га, ощущения, что именно Он составляет центр нашего существования, и память о наших глубинных обязательствах перед Ним – все это принадлежит абсолютному знанию, постоянно в нас пребывающему и не подверженному влиянию суточных ритмов и состояния сознания.

Именно это положил Рамбам в основу правил Алохи в разделе, касающемся Законов о разводе. Предмет обсуждения в данном случае – вопрос, кажущийся соединением противоположностей, логически исключаящих друг друга: можно ли принуждением заставить человека совершить некое действие «добровольно»? Согласно Торе узы брака устанавливаются супругом, и потому в случае развода именно супруг аннулирует эти узы, давая жене разводное письмо. Когда о разводе просит женщина, суд уполномочен обязать супруга дать ей развод. Если тот отказывается дать согласие на развод, суд наделен властью заставить супруга. Но поскольку разводное письмо имеет силу только в том случае, если дано добровольно, суд также должен заставить супруга сказать: «Я делаю это по своей воле». Каково значение подобного заявления? Если суд вправе установить развод силой, зачем требовать от супруга заявления о добровольности развода? А если для развода и впрямь требуется согласие супруга, можно ли считать слова, произнесенные под давлением, «согласием»?

Рамбам дает следующее объяснение: будучи евреем, этот человек желает принадлежать к народу Израиля, желает соблюдать все заповеди Торы и избегать прегрешения; дело лишь в том, что он попал во власть своей склонности к злу. Поэтому, если он подвергнут избиению, которое ослабляет его склонность к злу, так что в итоге он говорит: «Я согласен», то считается – развод дан им добровольно, и его заявление соответствует его истинной внутренней воле (Законы о разводе, 2:20).

Состояния бодрствования и сна влияют лишь на внешнюю активность интеллекта; однако то, что мы знаем самой сутью нашего естества, мы столь же полно знаем, даже пребывая во сне. Более того: пробудившись, мы должны «пробиться» через построения и возражения нашего интеллекта, вниманием прикованного к «реальностям» физического порядка, – только тогда мы прикоснемся к истинному знанию в глубинах нашего существа. Во сне же разум сбрасывает с себя оковы субъективности – и тогда мы можем отдаться переживанию связи с Б-гом, обитающей в самой сокровенной сути нашей, на более глубоком (хотя и менее сознательном) уровне.

Для чтения Мойде ани избран особый момент – на пороге бодрствования, на грани сознательного и бессознательного. В течение дня в других состояниях мы читаем другие молитвы, во всей полноте используя силу нашего разума, наши интеллектуальные способности, – этим молитвам предшествует долгая глубокая сосредоточенность, погруженность в размышления о том, что значит эта молитва и что она выражает. Однако каждое утро, когда мы переходим от свободы сна к дневному контролю сознания, нам открывается уникальная возможность – возможность выразить для себя истину, укорененную в самой глубине нашего существа, сформулировать перед лицом грядущего дня то, что нам ведомо всегда.

Первые плоды

Все сказанное имеет сходство с алохическим спором, касающимся мицвы бикурим (приношения первых плодов).

Бикурим, как и молитва Мойде ани, – выражение благодарности и признательности Б-гу. Сказано в Торе (Дворим, 26:1-3):

«И будет, когда ты придешь в страну, которую Б-г, Всесильный твой, дает тебе в удел и поселишься в ней,

То возьми начатки всех плодов земли... и положи в корзину, и пойди на место, которое избрет Б-г, Всесильный твой, чтобы водворить там имя Свое.

И приди к коэну, который будет в те дни, и скажи ему: Говорю я сегодня Б-гу, Всесильному твоему, что пришел я в страну, которую поклялся Б-г отцам нашим дать нам».

И сказав это, земледelec, принесший бикурим, пересказывает историю о том, как освободились мы из Египта и Б-г даровал нам «страну, текущую молоком и медом». Завершают ее следующие слова: «А теперь принес я начатки плодов земли, которую Ты дал мне, Б-г» (26:5-10).

Владение Итро

Когда же наши праотцы стали приносить начатки плодов новообретенной ими земли к «месту, которое избрал Б-г, чтобы водворить там имя Свое»? Иерусалимский Храм был построен царем Соломоном – Шломо через 400 с лишним лет после того, как народ Израиля завоевал и заселил землю Израиля. Покуда же Храм не был воздвигнут, местом Б-жественного присутствия служила Скиния, сооруженная в пустыне и пребывавшая попеременно в разных местах (Гилгал, Шило, Нов, Гивеон). Первый стих главы Торы, посвященной обряду принесения бикурим, содержит противоречащие друг другу указания на то, когда же именно стала исполняться данная мицва, что повлекло за собой юридические дебаты, восходящие к Талмуду и Сифри (алохический Мидраш).

Евреи вошли под предводительством Иеошуа в землю Израиля через месяц после кончины Моше, в 2448 году от сотворения мира (1273 г. до н. э.). Однако прошло еще 14 лет, прежде чем страна была завоевана и каждое колено Израиля, каждое семейство получили свой надел (7 лет заняло завоевание страны, и еще 7 лет ушло на раздел земли между двенадцатью коленами и «нарезку» более чем 600 000 наделов между главами семейств, имевшими права на долю в Земле Обетованной). По этой причине Талмуд (Кидушин, 37б) настаивает на том, что соответствующий стих велит приносить бикурим, когда «ты придешь в страну, которую Б-г, Всесильный твой, дает тебе в удел, и поселишься в ней» – то есть дар плодов Б-гу стал совершаться уже после того, как было закончено завоевание страны, и она была поделена между пришедшими.

Сифри наоборот, делает акцент на первой части этого стиха: «Когда ты придешь в страну», – и тем самым, утверждает, что обязанность приносить первые плоды вступила в силу сразу же, как евреи вошли в Землю Обетованную. Истолкование, даваемое Сифри на Дворим (26:1), основывается на первом слове стиха: ве-айя («И будет»), которое повсюду в Торе используется для указания на действие, совершаемое немедленно.

Однако же, несмотря на разницу толкований данного стиха в Талмуде и Сифри, между этими источниками практически нет разногласий в том, когда же именно следует совершать ритуал приношения бикурим. О том, что в качестве бикурим следует приносить «первинки урожая земли твоей», сказано в Торе (Шмойс, 23:19). И все мудрецы согласны, что мицва бикурим распространяется лишь на того, кто владеет землей, разъясняет Мишна (Бикурим, 1:1,2). Тем самым даже если обязанность приносить бикурим изначально была возложена на евреев, лишь только они вошли в страну Израиля (как на том настаивает в своем толковании Сифри), эта мицва могла не исполняться, покуда страна не была завоевана и каждая семья не получила свой надел.

В самом деле, и Иерусалимский Талмуд (Швиис, 6:1; Хала, 2:1) и далее толкует, что неправомерно говорить, будто какая-то семья владеет землей, покуда каждое семейство не получило во владение свою долю. И даже если Сифри не согласен с этой позицией, все равно понадобилось семь лет (покуда не было завершено завоевание Земли Обетованной), чтобы первый еврей-земледелец получил участок земли, плоды которого он мог бы принести как бикурим.

Но к одному случаю полностью приложима концепция, изложенная в Сифри и подразумевающая немедленное принесение бикурим. Семейству Итро в награду за то, что связало свою судьбу с судьбою Израиля, был дарован надел в Святой Земле, неподалеку от Иерихона; этот надел оно получило сразу же, как евреи вошли в Землю Обетованную, так как Иерихон был первым городом, завоеванным Иеошуа, – свидетельствует Бемидбар (10:32) и поясняет Сифри на Дворим (26:1). Лишь «поколению Исхода», тем 603 550 главам семейств, что вышли из Египта, пожалована была доля во владении Святой Землей. Итро, перешедший в иудаизм уже после Исхода, тем самым не мог претендовать на права владения в стране Израиля, однако ему и его потомкам был пожалован участок под Иерихоном на срок 440 лет, покуда не был возведен Иерусалимский Храм. Тогда участок Итро был передан во владение тому из колен Израилевых, на чьей земле построили Храм, ибо земля, прилегающая к Храму, стала общей собственностью всех евреев.

В Мидраше подчеркивается, что соответствующий участок земли был дан во владение потомкам Итро на 440 лет – и период этот отсчитывался от того момента, когда Израиль под водительством Иеошуа пересек Иордан.

Итак, существовал по крайней мере один надел, с которого можно было принести бикурим сразу, как только «ты войдешь в страну».

Между сном и реальностью

Однако когда речь идет о практике приношения бикурим, говорим ли мы, что начало ее отсчитывается от момента, «когда ты поселишься в стране» (как считает Талмуд), или сразу же, «когда ты придешь в страну» (как настаивает Сифри), видно: Талмуд и Сифри предлагают нам две концепции самой мицвы о бикурим.

Талмуд предполагает, что истинная благодарность за что-либо следует за осознанием значимости соответствующего дара и того, что этот дар фактически значит в твоей жизни. Покуда человек не «вступил во владение» чем-либо, изучив эту сущность и постигнув, что же она значит, покуда не «поселился» он в этом новом владении, познав на опыте все, с владением этим связанное, – какое значение имеют все его высказывания и заявления о том, что значит «владеть»?

Представление же о мицве бикурим, как оно дано в Сифри, сходно с отношением к миру и его Создателю, данном в Мойде ани: Сифри настаивает, что с первого же мгновения, как мы оказались на земле, дарованной нам Б-гом, мы должны осознать и признать этот Б-жественный дар.

Все сорок лет, что народ Израиля скитался в Синайской пустыне, евреи мечтали о земле, назначенной им Б-гом, – земле, в которой осуществится миссия их жизни. Потом настал великий момент перехода от мечтаний и грез к реальности – той, что не только воплотила мечту, но и «огрубил» ее. В этот момент, говорит Сифри, осуществилось все наше знание о Святой Земле – и наше предощущение ее облеклось в физическую данность этой страны. Притом, что такое знание может быть недостаточно и основываться на том, что весьма далеко от «стандартов дневной реальности», это знание рождается в сердцевине нашего существа. И доступ к этому сокровенному закрывается по мере того, как мы все более и более начинаем воспринимать мир через фильтр нашего сознания. И потому, лишь выразив наши чувства, когда мы на границе между подсознательной убежденностью и рассудочным знанием, мы можем оживить бессознательное состояние совершенства и чистоты своего «я» в той материальной реальности, где обитает наш рассудок.

Что же касается споров мудрецов о законах Торы, в Талмуде (Эрувин, 13б) сказано: «И это, и это – всё слова Б-га живого». И хотя лишь одна точка зрения может получить статус Алохи (практикуемого закона Торы), оба взгляда в равной степени имеют силу выраженной в слове премудрости Б-жьей. И, соответственно, оба должны быть учтены нами, когда мы выстраиваем представления о жизни и отношении к миру.

Так, согласно Талмуду, мы должны позаботиться о том, чтобы понимать, зачем и почему мы приносим дары и какие чувства эти дары выражают, – и это понимание должно проникнуть все наше существо. А согласно Сифри, мы должны стремиться к контакту с той частью своего «я», что лежит за границей нашего сознания, рацио и интеллекта, чтобы привнести толику этой чистоты в «дневную» жизнь.

Раздел Ки Совой, включающий главу, посвященную бикурим, всегда читается в канун 18 дня месяца Элул, – дня, в который родился рабби Исроэл Баал-Шем-Тов (1698 – 1760), основатель хасидизма, и рабби Шнеур-Залман из Ляды (1745 – 1812), основатель хабадской ветви хасидизма.

Жизнь и труды этих двух великих наставников соответствуют двум «версиям» приношения бикурим, как они представлены в Сифри и Талмуде. Рабби Исроэл Баал-Шем-Тов оживил (и в корне обновил) жизнь еврейства, сделав особый акцент на глубине и чистоте веры и обязанностей простых евреев. Рабби Шнеур-Залман учил, что необходимо эту веру и обязанности сделать внутренней сутью человека, придав им эмоциональную и интеллектуальную структуру, описанную в его философии Хабада и выраженную всем его отношением к жизни.

Ī èöĭâèĭ

Долгий короткий путь

Ā ĭm ĭáo [yòĭ é éí èä] ĭĭĕĭæáĭ ĩò èö:

«Ī ÷ áĭ ũ äéèçéĭ é ò ááá ĩĕĭáĭ yòĭ: á úĭòáò ò áĭ èö ĭĭĭ é á ĩáðáòá ò áĭ áĭ, ÷ ò ĭáú èm ĭĕĭĭ yò ũ áĭ» (Āáĭðèĭ, 30:14) – ĭĭá ĭáĭ èĭáĭá, ÷ ò ĭáú ĭáúĭm èò ũ ĩ ĭĭĭ ĭúĭŕ Ā-áĭ, ĩĕĭĕŭ á ĩáĭ ĭĭ äéä ÷ ðáçáĭ ÷ áéĭĭ äéèçéĭ yòĭ ĩĕĭáĭ, – ĭáúĭm èò ũ äéèĭĭĭ é èðà ò éĭ.

Ī äĭĕĭm ĭá ò èò èŭĭ ĭĭ èĕñá é í èä «ðáĭ èŷ» ðáááè Øĭááðá-çäĕĭ áĭá èç Ēŷáŭ

Вся хасидская община 18 Элула (26 августа в 2002 году) празднует 257-ю годовщину дня рождения рабби Шнеура-Залмана из Ляды – основателя направления Хабад в хасидизме. Хабад (акроним слов «Мудрость, Понимание и Знание» на иврите) – это философия и отношение к жизни, предполагающие, что разум и интеллект играют ключевую роль в стремлении служить Создателю.

В тот же день сорока семью годами ранее родился основатель хасидизма рабби Исроэл Баал-Шем-Тов. Его рабби Шнеур-Залман считал своим «духовным дедом», а сам учился у рабби Дов-Бера из Мезерича – ученика и последователя рабби Баал-Шем-Това.

Основные положения философии Хабада рабби Шнеур-Залман изложил в труде, получившем известность под названием Тания: над этой небольшой книгой он работал двадцать лет.

На ее титульном листе он подчеркнул: цель написанного – показать, как исполнение Б-жественного предназначения, предусмотренного для творения Промыслом Б-жьим, воистину близко каждому из живущих, и это – «долгий и краткий путь».

Почему же стезя, которой рабби Шнеур-Залман обещает вести своих учеников, названа «долгим и кратким путем»? Значение этой парадоксальной фразы раскрывает история из Талмуда (Эрувин, 53б), приписываемая рабби Иешуа бен Ханания:

«Однажды ребенок превзошел меня <мудростью>. В странствиях своих как-то встретил я отрока на развилке дорог. Я спросил его: “Который из этих двух путей ведет в город?” И тот ответил: “Эта дорога – короткая, но долгая, а та – долгая, но короткая”.

Я избрал “короткую, но долгую” дорогу. Вскоре я почти достиг города – и тут выяснилось, что дальнейший путь преграждают сады. Тогда я вернулся назад и пожурил отрока: “Сын мой, ты ведь сказал, что это – короткий путь!”

На что тот ответил: “А разве я не сказал, что при этом он долог!”»

Путь напрямик

Живущий может следовать либо путем веры, либо путем разума. Путь веры – «короткий и долгий путь», путь разума – «долгий и короткий».

Путешественник из истории, рассказываемой в Талмуде, достигнув развилки на реальной земной дороге, направляясь к некоему реальному городу, должен сделать выбор, по какой из двух дорог идти ему дальше. Духовное странствие отличается тем, что, достигнув развилки, мы можем – и часто должны – следовать сразу двумя путями. Однако эта возможность не отменяет необходимости отдавать себе отчет, какой из двух путей предпочтительнее и что нас может ждать на каждом из них.

Путь веры берет свое начало в той глубинной правде, что извечно заложена в человеческой душе. Есть нечто, что мы знаем самой сутью своего существа и нам не надо этому учиться или добывать какие-либо доказательства этому. Есть целый спектр привязанностей, желаний, страхов, не нуждающихся в подтверждении опытом: эти чувства составляют саму суть нашего «я». И путь веры в том, что мы открываем в себе этот глубинный слой представлений о мире, так что именно эти представления и становятся для нас кодексом поведения и определяют все наши действия.

Путь веры – «короткий путь» в том смысле, что он прямо ведет нас к цели. Когда мы идем этим путем, «дорога» не отклоняется то в одну, то в другую сторону, нам не приходится карабкаться на холм, который к тому же заслоняет обзор, а потом спускаться в долину. У нас нет никаких сомнений в том, что мы знаем; наши чувства нас не обманывают, и мы полностью им доверяем. Мы изначально знаем и чувствуем, что именно необходимо сделать в той или иной ситуации, и лишь одно требуется – осуществить это знание в реальном поступке.

Но, подобно «короткому» пути из той истории в Талмуде, кажущийся «коротким» путь веры порой почти приводит нас к цели, – но в последний миг между нами и чаемым возникает вовсе непреодолимое препятствие. Мы знаем истину, хотели бы жить в соответствии с ней, но – нам что-то мешает. Хасидизм называет это «синдромом вора в подполе». Наши мудрецы в Брохойс (63а) рассказывают в связи с этим историю про вора, который выкопал лаз, проник в подвал дома, который хотел грабить, – и вдруг услышал над головой шаги хозяев.

«Г-споди, помоги мне! – тихонько взмолился вор. – Спаси меня, Б-же!» Этот человек инстинктивно верил в Б-га (ведь не английскую королеву призывал он в заступницы!) и несомненно, знал заповедь: «Не укради». Однако – он крал и одновременно молил Б-га о помощи.

Итак, вера может пребывать где-то вне повседневности нашего бытия, оставаясь источником неколебимых убеждений и самых пылких переживаний, не имеющих ничего общего с каждодневными поступками и решениями. Дело в том, что, хотя эти убеждения и чувства – неотъемлемая часть нашей сущности, именно в силу этого нам никогда и не приходилось преодолевать себя, свою ограниченность, дабы утвердиться в истинности этих представлений о мире. Таким образом, именно «короткий» характер пути веры оборачивается тем, что этот путь порой оказывается «самым долгим».

Второй путь

Подобно путнику из Талмуда, мы должны вернуться назад (даже если продолжаем идти путем веры) «к развилке» и далее идти «длинным и кратким путем».

Путь разума – извилист, крут, утомителен и длинен, как сама жизнь. Он изобилует трудностями, препятствиями и разочарованиями. Однако – это дорога, что наверняка ведет к чаемой цели.

На пути разума знание – плод долгих штудий, аналитических построений, глубоких размышлений. Чувства рождаются из хорошего знания самого предмета, на который направлены, как результат идентификации с ним. Поступки же в свою очередь мотивированы и предопределены пониманием их роли, желанием достичь определенной цели, а порой – неприятием действий других людей или событий (в последнем случае – спровоцированы негативным внешним раздражителем).

На пути разума базовые представления о мире, так же как и чувства, скорее осознанно формируются, чем обретаются уже готовыми: они больше продукт рационального усилия, чем интуитивного восприятия. И поскольку они, по-видимому, – производное от уже нами достигнутого, а не от нашего внутреннего «я», то мы и отождествляем себя с такими представлениями куда больше, чем с истинами, коих придерживаемся в силу одной лишь веры. Путь разума – «долгий» путь, но это же и делает его кратчайшим путем к нашему назначению.

Конечно же, то, что рождено ограниченными интеллектуальными и эмоциональными возможностями человека, никогда не сможет встать вровень с абсолютностью и мощью веры. Поэтому вера остается первым и главным путем, которого мы должны придерживаться в жизни. Но если положения веры призваны обрести наиболее полное выражение в нашей повседневной жизни, они должны быть подкреплены усилиями мысли и достижениями, обретенными на путях разума.

Ранний Хабад

На титульном листе Тании рабби Шнеур-Залман заявил: он не говорит ничего, что не было прежде «сказано в книгах или произнесено мудрецами» – он лишь собрал их высказывания, которые теперь повторяет. Ребе и назвал свою книгу «Ликутей Аморим», что значит «Собрание речений». Действительно, за шесть веков до написания Тании жили два великих мудреца – Рамбам (рабби Моше бен Маймон; 1135 – 1204) и его современник и оппонент Раавад (рабби Авраам бен Давид; 1125 – 1198), спорившие о преимуществах пути веры и пути знания.

В Законах покаяния Рамбам посвятил целых две главы обсуждению: что есть «свобода выбора», ее он считал одним из главных оснований иудаизма как вероисповедания. «Ибо если бы Б-г судил, быть ли человеку праведником или грешником, или если бы в самой природе каждого была заложена некая сущность, предопределяющая, изберем ли мы стезю праведности или путь греха, предпочтем ли то или иное видение мира, будем ли обладать теми или иными чертами характера, склонимся к тому или иному поступку – как же тогда Б-г велел бы нам через пророков: “Делайте то-то” или “Того-то не делайте”, “Исправьте пути ваши” или “Не уступайте слабости”?... Каково бы было тогда место Торы? И какой справедливой мерой воздавал бы Б-г грешникам и вознаграждал праведников?»

В той же главе Рамбам обращается к рассмотрению вопросов, которые чаще всего задают сторонникам представлений о свободе выбора.

«Так, иной может спросить: “Б-гу, конечно, известно все, что произойдет. Тогда – прежде, чем было совершено то или иное деяние, знал ли Б-г, выкажет ли себя

праведником или грешником тот, кто этот поступок совершит? Если знал, что человек останется праведен, значит, тот не мог не быть праведником. Если же вы скажете, что Он [не знал этого с абсолютной уверенностью]... тогда знание Б-га несовершенно!” Знайте же, что ответ на этот вопрос “длиннее земли мера этого и шире моря” (Иов, 11:9) и множество великих оснований и величественных гор стоят на этом ответе. Однако хорошо уразумейте то, что скажу я вам. Уже объяснено было выше, во второй главе “Законов основания Торы” что Б-г познает не “разумом”, отличным от Его бытия, это у человека его существо и разум – различны. Тогда как для Б-га Он Сам и Его “разум” есть одно и то же – и не дано человеку полностью сие постичь. А потому, как не может человек открыть и воспринять истину Создателя: как “не может увидеть Меня человек и остаться в живых” (Шмойс, 33:20), так не может человек открыть и постичь разум Создателя. Ибо, по словам пророка:

“Мои мысли – не ваши мысли, не ваши пути – пути Мои”

(Шмойс, 55:8)!

Тем самым мы лишены возможности вместить в наше знание природу Б-жественного знания, коему ведомы все твари и всё происходящее. Но одно мы знаем несомненно: деяние человека в его власти, и Б-г не вынуждает его делать что бы то ни было. И знаем мы это не только в силу нашего приятия веры, но благодаря ясным доказательствам учения мудрых».

Раавад оспаривает предложенный Рамбамом подход. Так, в глоссе к вышеприведенному абзацу он пишет: «Автор здесь отступает от образа действий, присущего людям мудрым, ибо не следует начинать то, чего не в силах довести до конца. Он же начинает с того, что затрагивает сложную проблему, оставляет ее неразрешенной и обращается к вере. Лучше бы было ему оставить неискушенных в их слепой вере, чем заставить их осознать ее противоречивость и тем посеять в умах сомнение».

Почему же Рамбам, призвав на помощь логику, взялся обсуждать проблему, для решения которой у него нет логических оснований? Рамбам придерживался иных, чем Раавад, взглядов на роль «логики» в стремлении человека познать Создателя и обрести с Ним связь.

Видение данной проблемы Раавадом исходит из того, что есть понимаемое разумом, а есть нечто превышающее наши способности объять его с помощью логики. К тому, что может быть понято, следует приближаться «путем разума», а то, что превышает разумное постижение, должно всецело принадлежать «пути веры».

Рамбам соглашается, что рассматриваемая им проблема во многих своих аспектах относится к числу тех, которые «не дано человеку полностью постичь». Но он полагает, что и тут не следует пренебрегать «путем разума». Мы должны стремиться постичь – что же в Б-ге ускользает от нашего понимания; мы должны стремиться к тому, чтобы получить истинное представление о глубине и величии Б-жественности, превышающей рамки рациональности.

Иными словами, разум – не только инструмент для постижения сущностей, всецело нам понятных, это инструмент, применимый и для приближения к истине, выходящей за пределы рациональности. Ведь лишь разум может постичь, сколь непостижима истина иного уровня, превышающего возможности разума. И чем яснее

разум, тем яснее понимание, тем яснее чувство, сколь величественно и необъятно лежащее за пределами понимания.

Поэтому недостаточно, чтобы на уровне веры мы приняли парадокс: Б-г обладает всезнанием, а человек – свободой выбора; мы также должны до конца этот парадокс понять. Мы не можем, подобно Рааваду, сказать, будто следует «оставить неискушенных в их слепой вере, а не заставлять тех осознать ее противоречивость». Ибо если эта противоречивость ускользает от нашего осознания, то это значит, что некоторые аспекты, связывающие Б-га с нашей реальностью, недоступны исследованию с помощью разума.

Рамбам настаивает на том, чтобы даже самые непостижимые аспекты нашей связи с Б-гом исследовать с помощью ограниченных способностей нашего разума. Ибо только на «долгих и коротких» путях разума эта истина будет воспринята как часть нашей личности – а лишь тогда мы сможем найти для нее выражение в наших повседневных отношениях с миром.

Ààééäö

ЕДИНСТВО

Раздел Ницовим всегда читается перед праздником Рош а-Шона: так предписал и Рамбам в Законах молитвы

(13:2) и Шулхан Орух (Орах Хаим, 428). Если же читается глава Ваейлех – причем сама по себе, без чтения ее вместе с Ницовим, – то происходит это лишь на Шабос в канун Йом Кипур. Следовательно, глава Ваейлех как-то особо связана с праздником Йом Кипур.

«Вы стоите сегодня все...»

И Рош а-Шона, и Йом Кипур сосредоточены на одной и той же теме: на пробуждении в Б-ге желания, объектом которого стал народ Израиля. Тем самым, для евреев Новый год, со всем его явленным и осязаемым благом, «написан» и скреплен именно в эти дни. Однако эти два дня: Рош а-Шона и Йом Кипур различны. Ибо в Рош а-Шона «приговор» на новый год лишь пишется, тогда как «скрепляется» этот приговор на Йом Кипур. Так что второй праздник – кульминация процесса, начатого ранее (см. Рош а-Шона, 16 а,б).

Алтер Ребе следующим образом объясняет связь между Ницовим и праздником Рош а-Шона: «Как сказано ранее, Рош а-Шона – день, когда Б-г простирает Свою царственную власть и владычество над народом Израиля. И имеет сие силу, когда евреи объединены, как если бы все они были – один человек (Ликутей Тора, 16 а,б; 34б).

Это же представление – и в сердцевине стиха, открывающего Ницовим: «Вы стоите сегодня все перед Б-гом, Всесильным вашим: главы колен ваших, старейшины ваши... от дровосека твоего до черпающего воду для тебя...» (Дворим, 29:9,10). Это свидетельство, что несмотря на различие в положении каждого из евреев, все они стоят перед Б-гом воедино.

«Собери народ»

Но этот аспект единства еврейского народа – также и центральный нерв всей главы Ваейлех. Она начинается с того, что «пошел Моше, и говорил слова эти всему Израилю» (31:1), то есть – эти его слова обращены были ко всем евреям разом. И характерным образом раздел этот кончается обращением Моше ко «всему собранию Израиля» (31:30) – ко всем и каждому, – обращением, которым он объединяет своими словами всех предстоящих ему.

Более того, те заповеди, которым научает глава Ваейлех – собрание народа и написание свитка Торы – являются мицвойс, подчеркивающими единство еврейского народа.

«Собери народ» охватывает всех евреев: «мужчин, женщин, детей и пришельцев» в равной степени (31:12). Именно поэтому данную заповедь называют «Акгел» – само это слово означает «община верующих». В таком случае, принадлежащие к этой общине теряют свою индивидуальную идентификацию и образуют совершенно новую общность.

Написание свитка Торы также подчеркивает представление о единстве евреев: пусть уровень понимания Торы каждым из них серьезно отличается, но все они равны по отношению к письменной Торе.

Две ипостаси единства

Однако при том, что тема обоих разделов, и Ницовим, и Ваейлех, – единство евреев, существует различие двух этих чтений из Торы. Выше уже говорилось: Рош а-Шона и Йом Кипур объединены – оба праздника посвящены тому, что у Б-га пробудилось желание выделить народ Израиля среди иных народов, избрать его объектом Своего особого отношения. Эта тема начинается в Рош а-Шона, проходит через Десять Дней Трепета и завершается в Йом Кипур.

И тут сама разница между Рош а-Шона и Йом Кипур поможет нам уяснить различие в том, как понятие о единстве народа Израиля по-разному выражено в разделах Ницовим и Ваейлех.

Рош а-Шона «восходит» к Б-жественной Царственности – своему сверхъестественному истоку, тогда как Йом Кипур отмечает нисхождение этого Царственного аспекта в мир, раскрытию Б-жественной Царственности в мире. И хотя оба процесса предполагают, что для их реализации сущностно необходимо единство еврейского народа, подразумевается, что указанное различие распространяется и на характер такового единства.

Единство евреев на Рош а-Шона есть, в глубинной своей сути, единство, достигнутое Свыше, – именно в горних его истоки и корни; Йом Кипур выражает это единство, каким оно существует в дольном мире. Поэтому в Йом Кипур еврейское единство выражено и физически, и духовно.

Посудите сами: все евреи равно соблюдают пять запретов Йом Кипура: запрет на еду, питье и т. д. Различие может быть между свершением благого деяния праведником – и деянием человека обычного. Однако в том, что касается «запретительных» заповедей, все евреи одинаковы.

Вот в этом-то и заключается различие между Ницовим и Ваейлех. Притом, что оба раздела обращены к теме единства евреев, Ницовим повествует про объединение евреев, стоящих на различном уровне, тогда как единство, о котором говорится в Ваейлех, таково, что стихи этого раздела не проводят никаких различий между теми, к кому обращены.

Аацеіо

Два пророка, два способа выражения

Слово «аазину», обычно переводимое как «внимать», буквально означает «преклонить ухо».

В связи с этим Сифри сравнивает призыв Моше: «Внимайте, небеса, и я говорить буду, и услышит земля речи уст моих» (Дворим, 32:1) с пророчеством: «Слушайте, небеса, и внимай, земля» (Ишаяу, 1:2).

Моше достиг в тот момент такого уровня духовного совершенства, что пребывал «близко к небесам и далеко от земли».

Потому он мог обращаться к небесам как к пределу, который ближе от него, чем земля.

Ишаяу же, наоборот, пребывал «близко от земли, далеко от неба» несмотря на достигнутые им духовные высоты, поясняет Рамбам (Законы основ Торы, 7), описывая уровень духовного совершенства, которым должен обладать пророк. Но и сами пророки считали, что Ишаяу достиг необычайно высокого уровня (см. Хагига, 13б).

И потому Ишаяу использовал слова, воистину выражавшие уровень пророка.

Отражение духовной реальности

Мудрецы, занимавшиеся Кабалой, учат, что существуют четыре духовных мира: Ацилус, Брия, Йецира и Асия. Ацилус – сфера существования, единая с Б-гом. И хотя эта сфера включает в себе сущности, которые ограничены и поддаются определению, они не ощущают себя отделенными от Б-га. Даже существуя как нечто конечное и обладающее определенностью, они осознают себя не чем иным, как «развертыванием» Б-жественности.

Что до миров Брия, Йецира и Асия, то там, наоборот, присутствует осознание «я» – индивидуальной идентичности. То есть Ацилус определяется как «небеса», а три других мира – как «земля».

Моше описан как нешома (душа) мира Ацилус – как индивидуальное бытие, восприятие которого параллельно миру Ацилус. При том, что Моше пребывал в физическом теле, он воспринимал все сущее как «развертывание» Б-жественности.

Это возможно, ибо пространственные ограничения не распространяются на духовные сферы. Они есть не нечто отдельное от нашего мира, удаленное за его пределы. Живя в этом мире, можно осознавать Б-га вне каких-либо опосредований и обладать близостью к Нему, присущей миру Ацилус.

Таков был духовный ранг Моше – он мог обращаться к небесам с невиданной простотой, потому что он сам находился на этом уровне.

Ишаяу же видел Б-га «издали». Ангелы, о которых он говорит, восклицают: «Свят, Свят, Свят Г-сподь воинств!» (Ишаяу, 6:3). Как объясняет хасидизм, именно кадош, «свят», указывает здесь на пребывание вне, вдали.

В мире Брия даже высшие из ангелов сознают отделенность от Б-га, ибо они уже наделены сознанием своего «я». Таким образом, Ишаяу близок земле. И к ней он обращается как к пребывающей вблизи.

Сплав материального и физического

Однако остаются вопросы: почему Моше обращается и к земле, обращаясь к небесам? И почему слова Ишаяу обращены к небу, когда он обращается к земле? Почему они не ограничиваются сферой, к которой они ближе? Решение этих вопросов связано с фундаментальными положениями иудаизма. Мы не должны забывать ни о связи с Небом, ни о связи с землей. Следует помнить, что мы призваны обеспечить сопряжение материальной и духовной реальностей, а не воспринимать их как два параллельных явления.

Сердцевина иудаизма заключается в том, что мы должны приблизить к нам духовную реальность так, чтобы она стала составной частью мирского опыта, – таков вклад Моше. И точно так же наша задача – возвысить мирское, пока оно не достигнет духовных основ – таков вклад Ишаяу. Это поможет понять различие между откровением Торы, явленным через Моше, и «словом Б-га», сказанным через других пророков (см. Рамбам, Комментарии на Мишну, Сангедрин, 10:1, седьмое и восьмое из тринадцати оснований веры). Главное явлено в Торе – откровение Б-жественной истины. Что же привносят в это пророки? Они побуждают род людской исполнить истину Торы (см. Рамбам, Законы основ Торы, 9:2). В сущности, эти два побуждения можно рассматривать как две последовательные фазы одного процесса.

Дав откровение Торы, Моше направляет каждого из живущих, чтобы тот смог возвыситься над мирской реальностью и стать «близким к небу». Ишаяу развивает эту связь далее, тем самым открывая нам возможность переживать духовный подъем и достигать высшего, когда мы «близки небесам», пребывая в состояниях, когда мы «близки земле» и вовлечены в мелочи земного быта.

Две фазы во времени

Глава «Аазину» всегда читается или в Шабос накануне Йом Кипура в течение Десяти дней раскаяния, или на Шабос после Йом Кипура, перед праздником Суккос. Здесь прослеживается связь с представлениями, о которых мы говорили выше.

О днях, предшествующих Йом Кипуру, мудрецы говорили словами пророка: «Ищите Г-спода, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко» (Рош а-Шона,

18а; Ишаяу, 55:6). В эти дни каждому открывается возможность почувствовать близость Б-га, вот почему Ари говорит:

«Если не плачет человек в течение Десяти дней раскаяния, душа его несовершенна» (При Эц Хаим, Шаар а-Шофар, гл. 5).

Чтение «Аазину» перед Йом Кипуром просветляет, давая нам почувствовать, насколько каждый из живущих «близок к небу». После же Йом Кипура в Б-гослужении нарастают мотивы обращенности к земле, намеченные в стихе: «И пошел Яаков путем своим» (Брейшис, 32:2).

Яаков – душа, отзывающаяся на призыв, символ всего еврейского народа. «Идти своим путем» означает обращенность к личным делам и слияние на этом пути духовной истины с нашим ежедневным опытом, как наставляет стих: «Во всех путях твоих познавай Его» (Мишлей, 3:6).

Остановимся подробнее на двух ступенях, связанных с этим мотивом:

а) соблюдение мицвойс, когда они облечены материальными сущностями, – именно такой вариант приносит нам праздник Суккос;

б) дальнейшее погружение в материальность мира, когда праздники остались позади и мы возвращаемся к нормам повседневной реальности.

Чтение «Аазину» после Йом Кипура подчеркивает, что «близость к небу» – лишь отправная точка для нашего служения Б-гу, которое должно продолжаться в течение всего года.

Две фазы развития

Заметим, возможно и более узкое истолкование понятия «небеса»: в рассматриваемом контексте они выступают и как аналог Торы. Тора – слова Б-га, и через ее изучение человек подходит «ближе к небу», ближе к духовной истине. В мицвойс же, наоборот, важную роль играют земные аналогии, ибо соблюдение заповедей связано с земными делами.

На первом этапе духовного развития человек должен стремиться стать «ближе к небу», погрузиться в изучение Торы.

Позже он должен прийти к осознанию того, что «не изучение главное, а деятельность» (Пиркей Овойс, 1:17). Ибо обязан человек принять на себя часть миссии, цель которой – сделать наш мир обителью Б-га.

Мудрецы утверждают: в нашу эпоху изучение предшествует деянию и в чем-то стоит выше деяния (Кидушин, 40б).

Однако они подчеркивают связь между знанием и деянием, объясняя, что изучение и знание имеют преимущество, поскольку «изучение ведет к действию».

В Эпоху Искупления – наивысшую точку нашего человеческого опыта – предпочтение будет отдано действию. Ибо в эту эпоху служение людей Б-гу установит совершенную связь между небесами и землей. И мы будем постоянно и повсюду

чувствовать присутствие Б-жественного, которое наполнит собой каждое мгновение нашего бытия.

ב *דיו*

Смысл праздника

Рамбам в Законах молитвы (1:8 и далее), пишет: «Моше повелел, чтобы каждый праздник евреи читали [фрагмент из Торы, что отражает] самую суть этого дня».

Далее Рамбам перечисляет все фрагменты, читаемые в каждый из праздничных дней, и в конце замечает, что на Симхас Тойра читается глава «Брохо». При этом Рамбам не упоминает названия праздника Симхас Тойра и не касается обрядов, присущих этому особому дню. То есть он подразумевает, что чтение «Брохо» на Симхас Тойра имеет отношение к сути праздника. И причина, по которой этот фрагмент читают на Симхас Тойра, – не только в том, что этот день замыкает годовой цикл чтения Торы.

Одна жертва, один народ

В чем же внутреннее содержание праздника Симхас Тойра?

Сравнивая священные жертвы, приносимые в праздник Суккос, с совершаемыми на Симхас Тойра, мудрецы поясняют: семьдесят быков на Суккос символизируют семьдесят народов, населяющих мир (Сукко, 55б). Один бык, приносимый на Суккос, соотносится с еврейским народом – «из народов – единственным». Симхас Тойра – день, когда «народ и Царь – единственные и избранные» (Зогар, т 1, с. 64а и далее, 208б, III, с. 32а). И радость праздника – выражение сущностной связи между Б-гом и евреями.

Это представление выражено как в названии читаемого в праздник фрагмента Торы (Ве зойс а-Брохо – буквально «Это есть благословение»), так и в содержании этого пассажа, о благословении народа Израиля, избранного среди иных народов.

Почему Моше разбил скрижали

Раши поясняет: заключительные слова Торы – «л'эйней кол Исроэл», «на глазах у всего Израиля» во фразе о «страшных деяниях Моше, которые совершил он на глазах у всего Израиля», отсылают к эпизоду с сокрушением скрижалей, содержавших Десять заповедей (Дворим, 34:12). Мудрецы придают этому особую важность, поясняя: здесь содержится все учение, изложенное выше (см. Брохойс, 12а и 31а, где особый акцент – на заключительном пассаже: «словами восхваления и утешения»).

Почему же в самом конце Торы, и – подчеркнем – в конце Брохо упоминается о событии которое, казалось бы, ложится позорным пятном на народ Израиля, ибо скрижали с Заповедями были разбиты из-за того, что евреи впали в грех и поклонялись золотому тельцу? Сам этот вопрос заставляет предположить, что интересующая нас фраза связана с хвалою народу Израиля. А точнее – с аспектами настолько важными, что они стали заключением всей Торы.

Попробуем пояснить. Описывая причины, побудившие Моше разбить скрижали, Раши (Шмойс, 34:1) прибегает к аналогии.

«Некий царь отправился в далекую страну, оставив обрученную с ним невесту на попечение служанок. Служанки же впали в порок, из-за чего пятно легло и на репутацию невесты. Тогда шафер решился объявить о том, что разрывает брачный контракт: “Если царь повелит предать невесту смерти, я буду против: она не была его женою”. Царь здесь – Всевышний, да будет Он благословен; служанки – пестрое множество [тех, что обратились в иудаизм, присоединившись к народу Израиля во время Исхода]. Шафер – Моше, а обрученная невеста... – народ Израиля». Раши дает понять: Моше разбил скрижали, дабы отвратить гнев Б-га от Израиля.

В другом комментарии (Шмойс, 32:19) Раши говорит, что Моше разбил скрижали по следующей причине: «Написано (Шмойс, 12:43) о пасхальной жертве, и заповедано, как одна из мицвот: “Никакой чужак не должен есть ее”» [общепринятое истолкование этих слов гласит, что от вкушения пасхальной жертвы отстранен всякий еврей, чье поведение чуждо воле Б-га]. И если отступились евреи, как же можно дать им Тору? Этот пассаж указывает, что скрижали были разбиты из уважения к Торе: разве можно дать Тору людям, совершившим столь тяжкий грех? Два этих истолкования – взаимодополняющие, ибо в основе совершенного Моше лежат два мотива: почитание Торы, с одной стороны, и любовь к народу Израиля и желание отвести от него гнев Б-жий – с другой стороны. Ибо почтение к Торе объясняет, почему Моше не дал народу Израиля скрижали, но не объясняет, почему он их уничтожил. Тем самым народу Израиля придается совершенно особое значение.

Тора для Всевышнего – «радость каждый день, что веселится перед Ним все время» (Мишлей, 8:30). А вместе с Торой скрижали с Десятью заповедями были «созданием самого Всесильного, и письмена на них были письменами самого Всесильного» (Шмойс, 32:16), и Моше получил их от Самого Б-га (Раши на Дворим, 34:12).

И однако, когда будущее еврейского народа оказалось под угрозой, Моше не колеблясь разбил скрижали, чтобы спасти свой народ. Более того: в грех впал не весь народ Израиля, но малая его часть, и чтобы спасти этих заблудших, Моше разбил скрижали, врученные ему Б-гом.

Почему же Моше пошел на это? Ответ один: ничто – даже Тора – так не любезно Б-гу, как иудей.

Что явлено ранее?

Мудрецы утверждают, что две сущности были ранее, чем все сотворенное: Тора и еврейский народ (Брейшис Раба, 1:4). И далее: «Не знаю, что явилось ранее... скажу все же, что ранее явился еврейский народ». Речь здесь не о предшествовании в хронологическом смысле, но о значимости. Душа всякого еврея «воистину, частица свыше, от Б-га», утверждает Тания (гл. 2).

Потому выражение Шмойс – «Израиль – Мой первенец» (4:22) приложимо ко всякому, кто принадлежит к народу Израиля.

Каково же тогда предназначение Торы?

Она призвана открыть это сущностное качество: дать каждому, кто принадлежит к нашему народу, это осознать. И снабдить всех тем, что позволит этому измерению нашего «я» проявиться в жизни. И именно на этих представлениях сделан акцент в последних словах Торы. Легко проследить их связь с названием праздника Симхас Тойра, буквально означающим «радость Торе». Хасидские мыслители поясняют: поскольку евреи так или иначе предшествуют Торе, они способны принести Торе радость. И это также нашло свое выражение в названии праздника.

Явное и очевидное благословение

О стихе «Это – Всесильный мой и я прославляю Его» (Шмойс, 15:2) Раши говорит, что слово «это» указывает на прямое и явленное откровение – на столь явственную манифестацию Б-жественности, что на нее можно даже указать: «Это Б-г».

Название Ве зойс а-Брохо означает: «Это – благословение», и эта фраза подразумевает, что благословение, данное и даваемое Моше еврейскому народу, – очевидно и явно, и оно сделает следующий год исполненным очевидного и явного блага. «Еврейский народ, Тора и Святой, будь Он благословен, есть одно» – (Зогар, т. III, 73а). Поступая по Торе, мы являем в мир данную нам от Б-га искру. Мы этой искрой обладаем, и Тора здесь – проводник благословения. Тора низводит к нам из духовных миров благодать Б-жью, давая ей воплотиться в мире материальном.

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Èì àí óyë Øí òàò

Î :- èñò è ì ì ì ù ñëù í àø è,

*äàáú ì ù ì ì äè :- èñò ì ñàäá-í ì ñéø è ò ù òäáá, èáí Òù - Ýèí è è ì Ýì àñ (Èñò è ì ì ù è Á-
à)*

è Òáí á ñéí áí èñò è ì ì è äá-í ì.

Áéäá ñéí ááí Òù,

Á-ñí ááü, Áéäñò äè ì Çàì è è.

Èèò óäëý Ðíø à Øí í à

Для литургии высоких праздников характерны ключевые слова и фразы, подчеркивающие значение этих дней. Одним из таких ключевых является слово «Властелин». Ибо в праздник Рош а-Шона мы вновь подтверждаем абсолютную, суверенную власть Г-спода, Владыки Вселенной. Рош а-Шона – это день рождения человечества. В этот день были созданы Адам и Хава, именно тогда было явлено Б-жественное свойство «царственной власти».

Каждый праздник Рош а-Шона обновляет и утверждает это свойство, исходя из которого Г-сподь судит Свои создания. Таким образом, мы признаем Его всевышнюю

власть и покоряемся ей, молясь о том, чтобы предстоящий год был по-настоящему счастливым.

Другое ключевое слово – «Истина». Истина означает безусловное согласие с предстоящим, глубокое убеждение, отражающее соответствие с реальностью. Упор, который в эти дни делается на Истину, призван исключить всякое приспособленчество и лицемерие. Определение «Властелин» указывает на реальность Создателя и Верховного Существа. Определение «истина» относится к нам самим – имеется в виду, что мы отчетливо сознаем свою собственную реальность и свой статус.

Соотношение между этими двумя определениями абсолютно ясно. Недостаточно просто поклоняться Г-споду Б-гу и признавать Его власть и превосходство. Нужно искренне претворять в жизнь все, что подразумевает Рош а-Шона: если

Б-г – Владыка Вселенной, если все блага жизни – здоровье, наши средства к существованию и наше счастье зависят от

Б-га и мы подтверждаем это, являясь перед Ним в Судные дни, – значит Он – наш Владыка и Тот, кто питает нас круглый год. Если мы искренне верим: Б-г слышит и видит нас, следит за нами и внимает нам, то это касается не только сезона праздников или поры, когда испытываем нужду в чем-то, – это происходит всегда!

Наши мудрецы отмечали, что на иврите слово «правда» (эмес) состоит из трех букв: алеф, мем и тов. Это первая, средняя и последняя буквы еврейского алфавита. «Эмес» означает последовательность – от самого начала, через середину и до самого конца. Последовательными и должны быть наши отношения с Б-гом, наши отношения с другими людьми, наше отношение к самому себе. Человеку свойственно заблуждаться, но сознательная непоследовательность, своевольный отход от правильного пути – это лицемерие, которое может быть приравнено к безнравственности. Если мы хотим, чтобы другие относились к нам благожелательно и были честны с нами, если надеемся, что наши дети будут стремиться к высоким идеалам, то эти качества мы должны демонстрировать в собственном поведении. Мы сами должны задавать тон своим поведением, доказывая свое стремление к идеалу.

Рош а-Шона позволяет нам перевернуть страницу нашей жизни, сказать: «что прошло, то прошло» – и начать все сначала. Однако из этого не следует, что такой поворот можно сделать наспех: нельзя подкупить Г-спода, помолвившись на скорую руку и раздав милостыню, чтобы гарантировать себе благоприятный «приговор», а спустя некоторое время вернуться к прежним грешным привычкам. Верховный Судия Рош а-Шона и Йом Кипура всегда одинаков, в любой день недели. По этой причине мы в начале нового года столько внимания уделяем необходимости держаться правды: это делается для того, чтобы мы прониклись необходимостью всегда придерживаться истины. Ибо Истина, как учит наша традиция, – это синоним Г-сподней Торы, которая содержит Его руководящие указания во всем, что касается нравственности человека, – по сути дела, это синоним, означающий самого Всевышнего. Сознательное понимание Истины и приверженность Истине в начале нового года определяет направление на все последующие дни и месяцы.

Обмануть других и извлечь из этого выгоду сравнительно легко. Однако в конечном счете это обернется против обманщика: обман рвет в клочья ткань социальных связей. Еще хуже нечестности в отношении других – обманывать самого себя. Склонность закрывать глаза на истину, склонность к лжи и лицемерию, склонность к самообману,

подводить рациональную основу под эту ложь и оправдывать себя – это страшные пороки, которые разъедают человеческую природу.

Шофар в Рош а-Шона провозглашает обновление всего человечества и каждого человека. Шофар провозглашает, что мы коронуем Г-спода как нашего Верховного Владыку. Он напоминает нам о том, что наша позиция, наше сознание, наша преданность Истине в день, когда обновляется история всего человечества и каждого отдельного человека, определяют наше будущее. По сути дела, наша судьба в наших руках. Поэтому конечный смысл этих праздников выражен в молитве о том, чтобы Отец наш Небесный открыл наши глаза и сердца для постижения истины, дал нам силы жить по правде. А все остальное приложится – все материальные и духовные блага проистекут из этого сами.

СЕНТЯБРЬСКИЕ НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН РОССИИ

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС РУССКОЯЗЫЧНОГО ЕВРЕЙСТВА ПРОШЕЛ В МОСКВЕ И В ИЕРУСАЛИМЕ

В работе учредительного съезда Всемирного конгресса русскоязычного еврейства в Москве приняли участие более 300 представителей еврейских общественных организаций России, всех государств на территории бывшего СССР, а также Израиля, США, Канады, Германии, Австрии, Австралии.

Собравшиеся сформулировали основные цели деятельности Конгресса: развитие еврейского образования, традиции и культуры среди русскоязычных евреев диаспоры и Израиля; политическая поддержка Израиля в его борьбе с террором; поддержка России, США и других стран антитеррористической коалиции в их противостоянии международному терроризму.

Конгресс создается по инициативе общественных организаций, представляющих интересы русскоязычных евреев в странах диаспоры и в Израиле, и в том числе в России – Федерации еврейских общин России, в США – Американской ассоциации евреев – выходцев из СССР, в Израиле – Сионистского форума, на Украине – Конфедерации (Ваада) еврейских общин Украины.

В программе учредительного съезда в Москве прошли заседания, доклады, семинары участников Конгресса, принятие резолюций и утверждение устава. В рамках израильской части программы – демонстрация солидарности с народом Израиля, встречи с членами кнессета и визит в резиденцию президента Израиля.

«Наши цели – помочь русскоязычным евреям интегрироваться в еврейскую жизнь стран проживания и поддержать Государство Израиль в первую очередь в борьбе с террором, – сказал в ходе подготовки к съезду председатель оргкомитета Валерий Энгель. – Два дня в Москве и два дня в Иерусалиме превратятся в акцию поддержки исторической родины всем русскоязычным еврейством. Мы надеемся, что в результате работы Конгресса родятся, интересные всем общинам программы, которые мы вместе будем реализовывать».

От имени Ваада Украины Иосиф Зисельс заявил:

«Мы ценим возможность создания общей для всех нас структуры. Сегодня сама идея создания Всемирного конгресса русскоязычного еврейства вызывает много возражений и споров. И это понятно. Уж слишком в разных условиях живут общины. Но в итоге победило конструктивное начало. Мы все решили сделать еще одну попытку создать объединение, о котором мечтали многие годы. На съезде отказников, организованном Федерацией еврейских общин России в Москве, вновь прозвучала эта идея. Исполнительный директор ФЕОР Валерий Энгель предложил, опираясь на реальные финансовые и организационные возможности сегодняшнего еврейского движения в России и других странах, объединить евреев, говорящих по-русски... Еврейский народ живет одновременно и в диаспоре, и в Израиле. И многие его позитивные черты – плод такого единства».

Виктория Брумина сказала:

«Мы, представители Белоруссии, практически сразу же вошли в состав оргкомитета съезда по созданию Конгресса. Мы понимаем острую необходимость в такой организации. Пока не все кажется простым и ясным. Но для нас это вера и надежда на то, что мы никогда не почувствуем себя одинокими, что мы будем защищены. Мы решили стать членами Конгресса, работать вместе с коллегами и верим в удачу».

К делегатам учредительного съезда обратился с приветствием президент Российской Федерации Владимир Путин.

«Ваш форум носит уникальный характер: впервые создается всемирная организация русскоязычных евреев, людей, принадлежащих двум великим культурам – еврейской и русской, – отметил президент. – Вы ставите перед собой важные масштабные задачи – содействие прямым человеческим контактам, развитие информационных, культурных и деловых связей, сохранение национальных традиций, защита интересов русскоязычных евреев во всем мире. Особенно важна ваша инициатива сегодня, когда весь мир объединяется для противодействия экстремизму, ксенофобии и национализму, которые служат питательной средой для терроризма».

Приветственные послания съезду направили также мэр Москвы Юрий Лужков и мэр Иерусалима Эхуд Олмерт.

Главный раввин России р. Берл Лазар единогласно избран председателем раввинского комитета Всемирного конгресса русскоязычного еврейства. В выборах принимали участие около 50 иудейских духовных лидеров, приехавших на съезд из 21 страны. Комитет раввинов будет следить за соответствием деятельности Конгресса этическим и моральным нормам иудаизма и выполнять консультативно-рекомендательные функции.

После заседаний в Иерусалиме около 500 делегатов Всемирного конгресса вышли на улицы города, чтобы принять участие в демонстрации солидарности с народом Израиля. Среди участников акции – главный раввин России р. Берл Лазар, руководители крупнейших еврейских общин России, представители еврейских диаспор США, Канады и Австралии, известные русскоязычные евреи – делегаты съезда.

Состоялись встречи делегатов с депутатами кнессета. В ходе беседы один из ее участников, лидер партии «Наш дом – Израиль» Авигдор Либерман подчеркнул, что «Израилю в данный момент гораздо легче иметь дело с российским руководством, чем с большинством европейских стран. Именно из Москвы мы слышим наиболее трезвые

оценки, именно там мы видим наиболее взвешенные позиции, и мы уверены, что в этом огромная заслуга принадлежит еврейской общественности России».

В свою очередь р. Берл Лазар напомнил, что именно солидарность с народом Израиля сегодня объединяет всю еврейскую диаспору. «Евреи России считают своим долгом не только проявлять солидарность с Израилем в этот тяжелый и трагический момент его истории, но и нести людям правду о том, что на самом деле происходит на Ближнем Востоке», – заявил р. Берл Лазар в Иерусалиме на встрече делегатов Всемирного конгресса с президентом Израиля Моше Кацавом. Он также подчеркнул в этой связи, что «одной из основных проблем Израиля сегодня является поток дезинформации, распространяемой не только в странах Европы, но и в США». «Израиль находится на переднем фланге войны с терроризмом, и если мировое сообщество не поддержит Израиль в это время, то следующей мишенью террористов может стать любая из стран цивилизованного мира», – сказал главный раввин России.

Со своей стороны, Моше Кацав заверил присутствующих на встрече, что считает Россию дружественным государством. «Я до сих пор с волнением вспоминаю свой официальный визит в Россию, когда президент Путин оставил меня в полной уверенности относительно того, что он является настоящим другом нашего народа и страны».

Молодая москвичка Татьяна Сапунова, пострадавшая от антисемитского теракта в Подмосковье, стала почетным председателем общественного совета Всемирного конгресса русскоязычного еврейства. От имени делегатов раввин Берл Лазар преподнес мужественной женщине серебряный макет Иерусалима. Около 500 человек стоя приветствовали ее аплодисментами. Поблагодарив делегатов Конгресса за высокую честь, оказанную ей, Татьяна Сапунова призналась, что ни в коей мере не чувствует себя героиней и уверена, что точно так же на ее месте поступил бы любой нормальный человек. «Если бы месяц назад кто-то сказал, что меня будут чествовать в святом городе Иерусалиме и чествовать так, то я никогда бы не поверила», – призналась Татьяна. Она поблагодарила врачей, вернувших ее к нормальной жизни, на что, по ее словам, она уже не рассчитывала, и израильское общество, окружившее ее теплом и заботой.

«Всегда найдутся люди, – сказал в ответном слове раввин Берл Лазар, – которые видят в России только негативные явления. Например, в этом теракте многие склонны были видеть лишь проявление вспышки фашизма». Раввин увидел в происшествии на Киевском шоссе, а точнее в поступке Татьяны, «свет в конце тоннеля». Он убежден, что в России «гораздо больше людей, которые поступили бы как Татьяна, чем тех, кто установил плакат».

עֵי אֱלֹהִים

ХРАМ КНИГИ

Крупнейшее в России собрание книг на

еврейскую тему отныне будет в Еврейском общинном центре Москвы: здесь в июле открыта публичная библиотека. Уже сегодня на библиотечных полках стоят около 4 тысяч томов, среди которых и антикварная литература, и книги советского периода, и те, что появились сравнительно недавно.

Около 300 дарителей внесли свой вклад в создание библиотеки. Однако беда в том, что многие издания найти не удавалось. «Мы жили в страшный век: он был в первую очередь страшным для людей, а во вторую – для книг, которые сжигали, и многие из них тогда пропали безвозвратно», – сказал на церемонии открытия главный редактор журнала «Лехаим» Борух Горин.

В свою очередь, главный раввин России Берл Лазар, обращаясь к первым посетителям библиотеки, поблагодарил всех, кто помог ее созданию. Он сравнил это событие с возведением Иерусалимского Храма, который тоже строили сообща. «Каждый, кто принес сюда свою книгу, как бы пожертвовал свои пол-шекеля для нашего книжного храма и поделился с ближним частью своей души», – сказал раввин.

עֵי אֲדוֹאֵי

«ЕВРЕЙСКОЙ ШКОЛЫ БЕЗ ЕВРЕЙСКИХ ТРАДИЦИЙ НЕ БЫВАЕТ»

Задумывались ли вы, чем отличается еврейская школа от любой другой? Уроки и перемены, контрольные и экзамены, классные часы и родительские собрания... Есть нечто, что делает школу именно еврейской. Что же это?

Вот как отвечают на этот вопрос ученики нашей школы...

«Еврейская школа не может быть без еврейских традиций» (Аня Куликова, 5-й класс).

«А если это не так – зачем создавали нашу школу?» (Оля Еськова, 8-й класс).

Все это не просто слова, и в этом мы убедились, проведя неделю еврейских традиций в школе «Ор-Менахем» Донецка.

Началась она с олимпиады, в первом туре которой участвовала вся школа. Но во второй тур вышли только тридцать пять человек! Здесь уже пришлось крепко подумать и здорово поломать голову. В принципе, с заданием справились все, но в финал вышли «самые-самые» – те, чьи ответы были не только правильными, но и достаточно полными и глубокими. Всего десять человек. Именно они и стали главными героями финала олимпиады.

Третий тур был очень трудным. Тут ребятам понадобились и сообразительность, и логическое мышление, и способность быстро принимать решения. Ну-ка, попробуйте, глядя на учительницу, которая пробует воображаемый суп, и говорит: «пересолила», вспомнить историю жены Лота, превратившуюся в соляной столб. Или догадаться, на что намекают участницы школьного танцевального ансамбля, грациозно исполняющие еврейский танец с бубнами. Но и тут финалисты не растерялись и дали точный ответ: это женщины, поющие и танцующие во главе с Мирьям, после перехода через Красное море...

Интересно и весело было всем – болельщикам и участникам. Финал стал настоящим Праздником Знаний еврейских традиций и Торы. Праздничное настроение чувствовалось и в оформлении зала, и в великолепных стендах, выполненных учениками школы.

Неделя закончилась, а что в итоге? Судите сами по отзывам учеников.

«Я была среди участников. Честно говоря, очень боялась. Я желаю всем так же активно работать на уроках традиций и Торы. Было очень весело и интересно» (Э. Ищенко, 5-й класс).

«Этот праздник мне понравился... Я хочу сказать всем: учитесь и занимайте призовые места» (С. Зарахович, 5-й класс).

«Больше всего в этом празднике мне понравилось то, что я – еврей-хасид и учу еврейские традиции и Тору» (без подписи, 2-й класс). *Эстер Резник*

ОБРЕТЕНИЕ ДОМА

В июле в жизни еврейской общины города Кинешмы произошло знаменательное событие – после ремонта в торжественной обстановке был открыт еврейский общинный центр. Это событие совпадает с еще одной вехой истории общины – десятилетием со дня ее возрождения. Кинешма – маленький город Ивановской области с населением около 100 тысяч человек, евреев – около 400.

Я хорошо помню свой первый приезд в Кинешму два года назад. Община работала в доме культуры, причем, у нее заканчивался договор аренды на это помещение. Помню теплый прием, занятие еврейской традицией, которое мы провели, самодеятельный концерт. Много раз после этого я приезжал в этот город, находил что-то новое. Но главная проблема оставалась – у общины не было своего постоянного помещения, хотя всю работу воскресная школа и филиал благотворительного центра «Хесед», осуществлялись культурные программы.

Председатель общины Юрий Абрамович Левин неоднократно обращался к городским властям с просьбой о предоставлении достойного помещения; наконец им выделили две маленькие комнатки. И лишь недавно, полгода назад, городские власти предоставили общине просторное помещение на первом этаже жилого пятиэтажного дома – бывший склад магазина. Когда я первый раз зашел туда – ужаснулся: помещение было очень запущено.

В это время председателем еврейской общины Кинешмы был избран Владимир Георгиевич Младенов – человек целеустремленный и энергичный, умеющий точно поставить задачу и найти пути ее решения. Кинешемцы собрали деньги, оказала поддержку ФЕОР. Как водится, этих денег оказалось мало, и Владимир Георгиевич находит в Москве мецената, который оказывает весьма существенную помощь. В результате община получает прекрасный подарок к десятилетию – с иголки, отделанный, сияющий чистотой Еврейский общинный центр.

На торжественной церемонии открытия присутствовало много гостей: представители еврейских общин Костромы, главный раввин Костромы Нисон Руппо, раввин Зеев Вагнер, представитель Нижегородского филиала ЕАР и московский гость из РЕК. Их встречали хозяева: председатель общины В.Г. Младенов, его помощник и идейный вдохновитель общинных программ, преподаватель английского языка кинешемской воскресной школы Людмила Шлемовна Шлюндина, директор воскресной школы, заслуженный учитель России Симон Давидович Брук, волонтеры и молодежь.

Раввин Нисон Руппо прибывает к дверному косяку первую мезузу, раввин Зеев Вагнер – вторую. На карте страны зажигается еще одна еврейская шестиконечная звездочка. Кинешемская еврейская община наконец-то обретает Дом, где разместятся все ее структурные подразделения, где евреи будут помогать друг другу, учиться сами и учить своих детей, встречать Шабос и традиционные праздники.

Евреи Кинешмы выражают огромную благодарность всем, кто помог им обрести свой Теплый Еврейский Дом!

אי אדאע יעדא

ЕВРЕЙСКИЙ ЛАГЕРЬ: ОТ МОЛИТВЫ ДО КАРАТЕ

Сорок учащихся частного еврейского учебно-воспитательного объединения «Ор Авнер» города Белая Церковь прекрасно отдохнули в лагере «Ялдей ор». Главными организаторами лагерной жизни стали раввин Меир Ольцберг и его супруга Броха. Многочисленные игры и развлечения следовали непрерывной чередой. Но были, конечно, и занятия по изучению традиций еврейского народа. Обычно день начинался с молитвы. А потом мальчики занимались карате и учились жонглировать, девочки осваивали танцы и пластическую гимнастику. Чрезвычайно интересно проходили занятия изобразительным искусством. Дети выучили много новых песен.

Незабываемые впечатления оставили экскурсии. Дети посетили городскую книжную фабрику, бассейн и тренажерный зал, станцию юношеского творчества «Прометей», краеведческий музей, парк имени Петровского с различными аттракционами, парк «Александрия». Апогеем всей лагерной смены стала экскурсионная поездка в Киев. Ребята побывали в планетарии и синагоге Бродского, а потом устроили пикник. Лагерная жизнь так понравилась детям, что они не хотели разъезжаться. Не сомневаюсь: новый учебный год они начнут отдохнувшими и полными сил.

נאיו עאל א אי עינני

ВСЕВЫШНИЙ В СЕРДЦЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВСЕВЫШНИЙ ВЕЗДЕ

Целебный настой сосен. Согретое солнцем разнотравье. Июльская благодать. Две недели в санатории «Дубрава» отдыхали и поправляли здоровье более полусотни мальчишек из Брянска и еще двенадцати городов нашей и соседних областей и республик. Играли, купались, принимали процедуры, ездили в город на экскурсии. Но не только. Параллельно «учились на евреев». Постигали исторические и духовные корни своего народа. Чтобы без комплексов, с достоинством осознавать свою причастность к одной из самых древних наций, история которой уникальна и драматична. На вывеске по-русски и на иврите чуть ли не вся карта западного региона СССР: Брянск, Сураж, Смоленск, Клинцы, Новозыбков, Гомель, Минск, Елец, Мозель, Могилев, Бердичев, Курск, Кострома. Вокруг эмблемы с названием лагеря «Ган Исроэл» стих из псалма Давида и слова из книги «Пророков»: «Вы будете собраны по одному, сыны Израиля».

Лагерь был организован Брянской иудейской общиной на средства Федерации еврейских общин России.

Все эти две недели дети были под присмотром полутора десятка вожатых из Канады, США, Бельгии... Двадцатилетние бородачи закончили американские ешивы и имеют опыт работы в подобных лагерях. У старшего вожатого Иосефа Шохата это пятый лагерь. Он уже побывал в Москве, Челябинске, Нижнем Новгороде.

Рыжебородый американец Менди Гольдштейн родом из Днепропетровска. Менди говорит, что вера помогла ему определить цель в жизни. Он многое уже успел в свои двадцать с небольшим лет: Нью-Йорк, штат Нью-Джерси, Израиль, теперь вот – Россия и Брянщина... «Американские дети избалованные, – рассказывал Менди. – Наши более послушные, но и зажатые. В Америке ребята не боятся своего еврейства. Они могут идти по улице и петь на иврите. Здесь этого нет. Я думаю, что в таком лагере они лучше узнают и поймут свои корни. Даже после того как разъедемся, мы не хотим терять друг друга. Будем поддерживать связь по телефону и интернету».

Своим «педагогическим кредо» поделился и главный организатор лагеря раввин Ицхок Ройтман:

– «Инициатива создания таких лагерей принадлежит Любавичскому Ребе. – И первый подобный лагерь в России был организован 10 лет назад. Сейчас некоторые ребята из этого лагеря учатся в ешивах. А другие просто стали уверенней чувствовать себя.

Идея лагеря “Ган Исроэл” проста – дать детям полезные навыки и сведения в игровой форме: основы иврита, еврейские традиции, основные обычаи и молитвы. Но главное – раскрепостить их, помочь им почувствовать атмосферу еврейской жизни. У ребенка нет отрицания собственного существования, которое может прийти с годами к взрослому. Ребенок не строит лестницу к Б-гу, он общается с Ним напрямую... Всевышний в сердце – это больше, чем Всевышний везде. Если хотите – это и есть девиз нашего лагеря».

וְאֵלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ

וְיְהוָה אֵלֵינוּ

ЕВРЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ В БИРОБИДЖАНЕ ЕСТЬ!

В марте 2002 года Биробиджану, столице Еврейской автономной области исполнилось 65 лет. Официальные торжества намечены на выходные дни 13 – 14 сентября. К этой дате руководство города намерено закончить капитальный ремонт и реконструкцию нескольких зданий – ровесников города, а также завершить строительство привокзальной площади с установкой большой и красивой меноры, древнего символа еврейского народа. Благоустраиваются и озеленяются улицы, ремонтируются фасады многих зданий, преобразуются торговые центры. Невооруженным глазом видны коренные перемены, которые происходят в еврейской жизни области. Сегодня практически каждая делегация, приезжающая в Биробиджан, ставит своей задачей побывать в еврейской общине и ее общинном центре «Фрейд». Право же, у нас есть на что посмотреть!

Однако не все хотят это замечать, и свидетельство тому – публикации в средствах массовой информации о высказываниях бывшего главного раввина России Адольфа Шаевича, нашего земляка. Больно, когда человек, родившийся и выросший на дальневосточной еврейской земле, не хочет замечать происходящих вокруг перемен и предпочитает все видеть в черном свете. Так, например, в апрельском номере газеты «Партнер» за 2002 год он заявляет, что наша область – это, по сути, один Биробиджан... А это далеко не так! В развивающейся области были созданы десятки колхозов, строились промышленные предприятия, ее население составляло 240 тысяч человек. Сегодня здесь проживает около 10 тысяч евреев.

Хотелось бы спросить вас, уважаемый Адольф Соломонович, что вы знаете о еврейской жизни области? Практически ничего. Мы понимаем, что вы судите о еврейской жизни в области по «своей» общине «Бейт-Тшува» и синагоге, которые посещают от силы 45 – 50 человек. А ведь в ЕАО есть еще еврейская религиозная община «Фрейд», объединяющая 4630 членов.

В Биробиджане работает средняя школа с углубленным изучением еврейской истории и традиций, еврейская школа, где обучаются 250 учащихся, еврейская воскресная школа для 120 детей, Биробиджанский еврейский народный университет, который посещают 70 учащихся, класс по изучению языка идиш. Также действуют 10 клубов и среди них детский клуб для 120 ребят, молодежный клуб, который посещают 70 молодых людей и девушек. Клубы работают и в районах области, их посещают 730 человек. Каждую неделю в общинных клубах проводится Шабос, в том числе в здании общинного центра, единственного в своем роде в Сибири и на Дальнем Востоке. В 30-е годы евреи об этом могли только мечтать! Вы были у нас и видели нашу прекрасную библиотеку, которую посещают свыше 1000 читателей, 9 передвижных библиотечных филиалов в районах области и Биробиджане. В Биробиджанском государственном педагогическом институте студенты вот уже в течение 10 лет обучаются языку идиш. Мы гордимся нашими коллективами, которые стали лауреатами конкурсов еврейского художественного творчества на Дальнем Востоке. Каждые два года здесь проводятся международные Фестивали еврейской культуры, Дальневосточные молодежные спортивные игры «Шолом», в которых в этом году участвовало 400 детей. Работает Хесед «Фрейд», у которого 1650 подопечных и 5 благотворительных столовых во всех районах области. Ежегодно община совместно с Еврейским агентством в России и вожатыми из Израиля проводят до пяти Дальневосточных региональных лагерей по 150 детей в каждую смену.

Вообще нас поразило отношение г-на Шаевича к своей малой Родине. В своем интервью журналу «Родина» он заявляет, что если бы не уехал, то спился бы... Но мы же не спились!

Нам хотелось бы спросить вас, г-н Шаевич, ведь неспроста же только за последний год в Еврейской автономной области снимали фильмы о еврейской жизни восемь телекомпаний, в том числе 1-й и 2-й германские телеканалы, Би-Би-Си, Эн-Эйч-Кей, Си-Эн-Эн, а также НТВ, ОРТ, РТР и канал «Культура»? Вот и Голландская телекомпания снимает полнометражный фильм... И наш с вами товарищ, главный редактор крупной русскоязычной газеты США «Форвертс», Леонид Школьник пишет о нашей общине. А наша собственная газета «Община» признана лучшей.

Сегодня на средства спонсоров мы строим здание синагоги, воскресной школы, благотворительной столовой – оно будет закончено уже в этом году. В ближайшее время к нам придет раввин, но не такой, какого вы нам прислали...

Приезжайте и вы к нам на любой еврейский праздник, и вы увидите, что такое еврейская жизнь в области.

יִי יְיָ דֹבֵר אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ אֲדַעְנֵה דַעְנֵיךָ

יְהוֹשִׁיעַנו «וְדַע» וְדַעְנָנוּ אֲנִי מֵאֵלֶיךָ יְהוֹשִׁיעַנו

ע.א. וְדַעְנֵנוּ אֵלֵינוּ

Камчатка с евреями, но без гейзеров

Каждый год раввин Адин Штейнзальц приезжает и в Россию, и в другие страны СНГ, бывает в разных городах, встречается с десятками, а порой и сотнями людей. И для евреев, и для неевреев он стал живым и привлекательным символом иудаизма. Так что июньская поездка раввина, с одной стороны, – обычная, штатная. Но, с другой стороны, она отличается «географическим экстремизмом»: никогда еще Адин Штейнзальц не залетал столь далеко на восток России. На сей раз он установил своеобразный рекорд, став первым раввином, нога которого ступила на землю Камчатки.

Ее столица, город Петропавловск-Камчатский, уж никак не относится к числу значимых еврейских центров. Многие вообще будут удивлены, узнав, что там есть евреи. Есть! Тут и удивляться особенно нечего: покажи мне такую обитель, я такого угла не видал, где б российский еврей не жилал – рискну скаламбурить в духе «гариков». Не исключение и Петропавловск-Камчатский – здесь живут около шестисот евреев. Тихоокеанских евреев, первыми в России встречающих восход солнца! Приезд знаменитого раввина стал для них огромным событием – примерно четверть общины пришла на встречу с диковинным гостем.

Пришли и журналисты, естественно, никак не связанные с еврейской общиной: ведь по понятным причинам в городе нет еврейских СМИ. Так что и для журналистов тоже стал событием визит Адина Штейнзальца: не столь уж часто люди подобного уровня появляются на Камчатке. Среди прочих вопросов прозвучал и такой: стоило ли лететь за тридевять земель из-за горстки евреев?

– Есть события, – отвечал раввин, – значение которых в принципе не поддается количественному описанию. Совершенно неважно, сколько евреев живет на Камчатке! Да, их отделяют огромные пространства от еврейских центров, и живут они на краю земли, – во всяком случае, если смотреть из Иерусалима. Но они – интегральная часть нашего народа, они важны для нас и нужны нам.

Я приехал повидаться со своими родственниками, – продолжал раввин. – Весь народ Израиля – это большая семья, а еврейское население Сибири и дальнего Востока – региональная модель такой семьи. И даже если не все ее члены знакомы друг с другом, их связывают узы взаимной ответственности. Так что мой приезд в качестве раввина в ваши края продиктован желанием выразить свою солидарность со своими братьями в нынешние трудные времена, когда евреи Израиля и всего мира просто обязаны объединиться.

Пресс-конференция состоялась после лекции Адина Штейнзальца «Израиль, евреи, иудаизм». Раввин говорил о еврейском интеллектуализме, о специфике иудаизма, требующего от человека работы не только сердца, но и ума. Причем труд этот очень и очень нелегок, ибо наши богатейшие духовные сокровища накапливались тысячелетиями.

Визиты важных персон в отдаленные уголки страны очень часто становятся яркими событиями, не оставляющими, однако, никакого следа, ничего, кроме воспоминаний. Ни на что другое они, впрочем, и не претендуют. Визит Адина Штейнзальца был совсем иным. Он дал стимул евреям города для самостоятельной работы.

Выступавший вслед за раввином директор Института изучения иудаизма в СНГ Давид Палант представил собравшимся разработанные в этом вузе проекты еврейского самообразования: «Лимудим» и «Байт ле-мидраш». Оба этих проекта дают возможность учебы даже и при отсутствии образовательных центров, специалистов и хороших библиотек. Методические разработки института позволяют как-то это компенсировать и наладить учебу даже в столь непростых условиях. Учиться можно везде – было бы желание.

Теперь группа «Байт ле-Мидраш» есть и на Камчатке. Ее участникам повезло: не многие из десятков групп, разбросанных по городам и весям СНГ и Израиля, могут похвалиться, что первый урок дал им сам Адин Штейнзальц.

Раввин встретился и с еврейской молодежью Камчатки. Говорил он о еврейском самосознании и произвел на собеседников большое впечатление неординарностью мышления и откровенностью высказываний. Вечер закончился исполнением еврейских песен. Все пели с большим удовольствием, даже с энтузиазмом.

А начался этот большой камчатский день с визита к помощнику губернатора по национальным вопросам, беседа с которым затронула различные стороны жизни самого восточного полуострова России.

Теперь о гейзерах. Не повезло израильским гостям с гейзерами: туман не позволил вертолету совершить полет к этому местному чуду света. Что делать! С другой стороны, летели-то все-таки не к гейзерам, а к евреям.

Í îãîë È Óäääðäöëë ääðäëëëë îäüëí îîää òîäëëä Èðëí à Ðäçîîäî

ИЗВИНИТЕ, ВЫ СЛУЧАЙНО НЕ ЕВРЕИ?

Аאי אאעעò נאדי גא

В марте 1953 года умер Сталин. А в июле того же года в журнале «Октябрь» была напечатана первая моя большая статья («Пушкин и Маяковский»). При всей несоизмеримости этих двух событий между ними безусловно была определенная связь. Но тогда я об этом не задумывался.

Получив за эту свою статью довольно солидный, а для меня тогда прямо-таки грандиозный гонорар (что-то около пяти тысяч рублей), вместо того чтобы отдать эти деньги родителям, с которыми (лучше сказать – у которых) мы жили, совершенно ошалев от пьянящего воздуха наступающих перемен и от свалившейся вдруг на нас этой огромной суммы, мы с женой рванули на юг – сперва в Одессу, оттуда на теплоходе в Крым, из Ялты перекочевали в Алупку, где «дикарями» прожили целый месяц, профинтив за этот – не такой уж большой, в сущности, срок – все наши пять тысяч до самого последнего рубля.

От этой нашей эскапады осталось у меня в памяти много острых и сильных впечатлений. Впервые увиденная Одесса, впервые увиденная Ялта, впервые увиденные горы: Крым, Ай-Петри. Залитое солнцем, сверкающее ослепительной синевой море, с которым ни в какое сравнение не шло запомнившееся по моим детским (Бердянск) впечатлениям мутнозеленое Азовское.

Впервые – самостоятельная жизнь. Легкая, пьянящая.

*Г еееòà Òòòìàà Èàààì òèè Áààèÿ è Аאי אאעע Ì àèàì èìáò ààìàà Ñòàèèìà Ì Ìãèè èòì-
í èáòìì òìãàà ì ðààì Ìèìàèèòù ÷òì ÷ààÿ ÷àòùðà ì àÿòà Ìàèì èç íèò ì Ìèò-èò ìò Ìàìèò
àðòçìè è Ìðàòì èèìá ì óèð à çàòùèèè!*

Каждый день, когда время близилось к обеду, разморенные жарой, мы тащились с пляжа наверх, в гору, в облюбованный нами – впрочем, кажется, единственный на всю тогдашнюю Алупку – ресторанчик. Свободных мест там всегда

было вдоволь, и еда была довольно приличная. Вот только с напитками было худо: ни лимонада, ни минеральной воды не было и в помине. Зато был – сидр.

С наслаждением цедили мы – по глоточку – этот божественный (так нам тогда казалось) ледяной, искрящийся напиток.

Иногда хорошо уже зная нас официантка, подходя к нашему столику, грустно сообщала:

– А сидора нету.

Тогда, не задумываясь, надолго ли хватит оставшихся у нас денег (мы давно уже решили, что на сколько хватит, столько и проживем), мы вместо сидра заказывали бутылку шампанского.

Шампанское было такое же ледяное, искрящееся золотом, как сидр. Какая-то разница между этими двумя напитками, вероятно, была, но по-настоящему существенной для нас тогда была только разница в их цене. А по вкусу (так во всяком случае нам тогда казалось) наш любимый сидр, который официантка называла «сидором», ничуть не уступал шампанскому.

Но не менее яркими и острыми стали для меня там впечатления и совсем другого рода.

У хозяев хибары, в которой мы жили, был радиоприемник, и они каждый вечер слушали «вражеские голоса». Стены между нашими комнатами были тонкие, и мы отчетливо слышали каждое слово.

Нам это было в новинку: в Москве заглушка работала во всю Ивановскую, и никаких западных радиоголосов мы слушать не могли.

И вот однажды за стеной чужой, как-то уж слишком отчетливо, слишком правильно говорящий по-русски голос произнес:

– Итак, первый этап борьбы за власть в Советском Союзе закончился: Лаврентий Берия получил пулю в затылок.

Фраза эта меня поразила.

По смыслу она совпадала с моими собственными представлениями об этой тогдашней политической сенсации. Официальные комментарии («разоблаченный агент, наймит британского империализма») вызывали у меня и всех моих друзей глумливые шуточки.

О том, как восприняли мы – я и все мои друзья – это сенсационное разоблачение, пожалуй, лучше всего скажет такая история, героем которой был мой дружок Глеб Селянин.

Глеб и еще трое его приятелей – как и он, актеров, – отправились в какую-то поездку. То ли в отпуск, то ли на гастроли – не помню. Да это в данном случае и неважно.

Дорога им предстояла дальняя, и подготовились они к ней хорошо. Захватили водочки. Ну и, соответственно, хорошей закуски. И как только обосновались в своем купе, так сразу же и приступили к делу. И выпивали и закусывали аж до самого вечера.

К вечеру их уже слегка развезло, и они решили, что пора на боковую. Улеглись – каждый на свою полку – и погрузились в сладкий сон.

Глеб проснулся на рассвете. За окном стояла какая-то муть. Такая же муть была и у него в голове. Друзья-собутыльники крепко спали. Поезд стоял.

Надеясь, что на воздухе ему станет лучше, Глеб быстро оделся и вышел на платформу. Там не было ни души. Только из черной тарелки радиорепродуктора доносился какой-то особенно торжественный голос диктора. Глеб подошел поближе, прислушался. Голос сообщил ему, что разоблачен и арестован как враг народа и английский шпион Лаврентий Берия – по официальной табели о рангах третий, а по существу второй (если не первый) человек в государстве.

Все похмелье у Глеба сразу выветрилось. Вернувшись обратно в купе, он хотел было поделиться ошеломительной новостью с друзьями, но те спали как убитые. Спите, спите, голубчики, – злорадно подумал Глеб: в голове у него уже созрела одна идея.

Запрыгнув на свою верхнюю полку, он некоторое время еще ухмылялся каким-то своим тайным мыслям, а потом заснул. Проснулись они все одновременно – примерно часов в одиннадцать. Ну и с похмелья, как водится, решили слегка поправиться. Достали специально припасенную на этот случай бутылку, оставшуюся закуску. Разлили. Чокнулись. Выпили.

И тут Глеб начал осторожно реализовывать свою идею.

– Ребята, – сказал он. – Я давно уже хотел с вами поделиться. Мы ведь люди свои... Только вам откроюсь... Поклянитесь, что никому не скажете!

Друзья поклялись.

– Вот что хотите со мной делайте, – сказал Глеб, – чувствую я, что Берия – не наш человек.

Друзья обомлели.

– Да ладно, – сказал тот из них, к которому раньше, чем к другим, вернулся дар речи. – Оставь ты это... Зачем это тебе?

– Ребята, – сказал Глеб. – Я верю своей интуиции. Я просто не сомневаюсь. Да вы только взгляните в его лицо... в это гаденькое пенсне... Вот чувствую я, что он английский шпион!

Друзья долго и безуспешно уговаривали Глеба прекратить этот разговор. А потом как-то вдруг замолчали, замкнулись, ушли в себя. Явно решили, что оказались в одной компании с провокатором.

Один из них, мрачно буркнув, что ему надо в туалет, встал и вышел. Но очень быстро вернулся. И уже совсем в другом настроении.

– Ах ты, сука! – радостно хлопнул он Глеба по шее. И сообщил недоумевающим друзьям ошеломляющую новость, которая тем временем уже облетела весь поезд.

Друзья радостно загоготали: у них прямо камень с души свалился. Ну и конечно, они решили, что по этому случаю им необходимо еще поправиться. И тут же осуществили это, поскольку у них «с собой было».

Не знаю, сумел ли бы, окажись я тогда на месте Глеба, отколоть такой номер. Но устроенным им розыгрышем искренне восхищался и, слушая этот его рассказ, хохотал до колик. (Глеб ведь не просто рассказывал, а показывал все это в лицах: актер как-никак.)

Я, правда, в отличие от Глеба, к падению Берии отнесся не только с юмором, но и с немалой долей серьезности. Потешался я вместе с ним над дурацким обвинением в шпионаже, лучше которого наши власти, как всегда, не смогли ничего придумать. Само же событие представлялось мне и важным, и значительным.

Но к такому прямому и циничному объяснению случившегося, какое выдал случайно услышанный мною «вражеский голос», я был не готов.

Мне представлялось, что там, наверху идет все-таки какая-то идейная, политическая борьба. Силы, условно говоря, прогрессивные, стремящиеся, чтобы страна пошла по какому-то новому пути, борются с теми, кто хочет, чтобы все шло как раньше, при Сталине.

Падение Берии я воспринял как победу тех самых прогрессивных сил. Берия – я не сомневался в этом! – был опасен: его необходимо было обезвредить.

А тут мне говорят, что ничего подобного: просто у них там, под ковром, идет самая что ни на есть вульгарная, шкурная борьба за власть. Берия свою партию проиграл. Выиграли другие. А могло случиться и по-другому. Но не все ли равно? Как сказано у Гейне, и раввин и капуцин одинаково воняют...

Тут было над чем подумать.

- Âû òíèùèí äæÿæèàíí á äí èèòí! - ðéàçæ Äéää - Â ÿòí äääí ùèí á í áí ð á!.. Âí ò ÷òí òí òèòáíí ì ííé äææéòá à ÷óíò áò ÿ, ÷òí íí áí äèèíèèé øíèíí!

Наутро эту версию мы уже живо обсуждали чуть ли не со всеми нашими пляжными знакомыми. Это, кстати говоря, тоже была совершенно немыслимая несколькими месяцами раньше особенность нашей новой – послесталинской – жизни.

Мы стали довольно быстро «оттаивать». И ярче всего этот процесс оттаивания проявился в том, что мы довольно легко обсуждали все эти дела с совершенно, в сущности, нам незнакомыми, впервые здесь встреченными людьми.

Одним из них был прибалт – то ли из Риги, то ли из Таллина – имени его я не помню, но отчетливо помню все тогдашние наши разговоры, а главное, поразивший меня его, как сказали бы мы теперь, имидж. В тогдашнем моем восприятии это был имидж западного человека.

По всем человеческим своим данным он был, надо сказать, вполне зауряден. Но при этом очень от нас отличался. Он был человеком совершенно другой, не нашей цивилизации. Пожалуй, это был первый западный человек, которого я встретил.

Мы с женой – и не только мы, но и все прочие тамошние наши знакомцы – интересовались только морем и пляжем. А его интересовало все. Он жадно расспрашивал всех вокруг, что означает слово «Алупка», почему гора называется Ай-Петри, почему дворец зовется Воронцовским и кто такой граф Воронцов. Повсюду совал свой нос и поминутно щелкал своим маленьким дешевеньким фотоаппаратом. Этот фотоаппарат – неременная принадлежность туриста – в моих глазах еще больше укреплял его «имидж» западного человека.

Но главная черта его «западности» сказала – для меня – в том, что будучи, как я уже отметил, во всем остальном человеком довольно заурядным и даже скучным, политически он был очень продвинут.

Как раз в то время появилась брошюра, изданная к 50-летию первого съезда РСДРП. Это были тезисы ЦК. Весьма важный, как мне тогда представлялось (да так оно на самом деле и было), политический документ.

Всем другим нашим пляжным знакомым, с которыми на другие темы разговаривать нам было гораздо интереснее, чем с нашим прибалтом, эти тезисы были – до лампочки. А прибалт вцепился в эту брошюру с той же страстью, с какой вцепился в нее я. Изучил ее от корки до корки. И пришел к тем же выводам, что и я. Быстро подсчитал, сколько раз там упоминается Ленин (он упоминался там не менее шестидесяти раз), а сколько – Сталин (тот был вскользь помянут раза два или три, не больше). И цифровой этот баланс привел его (как и меня) в неописуемый восторг. Тут окончательно выяснилось, что мы с ним – одной крови. С этого момента мы стали неразлучны, что, надо сказать, сильно озадачило других наших новых знакомых.

Но о них – речь впереди. А сперва я хочу объяснить, почему этот острый интерес к политике и эта политическая продвинутость нашего прибалта казалась мне не индивидуальной, личной его особенностью, а еще одним – и может быть, даже главным – признаком его принадлежности к иной, западной цивилизации.

До встречи с ним все, так сказать, рядовые обыватели, с которыми доводилось мне сталкиваться (люди нашего круга тут были не в счет), к политике были глубоко равнодушны.

Помню, как раз в то самое время, незадолго до нашего отъезда на юг, моя жена побывала в гостях у одной своей близкой подруги. (Они вместе кончали Литфак.) Застольные разговоры в той семье велись на какие-то совершенно неинтересные ей бытовые темы, и в какой-то момент она вдруг нарушила эту гармонию, спросив:

– А что у вас говорят про Берию?

У нас за столом только об этом и говорили.

Но подруге моей жены Ольге, ее мужу, родителям и двоюродным сестрам, да и вообще всем, сидящим за тем столом, этот вопрос показался таким же диким, как если бы она вдруг спросила, что они думают о жизни на Марсе. Они на эти темы вообще не разговаривали. И не потому, что опасались вести такие разговоры (это было бы как раз понятно), а просто потому, что все это было им до фени. Выслушав этот рассказ моей жены, я подумал, что мы с ее подругой Олей и этими ее родственниками – **разной крови**.

А тут передо мной был человек примерно той же среды, того же социального круга, что Ольга и ее родичи. Самый что ни на есть обыкновенный обыватель. Казалось бы, ну что ему Гекуба! Какое ему дело до того, сколько раз в тех тезисах ЦК КПСС поминается Ленин, а сколько – Сталин? А вот – на тебе!

Дело тут, конечно, было не в том, что этот наш прибалт был человек западный. Основная масса людей Запада – это я и тогда уже понимал – тоже, наверно, глубоко равнодушна к политике. А политическая озабоченность и политическая продвинутость нашего прибалта скорее всего объяснялась как раз тем, что он был прибалт, то есть житель одной из трех республик, насильственно присоединенных к Советскому Союзу, попросту говоря, оккупированных. Отсюда и неприязнь его к Сталину, и весь тот комплекс его политических настроений, благодаря которому я сразу угадал в нем родную душу.

Итак, мы стали неразлучны. Ходили всюду втроем. Разговаривали. А однажды произошел такой забавный случай. Засиделись мы как-то на пляже допоздна. И ночная тьма упала на нас с той внезапностью, с какой это бывает только на юге.

Àðèãðèé Ī ġæáíŷí: «Ī ó:òĪ, ŷŷì à, èàé ĪĪà æèçíŷ? – ĩ ðàøèààþ ŷ.

À ĪĪ àĪòààò: Ñãè òùùóíŷòŷŷò!»

Усталые, находившиеся за день и наплававшиеся до одурения, мы сидели втроем на пляже, на каком-то бревне. Одни. Вокруг – ни души. И – тьма египетская.

И вдруг невдалеке возник красный огонек. Он приближался к нам. Приблизился почти вплотную. Подошедшего к нам человека мы не видели совершенно. Видели только красный огонек его сигареты. Он нас, естественно, и вовсе не мог разглядеть – ни сколько нас, ни кто мы. И тем поразительнее прозвучал обращенный к нам его вопрос.

– Я, конечно, очень извиняюсь, – сказал он. – Вы случайно не евреи?

– Евреи, – хором отозвались мы.

Будь это днем и не будь мы такими усталыми и отупевшими в конце этого утомительного дня, мы, наверно, сперва выразили бы удивление по поводу такого странного вопроса. Может быть, даже возмутились бы, спросили: а ты кто такой? А тебе, мол, какое дело?

Но, в общем, вышло так, как вышло. И человек с сигаретой уселся рядом с нами, прямо на остывающий песок, и стал горько жаловаться нам на свою еврейскую долю. Оказалось, что он – кровельщик. И оказалось (это было для меня удивительнее всего!), что ему, кровельщику, тоже несладко быть евреем. Евреев-кровельщиков я до этого не встречал. На моем – тогда еще не таком уж долгом – жизненном пути попадались совсем другие евреи. Врачи, учителя, музыканты, бухгалтеры, адвокаты, фармацевты. Знал я, конечно, что немало евреев занято в торговой сети. Встречал евреев парикмахеров и часовщиков.

Знал я, что изредка еще попадаются и евреи-пролетарии. Об одном таком рассказывал мне мой друг Гришка Поженян. В коммуналке, где он жил (снял комнату, собственного жилья у него тогда не было), был у него сосед – Зяма. Здоровый молодой еврей, работавший токарем то ли на ЗИЛе, то ли на другом каком-то большом московском заводе.

И вот, рассказывал Гришка, выхожу я рано утром умываться. А Зяма этот уже склонился над раковиной и кидает себе в лицо горсти ледяной воды. Я спрашиваю:

– Ну как, Зяма? Как она, жизнь?

А он отвечает:

– Свои тыщу пятьсот.

Было все это в ранние наши литинститутские годы.

Скуки в нашей жизни, как вы знаете, и тогда уже не было. Нас трясло. Громили Зошенко и Ахматову. Разогнали и посадили Еврейский антифашистский комитет. Началась кампания по борьбе с безродными космополитами.

И вот в разгар этой кампании, изгнанный из института и исключенный из комсомола Поженян выходит рано утром умываться. А там – Зяма. И Гришка по обыкновению спрашивает его:

– Ну как, Зяма? Как живешь?

И Зяма так же невозмутимо отвечает:

– Свои тыщу пятьсот.

И когда грянуло дело врачей-убийц, и прокатилась по всей стране среди врачей-евреев волна самоубийств, и пошли слухи об уже построенных в Биробиджане бараках, и к моей жене на ее работе в радиокомитете кинулась со слезами на грудь сослуживица, спрашивая, что она будет делать, когда ее мужа-еврея станут высылать, этот Поженянов сосед Зяма в своей коммунальной кухне, растирая полотенцем красное от ледяной воды лицо, на неизменный Гришкин вопрос, как, мол, она, жизнь, отвечал так же спокойно и невозмутимо:

– Свои тыщу пятьсот.

Мораль сей Поженяновой притчи была проста: это нам, интеллигентам, страшны все зигзаги и повороты государственной политики, а еврей-работяга – вроде вот этого Зямы – плевал на них с высокого дерева. Его это не касается и ни при какой погоде не коснется: что бы ни происходило в высоких сферах высокой политики, он всегда будет зарабатывать эти «свои тыщу пятьсот».

Бесхитростный рассказ алушкинского еврея-кровельщика опрокидывал этот красивый миф.

Сейчас я пытаюсь вспомнить: был ли наш тогдашний курортный знакомец-прибалт евреем или же утвердительно ответил на вопрос еврея-кровельщика («вы случайно не еврей?») просто так, по инерции, как сделала это моя «арийская» жена. Вполне определенного ответа на этот вопрос я дать не могу. Теперь, задним числом, склонен думать, что скорее всего был он все-таки еврей. Но тогда – убей меня Б-г! – это меня ну совершенно не интересовало. И к беседе с евреем-кровельщиком я отнесся скорее юмористически. Это сейчас – тоже задним числом – я переосмыслил ее как некий важный поворот в развитии моего национального самосознания. Тогда этого не было.

Но разговоры на еврейскую тему были. И проклятый «еврейский вопрос» в этих разговорах возникал постоянно.

К одному такому разговору мы с женой тоже отнеслись юмористически. Завела его с моей женой (я при этом не присутствовал, жена – со смехом – мне о нем потом рассказала) одна наша пляжная знакомая, имени которой я, конечно, тоже уже не помню. Назовем ее, скажем, Розалия Самойловна.

Эта «Розалия Самойловна» была существенно старше нас и относилась к нам по-матерински. И вот однажды, беседа с моей женой, она вскользь кинула:

– Как, должно быть, счастливы были родители вашего мужа, когда узнали, что он собирается жениться именно на вас!

Поскольку мои родители особенной радости по этому поводу не проявляли, а дело обстояло (так во всяком случае представлялось моей жене) совсем наоборот, она в ответ расхохоталась. А отсмеявшись, спросила:

– Почему вы так думаете?

– Ну как же! – объяснила «Розалия Самойловна». – Ведь сейчас это так редко бывает, чтобы еврейский мальчик женился на еврейской девочке. Наши мальчики просто обезумели, они все норовят взять в жены русскую...

*È àìò, yòìò ñàì úé íàø ííàíé çíàéìì àö Pèèé, ì íèíàíé, íáðàçíààí í úé è
àðíàà ñàíàí ì àæòí úé ÷ àéíàé, àí àíðèò, ÷ òí è ñàé ÷ àí í á çíààò, ÷ àì ó ààðè ò ù: àí àðàíà
ñèàçàí í ì ó àíèòò ñèíàà: èó ì ðàààù - èèè àìò yòèì à òí ùì í ààðíì í æààí è ýì
ò í ò àèùù í é à ñùàðíò ààí í í é èæè!*

– А вы знаете, – призналась жена, – ведь я не еврейка... Я, правда, и не русская, а украинка...

Но это последнее – чисто анкетное – уточнение для Розалии Самойловны не имело никакого значения. Русская, украинка – это ей было совершенно все равно. Важно было, что – не еврейка.

– О Б-же! – потрясенно воскликнула она. – Я была уверена!.. – и закончила уже совершенно водевильной репликой: – Что же я теперь скажу Кларе Марковне!

Клара Марковна, очевидно, была какая-то другая ее пляжная знакомая, с которой они, надо думать, обсуждали наш счастливый еврейский брак.

Пересказывая этот комический диалог (и там, в Алупке, и позже, уже в Москве), мы с женой смеялись. Но были там у нас и другие, совсем уже не смешные разговоры на еврейскую тему.

На том же алупкинском пляже мы познакомились и подружились с очень красивой парой. Они тоже (как и мы) были молодожены. И как и мы, тоже первый раз в

жизни были вдвоем в Крыму. Их имена я запомнил хорошо – их трудно было не запомнить, поскольку оба они были Юли: он – Юлий, она – Юлия.

Оба они были ладные, стройные, яркие, красивые. И по поводу их брака у Розалии Самойловны и Клары Марковны уж наверняка не было и не могло быть никаких разочарований: и Юлий и Юлия безусловно были евреи. Я говорю об этом так уверенно не потому, что их внешность не вызывала на этот счет никаких сомнений. Внешность у них как раз была самая что ни на есть интернациональная. Да и, по правде говоря, не умел я (во всяком случае – тогда, потом жизнь научила) по внешности отличать еврея от нееврея (разве только в совсем уже несомненных случаях). В принадлежности обоих Юль к еврейской нации у меня не могло быть никаких сомнений, потому что они сами с нами об этом заговорили чуть ли не с первого дня нашего знакомства. Заговорили, естественно, в связи с делом врачей.

Тут важно еще то, что оба они были не только евреями, но и врачами, а значит, вся эта катавасия с арестом врачей, а потом с их освобождением должна была их затрагивать гораздо острее и болезненнее, чем даже меня. Так оно на самом деле и было. Но с той немаловажной поправкой, что глядели они на эту ситуацию совершенно по-разному.

Юля (она) была в ужасе и отчаянии, прочитав сообщение о врачах-убийцах. Ни на секунду не верила в их виновность. И когда с них сняли это лживое обвинение, была счастлива, как никогда в прежней своей жизни. (Ведь это обвинение сняли и с нее тоже – не только как с «лица еврейской национальности», но и как с врача.)

А Юлий (тоже еврей и тоже врач) говорил:

– А я и сейчас не знаю, когда нам сказали правду: тогда ли, когда объявили о том, что раскрыли их заговор, или теперь, когда объявили, что никакого заговора не было и их посадили зря.

Услышав от него такое, я просто рот разинул от изумления. А Юля (она) печально кивнула:

– Да-да. Можете себе представить? У нас до развода доходило.

Тут надо сказать, что этот Юлий был вовсе не глуп. А уж ортодоксом, тупо верящим во все, что сообщали нам советские газеты, он тем более не был. Скорее наоборот: эта странная его позиция была рождена как раз трезвой его уверенностью в том, что ИМ ВЕРИТЬ НЕЛЬЗЯ. Что бы они там ни писали в своих газетах, о чем бы ни вещали по своему радио, ИМ ВЕРИТЬ НЕЛЬЗЯ. Нельзя верить, когда они говорят, что светочи отечественной медицины – «убийцы в белых халатах». И нельзя верить, когда они говорят, что все эти обвинения были ложью. Потому что ИХ совершенно не интересует правда-истина. Они всегда говорят, говорили и будут говорить ТО, ЧТО ИМ ПОЛИТИЧЕСКИ ВЫГОДНО.

Нельзя не признать, что в этой позиции была не только своя логика, но и известная доля правды. Конечно же, новые наши правители объявили, что врачи-убийцы на самом деле никакие не убийцы, совсем не потому, что их обуревала жажда справедливости. Сталин довел давление пара в котле до критической точки, и какую-то часть этого пара необходимо было выпустить немедленно. Это я тоже понимал.

Мало того! В какой-то момент я – каким-то краешком души – готов был даже допустить, что некоторые из врачей, обвинявшихся в заговоре, и впрямь не без греха. Когда мой дружок Леня Рапутов (тот самый, который чуть было не втянул меня в «группу еврейской молодежи») доказывал мне, что это – чистый бред, полная ерунда, потому что у врачей существует КЛЯТВА ГИППОКРАТА (он дружил тогда с дочерью одного из «убийц» – профессора М.Б. Когана – и не сомневался, что тот – чистейший и благороднейший человек), я с ним вроде как соглашался.

И в то же время поручиться за всех арестованных врачей я бы не мог. А уж в КЛЯТВУ ГИППОКРАТА, о которой постоянно твердил мне Ленька Рапутов, и вовсе не верил. Не верил не потому, что был таким уж циником. Просто я не раз слышал от отца историю про Фрунзе, которому по приказу Сталина сделали совершенно ненужную ему операцию и «зарезали» его, как грубо выразился мой папа, на операционном столе.

Не верил я и в естественную смерть Горького, не сомневаясь при этом, что отправить на тот свет Буревестника дали команду врачам не мифические враги народа, а сам Хозяин (через Ягоду, конечно).

Нынешних же врачей обвиняли в том, что они убили (довели до смерти) Жданова и Щербакова. А эти два персонажа не вызывали у меня и тени сочувствия, и я имел все основания полагать, что у лечивших их врачей – тоже.

Все эти мои тогдашние мысли были, конечно, чудовищны. Но что поделаешь, так было! Я, конечно, не сомневался, что все это так называемое «дело врачей» – не что иное, как чудовищная провокация. (А мой отец – так тот прямо сравнивал его с делом Бейлиса, а Лидию Тимашук, якобы раскрывшую заговор своих коллег и получившую за это орден Ленина, именовал не иначе как Верой Чеберячкой.) Насчет того, что все это – провокация, никаких сомнений у меня не было. Но нет-нет, да и мелькала где-то на дне сознания пошлая мысль, что дыма, мол, без огня не бывает. Что-то, наверное, все-таки было.

Вот ведь даже про Виноградова, который был выше всяких подозрений, и то говорили, что в компании убийц он оказался не без причины. Причина, как рассказывали, была такая. Виноградов был лечащим врачом Сталина. И незадолго до своего ареста, осмотрев в очередной раз этого своего пациента, написал заключение, что состояние здоровья товарища Сталина настоятельно требует длительного его неучастия в государственных делах.

Сталин, когда ему об этом доложили, пришел в ярость. Он, естественно, решил, что за спиной профессора стоят его (Сталина) соратники, задумавшие таким способом отстранить его от власти. Вот почему, оказывается, против фамилии Виноградова (единственного из всех арестованных врачей) вождь собственноручно начертил: «В кандалы!».

Провокация – провокацией, но в каждом отдельном случае что-то, наверное, все-таки было. Не бывает дыма без огня. Не бывает.

Была и еще одна причина, мешавшая мне отбросить как совершенно бредовую мысль Юлия насчет того, что ОБА сообщения о врачах убийцах – и первое, обвиняющее их, и второе, снимающее с них все обвинения, – были лживыми.

Тут была некоторая тонкость, заметить которую мог только человек, у которого сознание своей принадлежности к гонимой нации было к тому времени уже достаточно обострено.

Для наглядности приведу здесь оба сообщения. Сделать это стоит, помимо всего прочего, еще и потому, что оба они, сколько мне известно, так и остались похороненными на пожелтевших страницах тогдашних газет. А у меня каким-то чудом (я никогда не «заводил архива») сохранились.

Итак, – вот первое сообщение. (Привожу лишь главную, содержательную его часть, опуская заклинания и проклятия, которыми эта содержательная часть сопровождалась.)

АРЕСТ ГРУППЫ

ВРАЧЕЙ-ВРЕДИТЕЛЕЙ

Некоторое время тому назад органами госбезопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза.

В числе участников этой террористической группы оказались проф.

Вовси М.С., врач-терапевт; проф.

Виноградов В.Н., врач-терапевт; проф. Коган М.Б., врач-терапевт; проф.

Коган Б.Б., врач-терапевт; проф.

Егоров П.И., врач-терапевт; проф. Фельдман А.И., врач-оториноларинголог; проф. Этингер Я.Г., врач-терапевт; проф. Гринштейн А.М., врач-невропатолог; Майоров Г.И., врач-терапевт...

... Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, – состояли в наемных агентах у иностранной разведки. Большинство участников террористической группы (Вовси, Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. На самом деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе в Советском Союзе.

Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США от организации «Джойнт» через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса. Другие участники террористической группы (Виноградов, Коган М.Б., Егоров) оказались давними агентами английской разведки.

Следствие будет закончено в ближайшее время.

(ТАСС)

Второе сообщение (4 апреля) было гораздо короче. В нем уже не было ни «извергов человеческого рода», ни каких-либо патетических, эмоциональных восклицаний иного, противоположного толка. Оно было выдержано в совершенно другом, спокойно-деловом тоне. И не только по тону, но и по самой сути своей было целиком содержательно. Поэтому я привожу его тут полностью, без всяких сокращений.

СООБЩЕНИЕ

Министерства внутренних дел СССР

Министерство внутренних дел СССР провело тщательную проверку всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей советского государства.

В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу профессор Вовси М.С., профессор Виноградов В.Н., профессор Коган М.Б., профессор Коган Б.Б., профессор Егоров П.И., профессор Фельдман А.И., профессор Этингер Я.Г., профессор Василенко В.Х., профессор Гринштейн А.М., профессор Зеленин В.Ф., профессор Преображенский Б.С., профессор Попова Н.А., профессор Закусов В.В., профессор Шерешевский Н.А., врач Майоров Г.И. были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований.

Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия.

На основании заключения следственной комиссии, специально выделенной министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные Вовси М.С., Виноградов В.Н., Коган Б.Б., Егоров П.И., Фельдман А.И., Василенко В.Х., Гринштейн А.М., Зеленин В.Ф., Преображенский Б.С., Попова Н.А., Закусов В.В., Шерешевский Н.А., Майоров Г.И. и другие привлеченные по этому делу полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях во вредительской, террористической и шпионской деятельности и, в соответствии со ст. 4 п. 5 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР, из-под стражи освобождены.

Виновные в неправильном ведении следствия арестованы и привлечены к уголовной ответственности.

Вот что сразу бросилось мне в глаза, когда я прочел это – второе – сообщение и мысленно сопоставил его с первым: в нем совершенно отсутствовала еврейская тема. Ни слова – про «международную еврейскую буржуазно-националистическую» организацию

«Джойнт». Ни слова про связанного с этой террористической организацией врача Шимелиовича и «известного еврейского буржуазного националиста Михоэlsa».

Мало того! В первом сообщении список обвиняемых почти сплошь состоял из еврейских фамилий. Упомянувшиеся там профессора Виноградов и Егоров, да врач Майоров, как говорится, погоды не делали. Создавалось отчетливое впечатление, что они были включены в этот еврейский проскрипционный список исключительно для маскировки. (Вот так же за несколько лет до того, в 49-м, в такой же сплошь еврейский список критиков-антипатриотов, как кур в ошип, попал русский Леонид Малюгин.)

Во втором сообщении картина была уже совершенно другая.

Из перечня обвиняемых, как я уже сказал, исчезли «еврейские националисты» Шимелиович и Михоэls, но зато в нем – «откуда ни возьмись» – вдруг появились ранее в нем не упоминавшиеся профессора Василенко, Зеленин, Преображенский, Попова, Закусов. В сочетании с фигурировавшими и в первом сообщении Виноградовым, Егоровым и Майоровым это давало уже довольно внушительный список русских фамилий, количественно даже превосходящий перечень еврейских.

Внимательно изучая это – второе – сообщение (я не мог от него оторваться, чуть ли не разглядывал на свет), я несколько раз – не ошибиться бы – пересчитал все еврейские, а потом все русские фамилии, чтобы вывести правильный баланс.

И тут мне вспомнилось, как – еще во время войны – каждый год, когда в газетах появлялся очередной список новых лауреатов Сталинских премий, мой отец занимался именно вот такими подсчетами. Еврейских фамилий в этих списках всегда было много. Но от года к году все меньше и меньше, что давало отцу некоторые основания сделать вывод, что для евреев установлен некий фильтр, а стало быть, слухи о набирающем силу государственном антисемитизме не так уж безосновательны.

Я над этими отцовскими подсчетами всегда посмеивался. И вот – они меня достали! Довели до того, что и я – с таким же рвением, как, бывало, отец, – углубился в точно такие же подсчеты. Не с тем, правда, чтобы убедиться в существовании государственного антисемитизма (на этот счет какие уж теперь могли быть сомнения!), а лишь с одной единственной целью: **поймать их на жульничестве.**

Ведь знали же, суки, что среди арестованных врачей евреи вовсе не составляли большинства. Но – нарочно подтасовывали факты, чтобы создать видимость именно еврейского заговора.

Это я все к тому, что Юлий, точка зрения которого тогда так меня поразила, в каком-то смысле был прав: второе сообщение, открывшее нам правду, тоже было фальшивым, жульническим.

Не мешает тут еще подчеркнуть, что, в отличие от первого, это было не «Сообщение ТАСС», а – «Сообщение Министерства внутренних дел СССР». А министром этого – только что созданного посредством слияния бывшего МВД с бывшим МГБ нового государственного монстра был не кто иной, как Лаврентий Павлович Берия, ко времени тех наших бесед уже разоблаченный как агент и наймит вражеской разведки.

У Юлия вполне могло возникнуть предположение, что в свете этих новых событий «дело врачей» может получить совсем иное – то ли прежнее, то ли еще какое-нибудь, новое, совсем неожиданное истолкование. Что говорить! Основания не верить нашим властям, что бы они там в очередной раз ни заявляли, у него были. И немалые.

Но разве в этом было дело?!

Скупое, деловитое «Сообщение Министерства внутренних дел СССР» было – как ослепительная вспышка молнии в беспроглядной тьме сталинской «полярной преисподней». Это был не какой-нибудь там жалкий «луч света в темном царстве». У всех у нас было такое чувство, словно долгая, десятилетиями длившаяся полярная ночь вдруг кончилась и наконец-то забрезжило утро... Нет, все эти жалкие сравнения бессильны. Они не могут передать и слабого эха того «термоядерного взрыва», который произвело в душах людей это сообщение.

Признавая свое словесное бессилие, попытаюсь передать это другим способом – кратким изложением правдивой истории, услышанной мною от моего покойного друга Иосифа Шкловского.

Иосиф прославился своим сенсационным предположением, что спутники Марса – Фобос и Деймос – искусственные. Эта гипотеза сделала его знаменитым. Но как только американцам удалось сфотографировать Фобос и Деймос с близкого расстояния, версия об их искусственном происхождении рухнула. Научный авторитет Шкловского эта история не поколебала, поскольку в узких ученых кругах его ценили совсем не за это. Ценили, между прочим, весьма высоко.

Однажды Иосиф притащил и показал мне том какой-то американской энциклопедии, в которой его имя и маленький портрет красовались в ряду шести самых выдающихся астрофизиков XX века. Этой чести, как он мне объяснил, он удостоился из-за Крабовидной туманности. Раньше – до его открытия – считалось, что излучение далеких звезд может быть только тепловым. Но излучение Крабовидной туманности в эти параметры не укладывалось. Оно было каким-то аномальным. И никто не мог объяснить почему. (Прошу прощения, если что-то перевираю: на смысле истории, которую я собираюсь рассказать, это не отразится.)

И вот однажды, а именно 4 апреля 1953 года, молодой Иосиф Шкловский вышел из дома, чтобы отправиться в свой родной университет, где он работал на птичьих правах: вот-вот его должны были уволить, поскольку соплеменнику «убийц в белых халатах» в советском учреждении, а тем более таком престижном, как Московский государственный университет, было не место.

Выйдя из дома и дожидаясь трамвая, Иосиф подошел к газетному стенду, на котором был вывешен только что вышедший свежий номер газеты «Правда». Подошел он к этому стенду, заглянул в газетный лист и прочел, что вышла ошибочка: врачи-убийцы – не убийцы. Кровь кинулась Иосифу в голову. И, видимо, от этого притока свежей крови к сосудам головного мозга его вдруг осенило. А что, подумал он, если природа излучения Крабовидной туманности вообще – иная? Может, это вовсе и не тепловое, а, например, радиоизлучение?

Подошел трамвай. Как водится, он был битком набит москвичами, торопящимися на работу. До врачей-убийц, а тем более до Крабовидной туманности им не было никакого дела. Иосиф вскочил на подножку, попытался протиснуться в вагон. Но это ему не удалось. И вот, стоя на раскачивающейся трамвайной площадке, стиснутый со всех сторон едва проснувшимися согражданами, он просчитал – математически – вероятность своей гипотезы. И все сошлось. Никаких сомнений: это было радиоизлучение.

Одно из шести самых крупных открытий в астрофизике XX века было сделано.

Тот душевный взрыв, который у Иосифа разрядился самым крупным в его жизни научным открытием, у тещиной соседки Симы, о реакции которой я вам уже рассказывал, вылился в разбудивший нас с женой истошный вопль:

– Биля! Биля! Врачи-убийцы – не убийцы!

Казалось бы, алушкинский наш знакомец Юлий должен был чувствовать это вдвойне. С него ведь это клеймо убийцы было снято не только как с еврея, но и как с врача.

И вот – поди ты! Как уже было сказано, его неверие в добрые намерения наших новых властителей я разделял. В то, что они раньше и сами не знали, что «дело врачей» – чудовищная провокация и только вот сейчас наконец-то в этом разобрались, ни на грош не верил.

И тем не менее реакция Юлия на «революцию четвертого апреля», как мы меж собой это называли, показалась мне каким-то чудовищным извращением. И дело тут было даже не в том, что он был врачом и евреем.

Черным по белому в главной советской газете было напечатано:

«Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия».

*È.Ñ. Ðåñòàíñåå äàííåàáààò î òí, åàå áóåí ìáàððáí î íáí î åç
áàæí áåøåõ îòåäíòåå á àñòîäíòåçåáá ÕÕ áàåá*

Вот что поразило меня в том сообщении больше всего. Ведь это значило – могло значить – только одно: ИХ ПЫТАЛИ. Признания были выбиты из несчастных арестованных врачей какими-то чудовищными, страшными пытками – там, «в подвалах Лубянки». Предположения такого рода, конечно, возникали и раньше. Но высказывать их вслух – даже шепотом – не смели и самые отчаянные смельчаки. И вдруг это сказано – открыто, громко, на весь мир. Напечатано в главной газете страны. Это было невероятно!

Впервые за всю историю своего существования наше уникальное Государство САМО – пусть на один только короткий миг – обнажило перед всем миром свою средневековую злодейскую сущность. Нет, мы не зря называли в своих тогдашних разговорах день появления этого сообщения РЕВОЛЮЦИЕЙ ЧЕТВЕРТОГО АПРЕЛЯ. Это и в самом деле была революция. Первая в жизни моего поколения. (Второй такой революцией был доклад Хрущева на XX съезде.)

И вот – молодой, образованный и совсем неглупый человек, этот самый наш новый знакомец Юлий говорит, что и сейчас не знает, чему верить – тем, старым нагромождениям тотальной государственной лжи или вот этому впервые сказанному вслух словечку правды.

Будь я поумнее, надо было бы, конечно, сразу прекратить все разговоры с ним на эту тему. Но я снова и снова возвращался «на круги своя», не уставая удивиться его тупости. Этот бесконечный наш спор не прекращался. И день ото дня Юлий, который сперва показался нам вполне симпатичным и милым парнем, становился мне все более неприятен.

ДЕПОРТАЦИЯ – МИСТИФИКАЦИЯ

Прощание с мифом сталинской
эпохи

Ἀί ἰ ἀὰ ἐ Ἐἴη ὀ ὀ ἰ ἰ ἰ

Рождение легенды

Прошло уже более десяти лет, как не стало СССР. Но до сих пор живо негативное наследие, оставленное этой коммунистической империей. В новой России оно мешает прогрессу не только в политике и экономике, но и в гуманитарной сфере, в том числе и в исторической науке, которая только теперь начинает понемногу возрождаться после десятилетий идеологического

контроля власти, тщательно скрывавшей в секретных архивах правду о своей деятельности. В результате наше недавнее прошлое обросло множеством мифов и легенд, которые, будучи в ряде случаев единственной альтернативой советской официальной интерпретации, прочно закрепились в общественном сознании как некая добытая вопреки воле власти истина, которая, подобно религиозному канону, не подлежит даже частичной ревизии, а должна восприниматься на веру как новоявленное откровение. Одним из доживших до наших дней мифов такого рода является легенда времен холодной войны (передавалась сначала шепотом из уст в уста, затем стала достоянием публицистики и, наконец, переключалась в научные издания) о подготовке Сталиным незадолго до своей смерти тотального выселения евреев в Сибирь. Описанное в десятках, если не сотнях, статей, книг, радио- и телеинтервью, сталинская депортация евреев превратилась в своего рода Лохнесское чудовище, которое многие якобы видели, но никто не смог представить пока что ни одного бесспорного и заслуживающего доверия доказательства его существования.

О «депортации» достоверно известно только следующее. Слухи о ней появились в начале 1948-го, после трагической и таинственной гибели Михоэлса, но особенно усилились к концу того же года, когда был закрыт Еврейский антифашистский комитет и начались массовые аресты его руководителей, а также деятелей идишитской культуры. Л.А. Шатуновская, получившая за близкое знакомство с Михоэлсом лагерный срок, оказавшись потом на Западе, писала, что в первой половине 1948 г. власти хотели провести (но потом отказались от этой идеи) открытый судебный процесс по «делу Аллилуевых» – родственников Сталина, подозревавшихся им в совместных с «еврейскими националистами» кознях против собственной персоны. По ее мнению, эта «важнейшая политическая антиеврейская акция» должна была стать сигналом к такому способу «окончательного решения еврейского вопроса» по-сталински, как массовая депортация советского еврейства в биробиджанскую тайгу, где уже тогда будто бы строились бараки,

а к Москве и другим крупным городам подгонялись сотни товарных вагонов для ссыльных. По версии же другого бывшего узника ГУЛАГа, Е.И. Долицкого, работавшего до ареста в марте 1948 года в Совинформбюро, руководству ЕАК якобы предлагалось в 1948 г. через М.А. Сулова одобрить разработанный в верхах план добровольного переселения евреев на Дальний Восток и создания там на базе Еврейской автономной области «Еврейской автономной советской социалистической республики». Однако такого одобрения будто бы не удалось получить, поскольку приглашенные в ЦК С.А. Лозовский и П.Д. Маркиш, который ошибочно именуется председателем ЕАК, восприняли этот проект как скрытую попытку осуществления депортации. Разумеется, ни Шатуновская, ни Долицкий не подкрепляют свои версии какими-либо фактами^[1].

Масштабы слухов о готовившейся властями массовой высылке евреев существенно возросли в период антикосмополитической кампании, причем до такой степени, что об этом заговорила заграничная печать. На страницах еврейских изданий (в первую очередь в Израиле, США и Великобритании) в течение 1949 – 1952 годов неоднократно появлялись сообщения то о вроде бы принятом советскими властями решении депортировать в Сибирь все еврейское население страны, то об уже произведенном переселении туда 400000 евреев России, то о готовящейся депортации в том же направлении еще 1 млн. евреев из Украины и Белоруссии. Появление подобной информации в западной прессе было в какой-то степени обусловлено тем подспудным пропагандистским нажимом, который с конца 1948 г. стали оказывать на СССР израильские руководители, стремившиеся таким образом побудить Сталина пойти навстречу их требованиям разрешить массовую эмиграцию евреев из СССР. Особую настойчивость в этом деле проявил министр иностранных дел Израиля М. Шаретт. 5 октября 1949 г. он был информирован посланником в СССР М. Намиром о том, что советские евреи «живут в страхе и неуверенности в завтрашнем дне» и «многие» из них «опасаются, что скоро начнется депортация из Москвы». Через десять дней в качестве ответа Шаретт направил в Москву шифротелеграмму, содержащую следующую инструкцию: «Мы должны начать кампанию в международной еврейской прессе, особенно в США, равно как и в нееврейской прессе по вопросу о советском еврействе, давая просочиться в прессу всей достоверной информации, имеющейся в нашем распоряжении, а также слухов». И хотя впоследствии тот же Намир, а также директор восточноевропейского департамента МИД Израиля А. Левави неоднократно сообщали Шаретту о безосновательности подобных слухов, тот не спешил официально их опровергнуть, и их муссирование в западных средствах массовой информации продолжалось. Уже в наши дни И. Харел, руководивший с 1952 г. израильской разведкой «Моссад», заявил в интервью, сославшись, правда, на недостаточные возможности его секретной службы в то время, что ничего не слышал о подобных планах Сталина^[2].

Новый, еще больший всплеск тревожных толков о депортации произошел после публикации в печати сообщения ТАСС от 13 января 1953 г. об аресте «врачей-вредителей» и развертывания их пропагандистской травли. На следующий день первый заместитель министра госбезопасности СССР С.А. Гоглидзе среди прочего проинформировал Кремль об оценке этого события посланником Израиля Ш. Эльяшивом: «Вся миссия очень опечалена сегодняшним сообщением. **В случае войны** (выделено мною. – Авт.) может быть решено всех евреев выслать в Сибирь, и этот процесс (суд над кремлевскими врачами. – Авт.) явится подготовкой общественного мнения».

Еще более панические настроения возникли в кругах столичной еврейской интеллигенции. Конечно, слухи о депортации возникли не на пустом месте. Они были спровоцированы и массовыми арестами культурной и общественной элиты еврейства, и послевоенными пропагандистскими кампаниями, имевшими явный антисемитский

подтекст, и, наконец, всплеском бытовой юдофобии, которая закамуфлированно подогревалась сверху (особенно в последние недели жизни Сталина), в том числе и через средства массовой информации. Определенную основательность слухам придавало то, что с конца 1952 г. из Москвы в Казахстан стали выселяться семьи арестованных «еврейских националистов», в том числе и тайно казненных к тому времени «еаковцев». Масло в огонь депортационной истерии подливали и частные экстремистские заявления, звучавшие из стана кремлевской элиты, которые потом разносились народной молвой, обрстая всевозможными леденящими кровь слухами и толками. Известно, скажем, что жена секретаря ЦК и руководителя Агитпропа Н.А. Михайлова сказала тогда дочери Сталина Светлане: «Я бы всех евреев выслала вон из Москвы!»^[3] Подобные высказывания хоть и свидетельствовали о том, что сталинская верхушка если и не полностью, то наверняка уж частично была заражена антисемитизмом, тем не менее вряд ли за ними стояло нечто большее. Ведь нельзя же, к примеру, обвинить царское правительство в подготовке депортации еврейских подданных только на том основании, что во время революции 1905 года скандально известный черносотенец В.М. Пуришкевич предложил переселить всех российских евреев в Колымский округ Якутского края. На деле получилось, что самодержавные правители империи, осуществившие в 1891 – 1893 гг. далеко не тотальное изгнание евреев из Москвы, вынуждены были к началу 1917 г. мириться с присутствием в Белокаменной не 35 тыс. евреев (столько их было там до выселения), а уже 60 тысяч.

Страхи в еврейской среде многократно усиливались еще и по причине отсутствия в тоталитарном обществе возможности получить объективную и независимую информацию о происходящем. Это спонтанно компенсировалось широкой циркуляцией различных, подчас самых нелепых, толков, домыслов и легенд. Ведь долго блуждающим в информационной пустыне часто грезятся причудливые миражи. Проецируясь на послевоенную ментальность еврейства, только что перенесшего величайшую в своей истории трагедию и как бы по инерции ожидавшего повторения национальной катастрофы, все это переполняло его сознание самыми мрачными предчувствиями и ожиданиями. Воистину мало что изменилось в России со времен Екатерины II, когда, как писал историк В.О. Ключевский, «люди судили о своем времени не по фактам окружающей их действительности, а по чувствам, навеянным поверх этой действительности»^[4].

Но имели ли под собой реальную почву охватившие страну и мир слухи о чуть было не осуществленной Сталиным депортации евреев? Конечно, подобная угроза, безусловно, существовала, ибо чуть ли не с момента воцарения в России большевиков власти постоянно практиковали бессудное и массовое выселение людей (сначала по классовым, а потом и по национальным мотивам). Но также верно, что реализоваться эта угроза в тех условиях не могла. И вот почему. В отличие, скажем, от насильственного выселения территориально локализованных на окраине империи кавказских народов депортацию евреев (сотен тысяч, проживавших не обособленно в колониях-гетто, а в густонаселенных городских центрах страны, ассимилировавшись и растворившись в инациональной массе) нельзя было провести ни молниеносно, ни тем более тайно. Ясно, что изъятие такого количества людей из нормальной общественной среды, где многие из них к тому же играли заметную роль в области науки, культуры, других общественно значимых сферах, возможно было только после всесторонней продолжительной подготовки. Требовались в первую голову предварительные радикальные изменения и в официальной идеологии, сохранявшей, несмотря на шовинистический пресс сталинизма, еще существенную толику большевистского интернационализма. То есть, схематично выражаясь, почвеннический шовинизм должен был полностью вытеснить коммунистический интернационализм, что было невозможно в

принципе. Так как, несмотря на всю симпатию Сталина к традиционной крепкой русской государственности и нагнетавшийся по его воле русский патриотизм, он не мог отказаться от коммунистической идеологии, ибо его евроазиатская империя от Берлина до Владивостока держалась главным образом на ней, а отнюдь не на русской идее. И в этом противоречии коренилась главная причина идеологической амбивалентности сталинизма.

В отличие от сталинского гитлеровский режим был лишен такого дуализма. Тем не менее потребовалось несколько лет, чтобы нацистская Германия подошла к так называемому окончательному решению еврейского вопроса, предусматривавшему массовую депортацию евреев в лагеря смерти. Там этому предшествовали продолжительная идеологическая промывка мозгов с помощью «Майн Кампф» Гитлера и других откровенно расистских и антисемитских работ, официальное узаконение антисемитизма как государственной политики, повлекшее за собой систематическое вытеснение евреев из политических, общественных и экономических институций рейха, принятие расовых законов, лишивших евреев гражданских прав и определивших юридически точное понятие еврейства, исходя из конкретно сформулированных этнорелигиозных критериев, организованные сверху погромы ноября 1938 г. и, наконец, вторая мировая война, окончательно развязавшая руки нацистов для геноцида. Если та же идея тотально покончить с евреями действительно завладела бы Сталиным в начале

1953-го, то их депортации по логике вещей должно было предшествовать нечто подобное. Но диктатор не мог не понимать, что его многонациональной империи в отличие от мононациональной Германии изначально противопоказан такой эксперимент, ибо она рискует просто развалиться.

Существует и другой достаточно весомый антидепортационный аргумент: несмотря на широкое предание гласности после августа 1991 г. самых секретных политических архивных материалов сталинского режима, не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и иницирующей депортацию, но даже какого-либо другого документа, где бы она упоминалась или хотя бы косвенно подтверждалась ее подготовка (в том числе сотни тысяч пресловутых списков евреев на выселение). Если бы нечто похожее существовало в действительности, то непременно бы обнаружилось, как это произошло со многими другими советскими политическими секретами. В последнее десятилетие, например, были опубликованы основные официальные документы о насильственном выселении в годы войны и послевоенное время чеченцев, ингушей, крымских татар и других так называемых «изменнических» народов, а также «буржуазных националистов» из Западной Украины, Прибалтики и других регионов страны. Причем эти директивы принимались за несколько месяцев до начала депортаций, что опровергает измышления о том, будто сталинское руководство письменно оформляло их постфактум. В общем, если гипотетически в чьих-то «руководящих» умах и возникало намерение административно выслать евреев в места весьма отдаленные, то эта идея, не могущая быть переведенной на практические рельсы, оказывалась мертворожденной.

Думается, масштабы официального антисемитизма, которые имели место в СССР в начале 1953 г., были предельно допустимыми в рамках существовавшей тогда политико-идеологической системы. Дальнейшее следование тем же курсом, не говоря уже о проведении еврейской депортации, поставило бы страну перед неизбежностью коренных преобразований в советском законодательстве (прежде всего легализации антисемитизма как государственной политики, а значит, и введения национальной дискриминации), чреватых самыми непредсказуемыми последствиями в многонациональной стране. При таком развитии событий зверь стихийного

антисемитизма, разбуженный «делом врачей», мог вырваться на свободу, и тогда страна погрузилась бы в хаос национальных и социальных катаклизмов. Показательно, что один из арестованных кремлевских врачей, Я.Л. Рапопорт, впоследствии называл «дело врачей» «незаконченным советским изданием» российских «холерных бунтов» начала 1830-х гг., когда темные и бесправные народные массы, доведенные до отчаяния страхом перед смертельной опасностью и видевшие в медиках, самоотверженно борющихся с эпидемией, умышленных распространителей заразы, сначала расправились с ними, а потом обрушили свой гнев на представителей властей^[51].

Подобная перспектива, разумеется, Сталина не устраивала. Да и по складу своего характера он не решился бы открыто выступить против евреев, хотя в душе, особенно в последние годы жизни, мог быть, что называется, патологическим антисемитом. Поэтому вождь, ревностно оберегавший свой революционный имидж большевика-ленинца, был обречен переживать муки психологической раздвоенности, которая, возможно, и ускорила его конец. В связи с этим весьма симптоматичен эпизод, описанный композитором Т.Н. Хренниковым. В конце 1952 г. Сталин, в последний раз присутствовавший на заседании комитета по премиям своего имени, совершенно неожиданно заявил: «У нас в ЦК антисемиты завелись. Это безобразие!»^{[51] *}

Из-за быстро ухудшавшегося самочувствия Сталин почти безвыездно находился тогда на «ближней» даче, лишь изредка наведываясь в Москву, и то в основном для того, чтобы своими появлениями в Большом театре или встречами с иностранными послами пресечь усиливавшиеся с каждым днем слухи о его нездоровье. Тем не менее он был в курсе текущей политики благодаря Маленкову, Берии, другим самым доверенным приближенным, которые, конечно, докладывали ему и о негативной реакции Запада на инспирированную им шумиху в связи с «делом врачей», а также о нарастании антисемитского психоза и паники среди еврейского населения внутри страны. Под воздействием этой информации Сталин, который всегда стремился сохранить для истории свое «прогрессивное» лицо, видимо, осознал, что дальнейшее развитие событий чревато самыми непредсказуемыми последствиями, и потому решился на отступной маневр. Будучи непревзойденным мастером политической ретирады, он хоть и не смог, как в марте 1930 г. (когда понял, что нахрапом мужика в колхоз не загонишь и необходимо взять тайм-аут), написать нечто подобное «Головокружению от успехов», тем не менее все же нашел аналогичный выход из критической ситуации. Чтобы снять политическое напряжение, возникшее в связи с «делом врачей», Сталин, как вспоминал потом Л.М. Каганович, поручил тогдашнему главному идеологу Н.А. Михайлову подготовить от имени наиболее выдающихся и известных в стране деятелей еврейского происхождения проект соответствующего письма в редакцию «Правды». В 20-х числах января такой текст был готов, причем уже даже в виде газетного оттиска. Будучи, как известно, интеллектуально недалеким и заскоружлым чиновником, Михайлов не пошел дальше конформистского копирования кондового стиля сообщения ТАСС от 13 января 1953 г. об аресте «шпионской группы» «врачей-вредителей». В его проекте присутствовала та же, в духе 1937 г., лексика, бичующая «шпионскую банду врачей-убийц», «этих извергов рода человеческого», «продавшихся американско-английским поджигателям войны» и «завербованных международной сионистской организацией “Джойнт” – филиалом американской разведки». К позорному столбу пригвождались и «империалистическая Америка», эта «каторга для еврейских трудящихся, угнетаемых самой жестокой машиной капиталистической эксплуатации», и «главари сионизма», превратившие «государство Израиль в плацдарм американских агрессоров» и создающие «по заданию американской и английской разведок» «террористические диверсионные группы в Советском Союзе и в странах народной демократии». Вместе с тем четко была зафиксирована официально проводимая Сталиным дифференциация между «еврейскими буржуазными

националистами» и «честными еврейскими тружениками». Это – важный аргумент против версии некоторых современных фальсификаторов (о них речь ниже) о том, что такая дифференциация не проводилась и потому-де все евреи должны были подвергнуться депортации. Собственно, пафос обращения и состоял в противопоставлении «жалкой кучке» «отщепенцев и вырожденцев», продавших «свою душу и тело империалистам», «подавляющего большинства еврейского населения», состоящего из «патриотов Советской Родины», которые «вместе со всеми трудящимися Советского Союза обрели свободную, радостную жизнь, возможность безграничного развития в любой области труда и творчества». К ним и был обращен призыв «активно бороться против еврейских буржуазных националистов, этих отъявленных врагов еврейских тружеников». Завершалось послание требованием «самого беспощадного наказания» «группы врачей-убийц» и выражением уверенности в том, что это требование единодушно поддержат трудящиеся-евреи. Кроме того, в письме отмечалась выдающаяся роль Советского Союза в спасении человечества от гитлеризма, а европейских евреев – от полного уничтожения; особо подчеркивалось, что, несмотря на попытки Запада «создать почву для оживления в СССР антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого», «русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения в СССР является другом русского народа»^[7].

Поддержать обращение в «Правду» должны были 59 известных ученых, артистов, литераторов, конструкторов, врачей, военных, управленцев, а также рабочих и колхозников еврейского происхождения. Однако в ходе сбора подписей, в котором активную помощь сотрудникам ЦК и редакции «Правды» оказывали академик-историк И.И. Минц и начальствующий журналист Я.С. Хавинсон-Маринин, произошел сбой: Л.М. Каганович решительно выступил против того, чтобы его имя фигурировало в общем ряду подписантов, так как он-де не еврейский общественный деятель, а член высшего руководства партии и государства. Коллизию эту разрешили довольно быстро, предоставив Кагановичу персональную копию письма, которую тот и подписал как личное обращение в «Правду». На пленуме ЦК в июле 1953 г. он, имея в виду «евреев-националистов», заявил, что «дело врачей» было бы «неправильно связывать с еврейством вообще». Позже Каганович, будучи хорошо осведомленным в тайнах кремлевской политической кухни, отрицал наличие плана депортации^[8].

Возникла и заминка с Эренбургом: прежде чем поставить свой автограф, тот на всякий случай решил заручиться личным благословением Сталина, направив ему 3 февраля письмо, где как сторонник полной ассимиляции евреев намекнул на заведомую порочность затеи с посланием, исходящим от людей, объединенных по национальному признаку. Он также выступил против использования словосочетания «еврейский народ», которое, по его мнению, могло «ободрить националистов и смутить людей, еще не осознавших, что еврейской нации нет». В конце Эренбург приписал: «Если руководящие товарищи передадут мне, что опубликование документа и моя подпись могут быть полезны для защиты Родины и для движения за мир, я тотчас подпишу “Письмо в редакцию”». Замечания маститого литератора, только что удостоенного Сталинской премии за укрепление мира между народами, были учтены при редактировании письма, которое свелось в основном к тому, что из него изъяли словосочетание «еврейский народ», противоречившее сталинскому учению о нациях. После чего автограф Эренбурга появился на общем подписном листе, хранящемся ныне в Российском государственном архиве новейшей истории.

29 января Михайлов и Шепилов направили подредактированный проект Маленкову, а тот представил его Сталину. Судя по тому, что 2 февраля на сопроводительной записке к письму появилась отметка об отправке его в архив, можно

сделать вывод, что текст Сталину не понравился. Не исключено, что тон письма – чрезмерно резкий, если не сказать, кондовый – его не устроил, ибо отражал вчерашний день, а не способствовал в стремительно менявшейся ситуации достижению новой цели: затушить скандальную ажитацию вокруг «дела врачей» в стране и мире. Обоснованность такой догадки подтверждается тем, что составление следующего варианта письма было поручено Шепилову, слывшему среди интеллигенции либералом. О выполнении задания он отчитался 20 февраля, когда вручил Михайлову «исправленный текст проекта письма в редакцию газеты “Правда”»^[9].

Хотя в идейно-концептуальном смысле сотворенное под руководством Шепилова не претендовало на новизну, но зато по лексике оно разительно отличалось от того, что было раньше. Это была уже не прежняя вульгарная агитка, а вежливое приглашение «вместе... поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев». В общем, смягчился язык послания: исчезли «выродки», «отщепенцы», «шпионские банды», испарились куда-то «еврейские буржуазные националисты», не использовался даже такой ходовой пропагандистский штамп, как «англо-американские империалисты» (вместо них фигурировали «американские и английские миллиардеры и миллионеры», «зарвавшиеся еврейские империалисты»), «еврейские труженики» не призывались больше к повышению бдительности, но появилось вновь вычеркнутое было словосочетание «еврейский народ», что вопреки собственной теории мог сделать только сам Сталин. И самое главное, уже не выдвигалось никаких требований расправиться с «врачами-отравителями». Правда, пуще прежнего костерились сионисты и Израиль, что объяснялось скандально произошедшим тем временем разрывом дипотношений с этим государством. Умиротворяющая направленность письма оттенялась внушавшей оптимизм концовкой – пожеланием начать издание в Советском Союзе газеты для широких слоев еврейского населения в стране и за рубежом^[10].

Поскольку из послания был изъят призыв «самого беспощадного наказания преступников», можно заключить, что Сталин отказался от намерения провести публичный процесс по «делу врачей». Тем самым автоматически опровергается миф об открытом антисемитском судилище как сигнале к началу еврейской депортации. Если бы Сталин вскоре не умер, то скорей всего имело бы место действие, аналогичное тайной расправе над руководством Еврейского антифашистского комитета.

Как известно, обращение еврейской общественности так и не появилось в печати. Думается, сам Сталин успел незадолго до приступа смертельной болезни отвергнуть эту идею, исходя из того соображения, что публикация любой, даже выдержанной в самом оптимистическом тоне, коллективной петиции евреев будет свидетельствовать о том, что в стране продолжает существовать пресловутый «еврейский вопрос». Возможно, до диктатора дошел смысл предостережения, прозвучавшего в письме Эренбурга: «Опубликование “Письма”, подписанного учеными, писателями, композиторами и т.д. еврейского происхождения, может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую теперь ведут сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины»^[11].

Вместе с тем, передумав опубликовать письмо, диктатор отнюдь не намеревался возвратиться на старые позиции. Ведь с 20-х чисел февраля с полос «Правды» исчезла критика «еврейских буржуазных националистов» и их «заграничных хозяев», неизменно присутствовавшая там до этого. А 1 марта Сталина разбил сильнейший инсульт, после которого он уже не поднялся.

Мифотворцы

Преемники власти диктатора в Кремле первым делом поспешили откреститься от наиболее одиозного его наследия, в том числе и от «дела кремлевских врачей», спровоцировавшего антисемитскую истерию в стране. Уже в начале апреля все арестованные врачи были освобождены и реабилитированы. Казалось, что после устранения таким образом даже теоретической угрозы еврейской депортации миф о ней очень скоро развеется и исчезнет вместе с другими страхами и химерами эпохи сталинизма. Однако он оказался чрезвычайно живучим. И вот почему: во-первых, активно циркулируя в виде слухов начиная с 1948 г., он успел основательно укорениться в еврейской ментальности, опаленной многовековыми преследованиями и колоссальной национальной катастрофой в XX веке. А во-вторых, на протяжении нескольких последующих десятилетий (в ходе холодной войны, горбачевской перестройки и ельцинских реформ) его искусственно подпитывали, используя в различных верхушечных политических играх, пропаганде и книгоиздательском бизнесе.

Первый массивный «выброс» дезинформации произошел весной 1956 г., когда Н.С. Хрущев заявил одному французского журналисту, что непосредственной причиной смерти Сталина явилось решительное выступление В.М. Молотова и А.И. Микояна против плана депортации евреев, в чем их якобы поддержал и К.Е. Ворошилов, заявивший, что эта акция может дискредитировать советское руководство своим сходством с преступлениями Гитлера. За то, что со стороны Хрущева это было чистой воды политической спекуляцией, говорит хотя бы тот факт, что в его мемуарах, вышедших спустя пятнадцать лет на Западе, Сталин на нескольких страницах распекался за антисемитизм, однако там не было даже намека, что тот собирался депортировать евреев.

Но это будет потом, а пока все сказанное новым советским лидером было воспринято на Западе за чистую монету. И по-другому в общем-то не могло и быть: там не были посвящены в тайны Кремля и, конечно, не знали, что в последние месяцы жизни Сталин вообще не встречался ни с Молотовым, ни с Ворошиловым, ни с Микояном, на которых наложил опалу. Спустя несколько месяцев ту же легенду, изображавшую наследников диктатора чуть ли не борцами с его безумной тиранией, пересказал в несколько модифицированном виде философу и писателю Ж.-П. Сартру приехавший во Францию Эренбург. Как близкому другу он поведал ему, что якобы 1 марта 1953 г. на заседании Президиума ЦК КПСС выступил поддержанный всеми присутствовавшими (кроме Л.П. Берии) Каганович, который потребовал от Сталина предпринять объективное расследование «дела врачей» и отменить отданное вождем распоряжение о депортации евреев в Сибирь. В ответ тот будто бы разразился угрозами в адрес «заговорщиков», но те не дрогнули, а Микоян даже отважился заявить, что если Сталин арестует их, то в дело вмешается армия, которая на их стороне и готова занять Кремль. Рассказ Эренбурга завершался финалом в духе пошлой мелодрамы: немую сцену, возникшую после угрожающего заявления Микояна, прервал Каганович, который, не говоря ни слова, разорвал свой партбилет на мелкие клочки и бросил их в лицо диктатору. Такой камуфлет якобы так сильно подействовал на Сталина, что того тут же хватил удар и он потерял сознание^{**}. Спустя год эту историю повторил бывший секретарь ЦК КПСС П.К. Пономаренко, который тогда был послом в Польше^[12].

КТО ПЕРВЫЙ ЗАГОВОРИЛ О ДЕПОРТАЦИИ ?

этому делу известен (записка Берия). Фотографии процедуры подписания советско-германских документов все видели в газетах, канцелярия Наркомата Иностранных дел зарегистрировала их и т.д. Задача заключалась в том, чтобы найти их физически. Почему советская сторона отвергла их наличие в архивах - это другой вопрос.

Документы о расстреле польских офицеров, депортации народов Крыма, Северного Кавказа, Поволжья давно найдены.

Среди книг, в которых о депортации евреев говорится как о слухе или вообще ничего не говорится, назову следующие: сборники "Книга о русском еврействе" (Нью-Йорк, 1968), "Евреи Советского Союза" (Тель-Авив, 1975), монография А. М. Гольдберга "Илья Эренбург" (1984).

Эти книги написаны в годы, менее отдаленные от тех, грозных, чем наши. Почему тогда не было никаких свидетельств? Ожидаю ответ - все боялись (те, кто уехал в Израиль тоже?). Мое мнение другое: исказить недавнее прошлое труднее, чем давно минувшее. Да и память вдруг у многих просветлела. Рассказывают о том, что им говорили родственники 30 лет назад, о погоде в те дни...

Многим моя ирония покажется неуместной, но тема слишком серьезная, что-

мика-философа Митина, специалиста по части подхалимажа, и журналиста Маринина-Хавинсона, профессионального дезинформатора, дабы спасти евреев от справедливого гнева трудящихся, написала письмо Сталину, по другим данным - в "Правду". В нем содержалось ходатайство выселить советских евреев в Сибирь (Казakhstan, Дальний Восток, Таймыр, Новую Землю). Письмо было предложено подписать известным стране евреям: писателям, артистам, ученым. Некоторые потеряли дух и подписали, другие - отказались. Эренбург заколебался, и сам написал письмо в "высшую инстанцию" с разъяснением своей позиции. Смерть Сталина прервала всю эту деятельность. Замечу, что ни один из "подписантов" или "неподписантов" не оставил ни единого упоминания об этом. Кроме Эренбурга.

Что сейчас известно о "письме евреям"? Оно найдено и опубликовано в "Вестнике президентского архива", N-1, 1997 г.

И в нем тоже нет ничего о депортации. Оно сурово осуждает американских поджигателей войны и их пособников - сионистов, уверяет власть в преданности советских евреев, а главное - покрывает позором арестованных врачей. Письмо заканчивалось списком из 58 фамилий от члена Политбюро до сталевара. Никаких

Предприняв эту PR-вскую акцию за границей и получив в результате определенные политические дивиденды, кремлевские лидеры сочли за благо для себя больше не касаться обоюдоострых обстоятельств, предшествовавших кончине диктатора, а после смещения Н.С. Хрущева, этого живого кладезя исторических фактов и анекдотов, вообще табуировали темные страницы сталинского прошлого. Однако это не только не загасило интереса к тому, что в интеллигентских кругах стали называть «сталищиной», скорей наоборот: официальная полуправда о недавних преступлениях режима (по сути - их сокрытие) только

стимулировала это общественное любопытство - запретный плод сладок! При том отсутствие доступа к достоверной исторической информации компенсировалось все более разрастающимся мифотворчеством. Вот почему народная молва неустанно творила миф о еврейской депортации, наделяя его все новыми деталями и подробностями, причем зачастую противоречившими друг другу. В конце концов слухи, достигнув критической массы, стали по закону диалектики обретать новое качество, превращаясь задним числом как бы в ретроспективную реальность. Заработал механизм «отмывания» мифа - его включение в анналы прошлого на правах исторической правды.

Одну из первых попыток такого рода предпринял известный американский журналист еврейского происхождения, зять Шолом-Алейхема Бенцион Гольдберг, который в прошлом неоднократно бывал в СССР и так или иначе использовался американскими и советскими спецслужбами. В 1961 г. он издал книгу по «еврейскому вопросу» в СССР, преподнося депортацию уже не как эпизод верхушечной политической игры постсталинского руководства, а как важный сам по себе факт реальной угрозы геноцида советских евреев. Научное, так сказать, обоснование этого тезиса взял на себя израильский историк Й. Гильбоа, опубликовавший в 1971 г. монографию, в которой период гонений на советское еврейство обозначался эмоциональной парадигмой «черные годы», востребованной сразу же западной советологией. В том же году в Нью-Йорке вышла в свет книга «К суду истории. Генезис и последствия сталинизма», в которой ее автор, правозащитник Р.А. Медведев, аналогичным образом интерпретировал слухи о депортации. К ним за неимением других источников он отнесся с определенным доверием, включив в виде реальных планов Сталина в подготовленный предварительно для самиздатского журнала «Евреи в СССР» очерк об антиеврейских репрессиях советских властей. Затем миф о депортации обрел «историческую прописку» и на страницах парижского издания «Архипелага ГУЛАГа» А.И. Солженицына, который, правда, изложил его только в примечании и с оговорками:

«В последние годы жизни Сталина определенно стал намечаться и поток евреев... Для того было затеяно и дело врачей. Кажется, он собирался устроить большое еврейское избиение. ...По московским слухам, замысел Сталина был такой: в начале марта «врачей-убийц» должны были на Красной площади повесить. Всколыхнутые патриоты

(под руководством инструкторов) должны были кинуться в еврейский погром. И тогда правительство, великодушно спасая евреев от народного гнева, в ту же ночь выселяло их на Дальний Восток и в Сибирь (где бараки уже готовились)».

Но с годами скептицизм Солженицына в отношении «московских слухов», видимо, усилился. Во всяком случае, в вышедшем в 1991 г. издании «Архипелага ГУЛАГа» их описания уже не было^{*** [13]}.

Обозначилась явная тенденция: чем интенсивней проходил в СССР процесс идейно-политического брожения и сильнее накалялись там страсти вокруг еврейской эмиграции, тем активнее эксплуатировалась в политических целях тема депортации. В первую очередь эта легенда оказалась замкнута на массовый выезд евреев из СССР в 1970 – 1980 гг., когда наверх шли от них и такие письма:

«Почему увеличился, особенно за 1978 г., выезд из СССР лиц еврейской национальности? Мы, люди среднего возраста (38 – 45 лет), очень обеспокоены этим явлением. ... Страшно, когда покидают пределы страны близкие родственники, товарищи, с которыми вместе росли, учились, работали. ... Стали упорно распространяться слухи о том, что с 1980 г. будет запрещен выезд из СССР, что готовится массовое переселение всех оставшихся евреев в автономную республику (Еврейскую автономную область. – Авт.). Эти слухи будоражат людей, порождают неустойчивость. Кто распространяет эти слухи? Да и как реагируют на предприятиях и в организациях, когда становится известно о чем-либо очередном выезде: начинаются публичные выступления, которые сводятся к одному – выслать немедленно всех евреев до одного»^[14].

Миф о депортации стал играть роль устрашающего идеологического жупела. Налицо была его очевидная политическая ангажированность, в чем, собственно, и кроется разгадка того, что он даже и в наше время скорее жив, чем мертв.

Деформирующее влияние политического мифотворчества ощутила на себе и историческая наука. И все же серьезные западные ученые в большинстве своем с честью выдержали этот натиск, отнесясь к мифу о депортации весьма сдержанно, как к предположению или не подкрепленной фактами гипотезе. Более того, в сборниках научных статей «Книга о русском еврействе. 1917 – 1967» (Нью-Йорк: Союз русских евреев, 1968) и «Евреи в Советской России. 1917 – 1967» (Тель-Авив: Библиотека «Алия», 1975) о подготовке выселения советских евреев вообще ничего не говорилось. Только как слух она фигурирует в основных научных трудах 1980-х гг.: в книгах авторитетных американских и израильских специалистов по истории советского еврейства Н. Левин и Ц. Гительмана, Я. Рои^{****} и Б. Пинкуса, хотя последний, как кажется, был склонен доверять этим слухам^[15].

И только в 1990-е интеллектуальная элита и ученый мир Запада дрогнули под напором мифа. Именно в те годы он стал включаться в более или менее серьезные научно-популярные и даже сугубо научные издания как уже нечто само собой разумеющееся, когда-то и кем-то полностью доказанное. Подобный настрой был задан книгой американско-израильского журналиста и писателя Л. Рапопорта, который, целиком ориентируясь на созданный в духе политического триллера памфлет А.В. Антонова-Овсеенко «Портрет тирана» (впервые вышел на Западе еще в 1980 г.), уже без обвиняков утверждал, что Сталин избрал депортацию в качестве советского способа решения еврейского вопроса. Доказательством тому должен был послужить собственноручно сработанный («научно реконструированный») автором вариант письма еврейской общественности к советскому руководству с просьбой оградить евреев от справедливого гнева русского народа путем

массового переселения их в безлюдные районы Дальнего Востока. То есть предлагалась модель текста, который якобы в свое время был составлен в недрах ЦК КПСС для пропагандистского обоснования грядущей депортации. В качестве исходных данных «реконструкции» были упомянуты «различные источники», при том что ссылка давалась только на мемуары Эренбурга «Люди, годы, жизнь», в которых, как известно, депортация никоим образом не упоминается. Несмотря на это, известный американский ученый Д. Рубенштейн в изданной им биографии Эренбурга в значительной мере солидаризировался с позицией Л. Рапопорта. То же самое можно сказать и об израильском ученом М. Альтшулере. Под напором апологетов мифа не устояла даже солидная энциклопедия «Britannica». В те годы содержание легенды, прежде глухое, неясное и лапидарное, расцвятилось пространными описаниями различных холодящих кровь подробностей и деталей. Особенно преуспели в этом те, кто сочинял и редактировал статью «Советский Союз» в «Краткой еврейской энциклопедии»^[16].

Чтобы разобраться в механизме столь чудесного привития мифа к древу чистой науки, необходимо мысленно перенестись в Советский Союз конца 1980-х. Именно тогда, на излете горбачевской перестройки, советские ученые-историки впервые осмелились открыто заговорить об угрозах, гипотетических и реальных, тревоживших евреев в последние месяцы жизни Сталина. Однако высказаться более или менее определенно, готовил ли он депортацию евреев, они не могли, поскольку архивные источники, необходимые для научного изучения этой проблемы, были пока недоступны. Впрочем, в те годы это мало смущало литераторов-публицистов, которые на волне стремительно усиливавшегося общественного ажиотажа вокруг так называемых тайн Кремля принялись заполнять на свой манер «белые пятна» прошлого. В основном на этой ниве подвизались или пострадавшие в свое время от сталинских репрессий, то есть те, от кого, за редким исключением, трудно ожидать объективных и бесстрастных исследований (и это была не вина их, а беда), или циничные конъюнктурщики, которые спешили прославиться и сорвать куш на ставших вдруг очень модными разоблачениях преступлений сталинизма. Из подспудно бытовавших в интеллигентской среде застарелых слухов, коим гласность позволила, преодолев тесные рамки нонконформистского устного междусобойчика и подпольного самиздата, широким потоком хлынуть на страницы многомиллионных печатных изданий, они принялись «творить историю» чуть было не состоявшегося геноцида советских евреев.

В качестве главного доказательства будто бы планировавшейся Сталиным депортации ими были использованы широко распространившиеся в еврейской среде толки вокруг упоминавшегося выше обращения в «Правду», реально готовившегося от имени известных деятелей еврейского происхождения. Благо даже те, кто так или иначезнакомился в свое время с настоящим письмом, теперь под влиянием тех же слухов склонны были расценивать его как прелюдию к депортации, хотя прямо и не утверждали, что призыв к ней содержался в самом этом письме.

Взять хотя бы выделяющиеся на общем фоне мемуаристики своей полнотой, взвешенностью, глубоким и объективным анализом исторических событий воспоминания Я.Л. Рапопорта, профессора-патологоанатома, арестовывавшегося по делу кремлевских врачей. Довольно точно передав содержание реального письма, известного ему со слов тех, кто его подписывал, он, разумеется, не припомнил, чтобы в нем что-либо говорилось о депортации, хотя потом не удержался, увязав это письмо «с намечаемыми последующими акциями против всей национальности»^[17]. В мемуарах же академика-правозащитника А.Д. Сахарова, в части, увидевшей свет в декабре 1990-го, вместо коллективно подписанного послания вообще фигурирует какая-то приписываемая одному

из партидеологов передовица, которая уже прямо квалифицируется как составная часть некоего плана депортации:

«Потом мы узнали, что в начале марта были подготовлены эшелоны для депортации евреев и напечатаны оправдывающие эту акцию пропагандистские материалы, в том числе номер “Правды” с передовой “Русский народ спасает еврейский народ” (автор – якобы Чесноков, незадолго до смерти Сталина введенный им в расширенный состав Президиума ЦК КПСС...)»^[18].

Вряд ли эти строчки следует воспринимать как свидетельство очевидца. Ибо сам Сахаров, который в момент описываемых им событий находился вдали от Москвы, в наглухо изолированном от мира атомном центре «Арзамас-16», не скрывает, что обстоятельства «дела врачей» стали ему известны только «потом», правда, не уточняя, когда и от кого именно. Видимо, Сахаров в отличие от того же Я.Л. Рапопорта вынужден был пользоваться данными, дошедшими до него через третьи руки. Может, поэтому он и назвал коллективное обращение в «Правду» передовой, а в качестве ее автора упомянул Д.И. Чеснокова, которому этот «грех» никто и никогда больше не ставил в вину. Правда, потом задним числом ему припишут сочинительство другого «оправдывающего депортацию» пропагандистского материала, о чем будет сказано ниже. Немаловажно и то, что сам академик не участвовал в издании собственных воспоминаний, вышедших спустя год после его смерти.

Тогда, в начале 1990-х СССР вошел в штопор глубочайшего тотального кризиса и многим стало ясно, что процесс его распада приобрел необратимый характер. Спонтанная либерализация режима и страх перед непредсказуемым будущим привели к взрыву еврейской эмиграции. Лишь за один 1990 г. страну покинули 186000 евреев. И этот массовый исход обуславливался не только политическими и экономическими причинами. Велико было влияние и социально-психологического фактора, который зиждился на страхе, навеянном политической клоунадой распоясавшейся «Памяти» Васильева, с одной стороны, и на витавшем в воздухе разрушавшегося государства идеологическом заказе на дальнейшее стимулирование еврейской эмиграции – с другой. Подобно эпидемии, по Москве и другим городам распространялись слухи, будто грядут массовые еврейские погромы и что крайние шовинисты, готовя новую Варфоломеевскую ночь, уже помечают меловыми крестами жилища будущих жертв. Некоторые, впад от этих кошмарных пересудов в истерику, стали умолять русских друзей и знакомых укрыть их в своих квартирах и на дачах. Под воздействием столь сильного психологического прессинга, о котором, впрочем, нееврейское население в подавляющем большинстве и не догадывалось, количество желающих выехать в Израиль стремительно возрастало с каждым днем.

Именно в такой накаленной атмосфере и вышла в свет книга, будто специально изданная «страха иудейска ради». Именно она, как мы убедимся, составит основу «доказательной базы» приверженцев мифа о депортации, но основу тайную, так как в отличие от иных на этот «источник» не будет сделано ни одной ссылки. Речь идет о сборнике художественных сочинений прозаика В.П. Ерашова, 250-тысячным тиражом выпущенном в декабре 1990 г. новообразованным «независимым» кооперативным издательством ПИК. На траурной черной обложке фольговой зеленью угловатых букв было выведено: «Коридоры смерти». Такое название книга получила по включенному в нее одноименному произведению с подзаголовком «Историко-фантастическая хроника». В авторском и издательском пояснениях, готовящих читателей к знакомству с «хроникой», говорится, что, хотя основное ее содержание и выдумано автором, задавшимся вопросом, что могло бы произойти, умри Сталин неделей позже, тем не менее

(и далее – нечто парадоксальное) «страшные события, черед которых прослеживается в повести изо дня в день, не столь уж фантазмагоричны: за ними стоят исторические реалии, подтвержденные свидетельствами современников и документами».

У Этингера

Дорогие братья и сестры, евреи и еврейки!
Мы, работники науки и техники, деятели литературы и искусства – евреи по национальности, – в этот тяжкий период нашей жизни обращаемся к вам <...>

<...>Зловещая тень убийц в белых халатах легла на все еврейское население СССР. Каждый советский человек не может не испытывать гнева и возмущения <...> Позор обрушился на голову еврейского населения Советского Союза. Среди великого русского народа преступные действия банды убийц и шпионов вызвали особое негодование. Ведь именно русские люди спасли евреев от полного уничтожения немецко-фашистскими захватчиками <...>

<...> только самоотверженный труд там, куда направят нас партия и правительство, великий вождь советского народа И.В. Сталин, позволит смыть это позорное и тяжкое пятно <...>

<...> Вот почему мы полностью одобряем справедливые меры партии и правительства, направленные на освоение евреями просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Лишь честным и самоотверженным трудом евреи смогут доказать свою преданность Родине, великому и любимому товарищу Сталину <...>

У Ерашова

Дорогие братья и сестры, еврейские мужчины и женщины, еврейская молодежь! К вам обращаемся мы, друзья наши, соплеменники! Мы, работники промышленности и сельского хозяйства, военачальники, деятели науки и техники, литературы и искусства, в трудные эти дни держим слово к вам, всем евреям – гражданам Советской Страны <...>

<...> Мы никогда не забудем беспримерного подвига великого русского народа... Для нас, евреев, этот подвиг имеет особое значение, ибо именно русские люди... спасли евреев от полного физического истребления гитлеровскими захватчиками. <...> Зловещая тень подлых убийц и шпионов легла на весь еврейский народ, вызывая справедливый

**гнев и возмущение каждого советского человека.
Да, невозможно отрицать: все мы косвенно
опозорили себя <...>**

**<...> только самоотверженный труд там, куда
пошлют нас партия, правительство, родной и
любимый товарищ И.В. Сталин, позволит нам вновь
ощутить себя <...> полноценными честными
гражданами Великой Родины.**

**..> Мы призываем вас, еврейские мужчины и
женщины <...> добровольно покинуть обжитые и
привычные города и районы, отправиться на
освоение просторов Восточной Сибири, Дальнего
Востока, Крайнего Севера. <...> И лишь честным,
самоотверженным трудом каждый советский еврей
может доказать свою преданность Родине, великому
и любимому товарищу И.В. Сталину <...>**

Автору этих строк так и не удалось обнаружить в этой «хронике» ни одного реального документа, зато в ней обильно представлены различные и, надо признать, искусно выполненные стилизации под официальные документы и пропагандистские материалы сталинской эпохи. Это и «правительственное сообщение» от 7 марта 1953 г. о том, что «Особое присутствие Военной коллегии Верховного суда СССР в закрытом судебном заседании рассмотрело дело по обвинению преступной шайки врачей-вредителей» и приговорило их к смертной казни. Это и «Обращение к евреям – гражданам Советского Союза», в котором группа их именитых соплеменников призывает «добровольно покинуть обжитые, привычные города и районы, отправиться на освоение просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера». (То есть тут мы имеем дело с очередным фантастическим аналогом настоящего коллективного обращения в «Правду», о котором уже шла речь.) Это и хроника (тоже, разумеется, фантастическая) состоявшейся 8 марта на Лобном месте Красной площади казни восьмерых евреев через повешение. Стилизованно под газетный репортаж описана и отправка в тот же день с Казанского вокзала столицы «экспресса особого назначения “Москва – Биробиджан”» с первыми «добровольцами», депортируемыми на Дальний Восток, где уже подготовлены свыше двадцати спецпоселков «для евреев из Москвы». А перелистав несколько страниц, можно прочесть, что этому составу не суждено было прибыть к месту назначения: 14 марта в 2:02 по Москве в районе станции Слюдянка он «с налету выскочил на отрезок пути, разрушенный гебистами, рухнул под откос и почти мгновенно сгорел, поскольку был для пущей надежности начинен в багажниках под полом вагонов канистрами с бензином». Как далее фантазирует автор, в столице тем временем заканчивался подсчет и оформление данных по контингенту депортируемых, в который «по состоянию на 24:00 10 марта» входили 211 492 еврея, «включая полукровок», что составляло «67 856 семейств». Завершающие эпизоды «хроники» – о смерти Сталина, последовавшей по воле автора повести в ночь на 12 марта, и произошедшем в результате срыва «операции под кодовым названием “Восток”», планом которой предусматривалось осуществить «начиная с 5:00 14 марта» массовую депортацию московских евреев^[19].

Столь подробный разбор фантастики может показаться на первый взгляд не совсем уместным в научной статье, если не учесть важное обстоятельство. Пройдет всего полгода после издания книги Ерашова, и представленная в ней легенда о событиях, которые могли бы произойти в марте 1953-го, стала выдаваться за некий утаиваемый

властями реальный антиеврейский план сталинского руководства. Первым об этом заговорил журналист З.С. Шейнис. Племянник известного дипломата Я.З. Сурица, он начал работать в печати еще до войны, возглавив в обезлюдевшей после «большого террора» редакции «Труда» иностранный отдел. Но широко известным имя этого журналиста стало осенью 1958 г., после выхода в Госполитиздате первой многотиражной советской антиссионистской книги «Государство Израиль, его положение и политика», написанной им совместно с заместителем министра иностранных дел В.С. Семеновым, выступившим под псевдонимом «К. Иванов». В вышедшей потом на Западе «Книге о русском еврействе. 1917 – 1967» об этом агитпроповском опусе говорилось как об «изобилующем злопахательными и невежественными извращениями» и содержащем «тысячу вольных и невольных ошибок и явно клеветнические комментарии»^[20].

Возможно, чтобы реабилитировать себя за столь неприглядное сотрудничество с властью, летом 1991 г. агонизировавшей, Шейнис и решил публично выступить в роли разоблачителя преступлений сталинизма. 28 июня он публикует в «Вечерней Москве» очерк «Грозил депортация», в котором воспроизвел якобы рассказанную ему Эренбургом в конце июля 1953 г. историю:

«...приехали ко мне домой. Они – академик Минц, бывший генеральный директор ТАСС Маринин и еще один человек. Вопрос о выселении евреев из Москвы и других городов решен Сталиным... Они приехали с проектом письма на имя “великого и мудрого вождя товарища Сталина”. В письме содержалась просьба. Врачи-убийцы, эти изверги рода человеческого, разоблачены. Справедлив гнев русского народа. Может быть, товарищ Сталин сочтет возможным проявить милость и охранить евреев от справедливого гнева русского народа. То есть под охраной выселить их на окраины государства. Авторы письма униженно соглашались с депортацией целого народа, очевидно, в надежде, что сами они не подвергнутся выселению».

Достоверность сего свидетельства более чем сомнительна. По сути оно – перепев слуха, ходившего десятилетиями в литературно-журналистских кругах, о том, как журналисты Я.С. Хавинсон-Маринин, Д.И. Заславский, историк И.И. Минц и философ М.Б. Митин (второй и последний часто «подменяли» друг друга в большинстве интерпретаций слуха) собирали подписи к «еврейскому письму». Одна из вариаций этого слуха была изложена в мемуарах писателя В.А. Каверина, который в эмоциональной художественной манере изобразил, как один из этой «четверки», «иуда»-Хавинсон, настойчиво вербовал и его в подписанты. Но поскольку Каверин, утверждавший, что непосредственно знакомился в свое время в ЦК с «письмом», существенно извратил текст известного теперь по публикации в «Источнике» реального обращения, возникают определенные сомнения, держал ли он его в руках. В разобранном выше настоящем письме, скажем, говорится, что «громадное большинство еврейского населения СССР является другом русского народа». Тогда как у Каверина аналогичный пассаж имеет диаметрально противоположный смысл и содержит противоречащие друг другу фрагменты (чего не могло быть в тщательно редактировавшихся аппаратных документах):

«...Евреи, живущие в СССР, пользуются всеми правами, обеспеченными Конституцией нашей страны. Многие из них успешно работают в учреждениях, научных институтах, на фабриках и заводах. И тем не менее в массе они заражены духом буржуазного воинствующего национализма...»

В мемуарах Каверина имеют место и другие нестыковки: он подробно описывает третьестепенную для существа дела элегантную внешность Хавинсона, в мельчайших деталях воспроизводит якобы состоявшуюся между ними беседу – и при этом

путается в главном, называя его «Хавенсоном»; утверждает, что «еврейское письмо» было прочитано им внимательно дважды, и одновременно жалуется на память, не сохранившую «подробностей»; датирует сбор подписей зимой 1952 г., что на самом деле происходило в конце января – начале февраля 1953 г., и т.д.^[21]

Возвращаясь к газетному очерку Шейниса «Грозил депортация», нельзя не отметить еще одну немаловажную деталь: все фигурирующие в нем лица, кроме, естественно, автора, к моменту публикации отошли в мир иной, и читателю как бы предлагалось поверить публикатору на слово, на что трудно решиться, имея в виду его, мягко говоря, неоднозначную репутацию. В последующем, как мы убедимся, не только Шейнис, но и продолжатели его дела на ниве мифотворчества будут активно прибегать к «свидетельствам» «мертвых душ», как, впрочем, и к другим банальным приемам фальсификации. К сожалению, подобные трюки весьма эффективно, особенно на первых порах, маскируют заведомую ложь под «историческую правду», но в конечном счете истина берет верх и фальсификатору воздается по заслугам. Впрочем, подобная перспектива вряд ли беспокоила почти восьмидесятилетнего Шейниса, по богатому жизненному опыту знавшего, как порой медленно крутятся жернова правды. Скорей напротив, у него были все основания торжествовать: посредством незамысловатого подлога легко удалось внушить многим, что подготовка Сталиным депортации евреев не просто интеллигентские разговоры, а факт истории, подтвержденный «неопровержимыми» свидетельствами.

Закрепляя успех, Шейнис вскоре выдал «на-гора» новую порцию «доказательств», поместив 26 сентября 1991 г. в той же газете очерк под хлестким заголовком «Провокация века» (ныне более пригодным для квалификации самого факта этой публикации). Роль оболочки информационной бомбы сыграли фрагменты письма, полученного от бывшего сотрудника Министерства государственной безопасности СССР П.И. Колобанова. Поскольку в послании этом в общем-то точно воспроизводились реальные детали следствия по «делу врачей», да и сам его автор не был объявлен публикатором «скоропостижно скончавшимся», можно с большой долей уверенности говорить о тексте как о подлинном. Тем более что факсимильный фрагмент оригинала был воспроизведен в качестве иллюстрации. Поэтому неудивительно, что это обращение содержало и такое немаловажное суждение:

«Скажу сразу, что о предполагаемой депортации евреев я ничего не знал, так что подтвердить или опровергнуть написанное Шейнисом (в «Вечерней Москве» от 28 июня 1991 г. – Авт.) не могу. Думаю только, что о таких важных вопросах государственной политики надо говорить языком документов, а не на основании частных разговоров и тем более слухов “о предстоящей расистской акции по отношению к евреям”».

Цитируя это невыгодное для себя мнение, Шейнис, думается, отнюдь не преследовал цель объективно показать пеструю палитру разнородных откликов на свою предыдущую статью. Просто сценарий, разработанный этим опытным журналистом, включал в себя использование такого классического приема, как посрамление «Фомы неверующего». Так вот, для того чтобы «вразумить» Колобанова и заодно убедить в собственной правоте всех остальных скептически настроенных читателей, Шейнис расчетливо начинил свою «бомбу» «взрывной» сердцевиной – «чрезвычайно важным свидетельством», которое, собственно, и стало «гвоздем» публикации. Как, наверное, уже догадался читатель, имеется в виду «презентация» Шейнисом еще одного посмертного сенсационного откровения. На сей раз в качестве безгласного свидетеля публике был представлен некто Н.Н. Поляков, бывший «сотрудник КГБ» и ЦК ВКП(б), который

«последние годы жизни... тяжело болел», а «перед кончиной... решил облегчить свою душу», в чем ему помогли «два человека» (?) – «записали его показания и прислали автору...»^{****} Это трогательное описание больше ассоциируется с житием какого-то благородного разбойника, обретшего святость благодаря предсмертному раскаянию, чем с реальным событием. Как, впрочем, и безымянные свидетели, внимавшие словам умиравшего, напоминают скорей бестелесных ангелов, чем обыкновенных смертных, идентифицируемых посредством конкретных имен, фамилий, адресов местожительства и т.п. А вот сам текст «покаяния», якобы доставленного ими Шейнису:

«В конце 40-х – начале 50-х годов было принято решение о полной депортации евреев. Для руководства этой акцией была создана комиссия, подчинявшаяся только Сталину. Председателем комиссии Сталин назначил Сулова, а секретарем был я, Поляков. Для приемки депортируемых в Биробиджане (в частности) форсированно строились барачные комплексы по типу концлагерей, а соответствующие территории разбивались на закрытые секретные зоны. Одновременно составлялись по всей стране списки (отделами кадров – по месту работы, домоуправлениями – по месту жительства) всех лиц еврейской национальности, чтобы никого не пропустить. Было два вида списков – на чистокровных евреев и на полукровок. Депортация должна была осуществиться в два этапа – чистые в первую очередь, полукровки – во вторую. Операцию намечено было осуществить во вторую половину февраля 1953 года. Но вышла задержка не с концлагерями (барачное строительство не было завершено и наполовину, но это не могло лимитировать акцию), а со списками – требовалось больше времени; для этого Сталин установил жесткие сроки: суд над врачами 5 – 7 марта, казнь (на Лобном месте) 11 – 12 марта».

Сразу же бросается в глаза, что представленное Шейнисом «свидетельство» похоже как две капли воды на сочинение В. Ерашова. И тут и там: суд над врачами, датированный, кстати, почти одним и тем же сроком (у Ерашова: 5 – 6 марта), казнь на Лобном месте Красной площади, «задержка» (у Ерашова – «заминка») с оформлением бумаг на выселение, включение в контингент высылаемых «полукровок» и т.д. Но есть и некоторые отличия, причем такие, что приводят к парадоксальному выводу: содержание «историко-фантастической хроники» пронизано куда большей осведомленностью в организации реальной деятельности сталинских спецслужб, чем так называемое свидетельство «сотрудника ЦК КПСС и КГБ» Полякова. Ну, во-первых, если у Шейниса упоминаются «списки на депортацию», которые якобы по всей стране составляли в общем-то некомпетентные в этом роде деятельности отделы кадров предприятий и организаций, а также домоуправления (ни одного такого списка – а их количество должно бы исчисляться миллионами – так и не было найдено), то у Ерашова сказано: власти, решив депортировать евреев сначала из Москвы, поручили провести отбор и оформление документации силовым органам, в чью прерогативу и входила высылка неблагонадежных граждан в административном порядке. Во-вторых, у Ерашова, старавшегося максимально приблизить свое повествование к реалиям тогдашней жизни, депортируемые евреи должны были следовать на спецпоселения, представлявшие собой специально оборудованные в отдаленных местностях поселки (как это и было с высланными по той же схеме крымскими татарами, чеченцами, «украинскими националистами» и др.). У Шейниса же в качестве мест будущего обитания евреев почему-то называются «барачные комплексы по типу концлагерей», расположенные в каких-то непонятных «закрытых, секретных зонах». Столь очевидное нагнетание искусственного драматизма – очевидное в «свидетельстве Полякова» – было, видимо, вызвано тем, что Шейнис анонсировал его как фрагмент будущей своей книги «Годы в моральном Освенциме». К слову, от такого названия он вынужден был потом отказаться: несмотря на все его старания, содержание

книги (о чем ниже) получилось таким, что даже условно не коррелировалось с творившимся в свое время в реальных лагерях смерти.

Имелись в публикации Шейниса и другие «новации». С претензией утверждалось, к примеру, что существовала «депортационная комиссия», созданная, как можно понять из контекста «свидетельства Полякова», под руководством Сулова еще в конце 1940-х гг. При этом об источнике данной информации ничего не говорилось. Тем не менее таковой существует, хотя к нему и не применимо определение «заслуживающий доверия». Установить его не представляет сложности. Достаточно обратиться к изданному НИПЦ «Мемориал» зимой 1991 г. первому выпуску исторического альманаха «Звенья», точнее – к помещенному там фрагменту воспоминаний уже упомянутого Е.И. Долицкого. С этой публикацией Шейнис был, несомненно, знаком, ибо в примечаниях к ней упомянут в качестве консультанта. Так вот, именно в этом тексте Сулов впервые называется секретарем ЦК ВКП(б), отвечавшим с 1948 г. за подготовку депортации всех советских евреев (под видом добровольного переселения) на территорию Еврейской автономной области^[22]. Скорей всего Шейнис, ориентируясь на эти весьма сомнительные и документально не подтвержденные данные, которые даже сам их публикатор вынужден был назвать «отчасти мифологизированными», и «произвел» Сулова в председатели депортационной комиссии. Той, что якобы функционировала более четырех лет, но почему-то так и не оставила по себе никакой фактической памяти – ни одного собственного документа, ни даже простого упоминания в каких-либо других документах или мемуарах.

Летом 1992 г. депортационная версия Шейниса пережила второе рождение. Тогда она вновь явилась публике – на сей раз включенной в новую книгу, но под старым и уже «раскрученным» заголовком «Провокация века». Случайно или нет, но этот труд толщиной в агитпроповскую брошюру, на мягкой обложке которой изображено что-то наподобие шабаша оживших скелетов, был «при содействии Израильского Фонда культуры и просвещения» подготовлен все тем же «независимым издательством» ПИК, за полтора года до этого выпустившим «хронику» В. Ерашова. Весьма показательно, что в эту книжку, ставшую своеобразной лебединой песнью Шейниса (спустя несколько месяцев он умер), вошел в несколько препарированном виде и материал из сборника исторических анекдотов Ю.В. Борева «Сталиниада». Изданный в 1991 г., он включал в себя различные толки, возникшие в интеллигентской среде. Среди них и такие: об издании в феврале 1953 года «миллионным тиражом» пропагандистской брошюры «члена Президиума ЦК Дмитрия Чеснокова» «Почему необходимо было выселить евреев из промышленных районов страны», распространение которой было приурочено к высылке в биробиджанскую тайгу «трех миллионов евреев» (общая численность евреев в СССР тогда не превышала 2,25 млн. – Авт.); о том, как Маленков уговаривал Эренбурга подписать «еврейское письмо» и как, «утверждая сценарий депортации», Сталин «проговорился» Хрущеву (а тот – Эренбургу) о распоряжении «органам» организовать во время транспортировки евреев по Транссибу под видом «стихийных» проявлений народного гнева нападения на эшелоны и убийства депортируемых, с тем чтобы доехать до места смогли не более половины, и т.п.^[23] И хотя сам Боров отнес свою книгу к жанру литературно-художественно-исторической фольклористики (отсюда и ироническое название, созвучное пушкинской «Гавриилиаде» или более современной кинематографической «Прохиндиаде») и пафос ее зиждился не на поиске исторической истины, а на разоблачении во что бы то ни стало советской системы, – почерпнутые из нее апокрифы были представлены Шейнисом как реальные факты. Вот как с подачи Борева он изобразил участие в «деле врачей» Чеснокова:

«К началу февраля он закончил порученный (Сталиным. – Авт.) теоретический труд, обосновывавший изгнание трех миллионов (!) евреев. Брошюра была напечатана и спрятана в одном из особо охраняемых подвалов МГБ в Москве. По указанию Сталина в день “Х” ее надлежало извлечь из подземелья и как можно быстрее распространить по всей стране»^[24].

Как тут не подивиться прихотливости мифотворчества: ведь в вышедших прежде мемуарах Сахарова Чеснокову приписывалось нечто иное – он назван там автором «еврейского письма».

У Шейниса, вознамерившегося сказку-миф о депортации сделать «документально подтвержденной» былью, нашлось немало последователей как в России, так и за рубежом. Начиная с 1993 г. потоком пошли публикации (журнальные и газетные статьи, отдельные книги, брошюры), в которых обнародованный «документальный материал» о подготовке Сталиным депортации евреев преподносился как авторитетный и заслуживающий доверия «исторический источник». При этом «наследие Шейниса» дополнялось такого же рода «вновь открывшимися свидетельствами»^[25].

Своеобразное лидерство в уснащении своих сочинений подобными «фактами» захватил Я.Я. Этингер. Пострадавший в свое время от сталинских политических репрессий (в 1951 г. получил 10 лет лагерей за антисоветскую агитацию и пропаганду) и став потом профессором истории (специалистом по новейшей истории развивающихся стран Азии и Африки), он, соединив в одном лице драматический личный опыт и профессиональные знания, казалось, способен был внести существенный вклад в начавшееся в годы перестройки научное восстановление исторической правды. Однако, испытывая «глубокую внутреннюю ненависть к коммунизму и КПСС»^[26], он после развала Советского Союза нашел свое призвание в пропагандистском обличении сталинщины, миссии общественно значимой и благородной, но далеко не тождественной строго научному осмыслению этого исторического явления. И все было бы в пределах нормального сочинительства, если бы Этингер не пытался выдать свои хлесткие и эмоционально насыщенные политические памфлеты за исторические труды и если бы он, сводя счеты с «проклятым прошлым», не использовал, подобно Шейнису, далекие от науки приемы.

Чтобы убедиться в этом, необходимо вспомнить, как шло освоение Этингером проблематики «дела врачей». Первые его попытки публично обозначить свое осмысление этой темы, пожалуй, относятся к 1988 г., когда «Медицинская газета» опубликовала интервью с ним. Оно – об истории фабрикации МГБ СССР уголовного дела на него самого и усыновившего его профессора медицины и консультанта лечебно-санитарного управления Кремля Я.Г. Этингера, которого, арестовав, сначала обвинили в антисоветской пропаганде и еврейском буржуазном национализме, а потом – во «вредительском лечении» руководителей «партии и правительства».

Беседуя с корреспондентом, Я.Я. Этингер почему-то ни словом не обмолвился тогда о наличии угрозы депортации евреев как следствии «дела врачей», хотя перестроечная гласность уже всю бичевала преступления сталинизма^[27]. Конечно, автору этих строк могут возразить, что гласность гласностью, но еще сильна была цензура и некоторые язвы советского прошлого вскрывать запрещалось. Что ж, с этим доводом можно согласиться, но с оговоркой: процесс спонтанной либерализации в стране был столь стремительным, что рамки дозволенного расширились тогда буквально на глазах. Уже в следующем году были подготовлены к изданию, а в 1990-м вышли упоминавшиеся воспоминания В.А. Каверина, в которых о гипотетической сталинской депортации евреев

было сказано достаточно прямо и определенно. Между тем в появившейся в том же году в журнале «Наука и жизнь» статье «“Дело врачей” и судьба» Этингер продолжал хранить молчание по поводу депортации, задаваясь исключительно вопросом о том, «не должен ли был задуманный процесс над врачами стать прологом новой гигантской чистки в высших эшелонах партийно-государственного и военного руководства?» И даже в начале 1991 г., публикуя в историческом альманахе «Звенья» очерк по «делу врачей», Этингер не спешил присоединиться к хору сторонников депортационной версии, хотя в том же номере альманаха был помещен фактически поддерживавший ее материал А. Вайсберга («Воспоминания Е.И. Долицкого»). Правда, тут же он впервые очень осторожно коснулся гипотезы о подготовке выселения евреев, предположив, что «истинный смысл» «дела врачей» прояснится только после открытия секретных архивов, а пока остается гадать: «должно ли оно было ограничиться только врачами, стало бы началом депортации еще одного народа, или, кроме всего прочего, процесс над кремлевскими медиками явился бы прологом новой гигантской чистки, нового “большого террора”»^[28]. Однако в последующем, когда рухнул коммунистический режим и его задним числом не ругал разве только ленивый, позиция Этингера претерпела неожиданную и существенную метаморфозу. Произошло это в начале 1993 г. Тогда одновременно в парижской «Русской мысли» и московской «Еврейской газете» появилась его большая статья «К сорокалетию “дела врачей”», в которой он, видимо не удовлетворенный результатами рассекречивания закрытых архивов прежней власти, все же сделал «серьезный вывод», на который раньше не решался:

«...Упорные слухи, что после процесса над врачами и их публичной казни в крупнейших городах страны начнется депортация евреев в отдаленные районы Дальнего Востока ... как теперь выяснилось, были обоснованы».

Тут же приводился целый набор соответствующих «доказательств». И хотя почти все они как будто слово в слово были списаны из книг Шейниса и Борева, эти авторы не были упомянуты. Вместо них были названы новые «источники», главным из которых представлялся скончавшийся еще в 1975 г. Н.А. Булганин. Якобы в 1970 г. тот поведал Я.Я. Этингеру о запланированных Сталиным публичных казнях (через повешение) «врачей-вредителей», которые должны были пройти «при огромном стечении населения на больших площадях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Свердловске и ряде других крупнейших городов страны»; о крушениях составов с евреями, депортируемыми по Транссибу, кстати, единственной и потому имеющей стратегическое значение железнодорожной коммуникации, связывающей европейский центр страны с ее восточными регионами. Повторялся и застарелый слух, приписывающий «профессору-философу» Д. Чеснокову авторство книги, оправдывавшей депортацию евреев. Но при этом Этингер ссылаясь на также уже умершего журналиста Э. Генри. Если говорить о достоверности этих «новых свидетельств», то она более чем сомнительна, причем не только потому, что они по сути не содержали ничего нового. Настораживает и то, что, полученные вроде бы давным-давно, они могли бы быть преданы гласности значительно раньше (хотя бы сразу же после краха советской власти), причем в соответствующей научной публикации форме, но почему-то этого не произошло.

Кроме того, в статье «К сорокалетию “дела врачей”» Этингер без ссылок на источники повторил не раз прежде публиковавшуюся другими авторами легенду о составлении «несколькими евреями – сталинскими прислужниками» письма, призывавшего советское руководство «спасти» евреев от «народного гнева» посредством депортации в Сибирь, где «готовились новые лагеря, строились тысячи бараков...». Единственной свежей струей в публикации стала информация о том, что ему «сейчас стало известно, что Маленковым и Сусловым были направлены инструктирующие письма

в аппарат ЦК, где оба требовали вынесения врачам смертного приговора и вообще провести “определенные антиеврейские акции”^[29]. Но на поверку вышло, что, объявив о существовании столь важных документов ЦК, Этингер явно погорячился, оказавшись не в состоянии их представить. Поэтому, чтобы впредь «не подставляться», он больше не приводил конкретные и потому легко проверяемые факты, а предпочитал апеллировать к свидетельствам анонимов или умерших людей.

«Обновленную» версию «дела врачей» Этингер изложил потом в общем виде в вышедших многомиллионным тиражом «Аргументах и фактах»^[30], что способствовало популяризации его «открытий» в этой области, а сам он был разрекламирован как лучший специалист по истории позднего сталинизма. «Источниковая база» исследований позже им была дополнена еще одним «важным документом». Произошло это в начале 1999 г., когда в нью-йоркской русскоязычной газете «Еврейский мир» Этингер опубликовал загадочную историю о том, как от одной незнакомой ему женщины, «плохо одетой», производившей «жалкое впечатление» и обратившейся к нему инкогнито, он получил «пожелтевший от времени машинописный экземпляр письма, озаглавленного “Ко всем евреям Советского Союза”», который, по ее словам, достался ей от умершей «лет 10 назад» «старой матери», работавшей когда-то машинисткой в редакции «одной из центральных газет». Убедившись сразу же, что в его руках «находится уникальный исторический документ, призыв-обращение к депортации евреев в отдаленные районы страны», Этингер, согласно его рассказу, попросил у таинственной посетительницы разрешения скопировать его. Но та ответила решительным отказом, разрешив только переписать текст в ее присутствии, «после чего исчезла навсегда». В России это обретенное столь чудесным образом «письмо» впервые было напечатано («в сокращении») через два года в «Известиях»^[31].

Знакомство с этим фрагментом убедило автора этих строк в том, что перед ним примитивно сработанный фальсификат, о чем он без каких-либо экивоков и написал в вышедшей в 2001 г. монографии. Еще раз убедиться в собственной правоте он смог, прочтя в недавно вышедших мемуарах Этингера полный текст «письма»^[32]. Сразу бросились в глаза какая-то подозрительная краткость «письма», его корявый, «не отшлифованный» стиль, то есть наличие особенностей, не характерных для подлинных документов ЦК КПСС, всегда тщательно готовившихся. Даже сравнение сего «письма» с изначально составленным как имитация «Обращением к евреям – гражданам Советского Союза», сочиненным В. Ерашовым для своей «историко-фантастической хроники», оказалось не в пользу первого, содержание которого, как ни парадоксально, представляется значительно менее отвечающим канону советского канцелярита. Но самое главное, сравнительный анализ выявил очевидную фиктивность послания, выдаваемого Этингером за подлинное: в нем обнаружилось явные текстуальные заимствования (частичный плагиат) из «обращения» Ерашова. Чтобы наглядно убедиться в этом, достаточно сопоставить соответствующие фрагменты этих «литературных произведений»^[33]:

Но «еврейское письмо» собственного изготовления – это только остров в раскинувшемся в мемуарах Этингера море манипуляций фактами (замалчивание, извращение, подтасовка, передергивание, измышление), разнообразных ошибок и просто ляпсусов. Всех их перечислить в рамках данной статьи просто невозможно, да и нет необходимости. Однако без демонстрации наиболее характерных из них, думается, все же не обойтись, так как фальшь, как известно, проявляется в деталях.

Так вот, со ссылкой на свидетельство Булганина – странным образом как на дрожжах разросшееся с десяти строчек текста с момента первой апелляции к нему

Этингера в 1993 г. до нескольких страниц в 2001 г. – утверждается, что «на совещании в начале декабря 1952 г. Сталин прямо сказал, что “каждый еврей в Советском Союзе – это националист, агент американской разведки. Еврейские националисты – а все они националисты (?) – думают, что еврейскую нацию облагодетельствовали США. Вот почему они считают своим долгом помогать американским империалистам”». Далее уже от себя Этингер дополняет: «Спустя много лет “Независимая газета” 29 сентября 1999 г. опубликовала выдержки из дневника сталинского министра В.А. Малышева, который после совещания у Сталина 1 декабря 1952 года записал примерно те же слова. Очевидно, речь шла об одном и том же заседании, на котором присутствовали и Н.А. Булганин, и В.А. Малышев”». Да, уточним, 1 декабря 1952 г. в Кремле состоялось, не совещание, а расширенное заседание Президиума ЦК КПСС, на котором действительно присутствовал Малышев, правда, тогда он был не «сталинским министром», а заместителем председателя Совета Министров СССР. Установить же, принимал ли участие в том заседании Булганин, не представляется возможным – официальных протоколов в архивах не обнаружено. О заседании том, собственно, и стало известно только благодаря дневниковой записи Малышева, в которой наряду с прочим были зафиксированы следующие высказывания Сталина по «еврейскому вопросу»:

«Любой еврей – националист, это агент американской разведки. Еврей-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т.д.). Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов».

Возникает вопрос: чему верить? Дневниковой записи Малышева, подлинность которой не вызывает сомнения, или очередной порции воспоминаний Этингера о беседах с Булганиным, которая странным образом доводится до сведения читателей только в виде вариации уже опубликованного и известного? Хотя ответ тут очевиден, все же продолжим сравнительный текстуальный анализ. Как видим, реально сказанное на этом заседании Сталиным (то есть записанное Малышевым) лишь чисто внешне похоже на то, что якобы поведал Булганин Этингеру. Ясно, что, говоря об агентах американской разведки, Сталин имел в виду не всех советских евреев, а только «евреев-националистов». Вот почему это подлинное, но «невыгодное» для него свидетельство Этингер не воспроизвел в своих мемуарах, а вместо него поместил со ссылкой на Булганина совершенно противоположный, как выясняется, по смыслу парафраз, утверждая ничтоже сумняшеся, что это «примерно те же слова», что записал Малышев^[34].

Можно привести и другие примеры того, как, действуя по принципу «если факты против нас, тем хуже для фактов», Этингер манипулирует ими. Довольно подробно останавливаясь на воспоминаниях В.А. Каверина о том, как проходила подготовка коллективного «еврейского письма», Этингер воспроизводит в своих мемуарах только те мысли писателя, которые укладываются в «прокрустово ложе» его концепции о депортации, и безжалостно отсекает все, что так или иначе ей противоречит. В частности, опускает замечание Каверина о том, что в этом письме «решительно» отвергалось «наличие в СССР антисемитизма», а также его предположение, что письмо Эренбурга Сталину «подорвало идею дальневосточного гетто»^[35]. Та же фигура умолчания возникает и когда Этингер обращается к мемуарам А.И. Микояна. Из них берется только рассказ последнего о жалобах Л.М. Кагановича по поводу данного тому Сталиным поручения организовать подготовку «еврейского письма» (что действительно имело место). Причем берется только ради завершающей этот сюжет и явно притянутой за уши и штампованной фразы, служащей разве что для обозначения того, когда такая беседа происходила: «это было за месяц за полтора до смерти Сталина – готовилось “добровольно-принудительное” выселение евреев из Москвы...» И поскольку ничем личностно-конкретным эта

«концовка» не подкреплялась, апелляцию Этингера к тени самого хамелеоноподобного советского вельможи можно мотивировать только желанием продемонстрировать читателю еще одного авторитетного сторонника депортационной версии^[36].

Еще более ценный козырь получил в свои руки Этингер, когда такой уважаемый общественный и политический деятель как А.Н. Яковлев, назначенный руководством посткоммунистической России председателем Комиссии при президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, издал в 1995 г. брошюру «По мощам и елей». В ней он, явно под воздействием мифотворчества по «делу врачей», в которое немалый вклад внес все тот же Этингер, кратко повторил версию о депортации, муссируемую последним начиная с 1993 г. Само собой разумеется, что все это, теперь как бы осиянное официальной легитимностью, перекочевало в книгу Этингера. Причем то ли из-за присущего последнему неряшливого отношения к оригинальному тексту, то ли вследствие его желания выдать чужие наработки за свои (за что говорит вышеописанный случай с заимствованиями из книги В. Ерашова), но заковыченной оказалась только часть цитируемых строк из книги Яковлева. И наоборот, последнему были приписаны утверждения, которых нет ни в брошюре «По мощам и елей», ни в вышедших позднее мемуарах «Омут памяти». (Якобы, «по мнению А.Н. Яковлева», в сборе подписей под «еврейским письмом» принимал участие академик М.Б. Митин и «еврейское письмо» «было задумано» «профессором-философом ... Д.Н. Чесноковым*»)^[37].

Примечательно, что высказывание А.Н. Яковлева о депортации было тиражировано в 1995 г. с подачи его главного помощника в президентской комиссии по реабилитации и эксперта по антисемитизму В.П. Наумова, который позже стал увязывать «дело врачей» и «депортацию» с намерением Сталина спровоцировать третью мировую войну, хотя реальные факты как раз свидетельствуют об обратном. О том, что стороннее влияние на А.Н. Яковлева действительно имело место, свидетельствует хотя бы то, что он, давая в конце 1991 г. во Франции интервью, полагал, что Сталин непосредственно не стоял за планом депортации евреев, и если таковой действительно существовал, то именно диктатор незадолго до своей смерти мог дать отбой, исходя, возможно, из резонов, почерпнутых из письма Эренбурга^[38].

Туман рассеивается

Научная публикация в журнале «Источник» именно этого письма, а также одного из вариантов подлинного обращения представителей еврейской общественности в редакцию «Правды», осуществленная в начале 1997 г. Архивом президента Российской Федерации^[39], помогла автору этих строк избавиться от последних сомнений в отношении того, планировалась ли в действительности Сталиным депортация евреев или нет. А первые семена скепсиса заронило в его душу прочитанное за четыре года до этого интервью в «Литературной газете» с тогдашним руководителем Государственной архивной службы России Р.Г. Пихоей. Среди прочих тому со ссылкой на «свидетельство Н.А. Булганина», только что «вброшенное» в информационное поле Я.Я. Этингером, был задан вопрос: правда ли, что Сталин принял перед смертью решение о массовой депортации евреев и к Москве «уже начали подгонять десятки железнодорожных эшелонов...»? На что тот ответил: «Таких документов я не видел»^[40]. Но отсутствие документов о каком-либо событии, как известно, не всегда означает, что такового не было вообще. И потому в своей книге 1994 г. «В плену у красного фараона» пишущий эти строки мог выразить лишь надежду на то, что загадка депортации когда-нибудь будет раскрыта^[41]. Некоторым такая позиция может показаться чрезмерно осторожной и даже перестраховочной. Ведь ранее в том же году была издана документальная повесть А.М.

Борщаговского «Обвиняется кровь». В ней известный писатель, кстати, объявленный в 1949 г. одним из предводителей «банды безродных космополитов» и на себе познавший, что такое госантисемитизм, отрицал возможность депортации: «...Ничем не ограниченный диктатор самой могущественной военной державы, не в силах, однако, осуществить де-портацию (здесь и далее разрядка Борщаговского. – Авт.) евреев, выдворить, вытолкать их... Ссылка, депортация евреев страны... мифологический, близкий к фантастике образ вожделений и тайных замыслов Сталина, дополнительный мотив ненависти из-за сознания невыполнимости его мечты»^[42].

Но эти утверждения были результатом интуитивно-психологического осмысления проблемы. А художественное прозрение (даже адекватное истине) не может заменить научный анализ фактов. Поэтому момент истины наступил для пишущего эти строки только после знакомства с означенными выше документами из Архива президента России. У «твердых» же сторонников депортационной версии они вызвали шок, который сменился бурной реакцией неприятия исторической правды, разрушающей привычные и прочно укоренившиеся в общественном сознании иллюзорные представления о прошлом. Особенно эмоциональным был отклик литературоведа и специалиста по творчеству И.Г. Эренбурга Б.Я. Фрезинского, разразившегося объемной статьей с истеричным заголовком «Не подставляйте уши – лапша из “Источника”»^[43].

Но вырвавшуюся наружу правду, какой бы неудобной она для кого-то ни была, мудро одолеть. Подобно могучей реке, берущей начало с малоприметного ключа, она, обретая со временем силу, сметает препятствия. Первый прорыв сквозь завалы мифов о депортации произошел в мае 1997 г. на международной конференции в католическом университете Айхштетта (Германия) по теме «Поздний сталинизм и “еврейский вопрос”». Поскольку пишущий эти строки выступил на этом научном форуме с докладом, в котором на основе фактов доказывалась полная несостоятельность депортационной версии, между ним и упомянутым выше В.П. Наумовым возникла полемика. Она была столь отстрой и бескомпромиссной, что ей, несмотря на ее сугубо научный характер, уделили внимание ведущие немецкие газеты^[44]. Благодаря такой «рекламе» материалами конференции, вышедшими на немецком языке^[45], заинтересовалась научная общественность Германии, особенно та ее часть, которая так или иначе связана с еврейской общиной. Несомненно, под влиянием этих материалов А. Лустигер, известный ученый, общественный деятель (почетный председатель Сионистской организации Германии), бывший узник Освенцима и Бухенвальда, включил в опубликованную им в 1998 г. «Красную книгу: Сталин и евреи» следующий вывод:

«Поскольку до сих пор не существует никаких документальных доказательств планирования массовой депортации советских евреев, которая, согласно многим высказываниям, предстояла в начале 1953 г., подобные утверждения впредь до того, как будет доказано обратное, должны рассматриваться как слухи или легенды»^[46].

Еще более категорично – полностью отрицая подготовку депортации – выступили В. Балан (США) и И. Коршевер (Израиль)^[47]. Но самое главное, конференция заставила задуматься и даже более или менее скорректировать свою позицию тех, кто раньше безоговорочно поддерживал точку зрения Я.Я. Этингера. В число таковых входил, собственно, и устроитель конференции в Айхштетте немецкий политолог и историк Л. Люкс. Если раньше он без тени сомнения утверждал со ссылкой на «доказательства», приводимые Этингером, что советским вариантом решения «еврейского вопроса» должна была стать подготовленная Сталиным депортация, то в статье 1999 г. вынужден был о том же самом говорить всего лишь как об одной из дискуссионных версий развития событий, сосуществующей на равных с совершенно противоположной точкой зрения. Но дальше

этой «подвижки» Люкс не пошел. Он, как и прежде, пытался механически уподобить Сталина Гитлеру, туманно рассуждая о том, что поскольку оба они были тоталитарными диктаторами и оба считали своих соратников не способными реализовать ими задуманное, то, уходя с политической сцены, должны были и действовать одинаково. Хотя известно, что история не знает сослагательного наклонения, давалось понять, что советский вождь, проживи он несколько дольше, непременно бы повторил Холокост, учиненный в свое время его германским «коллегой». Понимая, впрочем, что подобные спекуляции ничего не стоят без конкретных доказательств, Люкс, видимо надеясь получить их когда-нибудь в будущем, уведомил читателей о том, будто «В.П. Наумовым обнаружены новые архивные документы, свидетельствующие о подготовке депортации евреев». Как известно, ничего подобного до сих пор так и не было опубликовано^[48].

Видимо, избавился от части прежних заблуждений и уже упоминавшийся ранее американский биограф И. Эренбурга и правозащитник Д. Рубенштейн. В написанном им предисловии к недавно переизданному в США на английском языке сборнику документов «Неправедный суд, последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета» он, отходя от прежней непоколебимой уверенности в том, что только смерть Сталина предотвратила полностью подготовленное им выселение евреев, употребляет теперь более осторожные формулировки. В том смысле, что в начале 1953 г. все оставалось неопределенным, хотя при этом многое указывало на то, что диктатор планировал эту акцию и что он колебался^[49]. Примерно такую же неопределенную позицию занимают и авторы вышедшей сначала во Франции, а потом и в России «Черной книги коммунизма», в которой превалирует разоблачительный пафос, не всегда, как известно, находящийся в ладах с правдой истории. Понимая абсурд приписывания Сталину намерений, не подкрепленных бесспорными доказательствами, они вместе с тем явно не готовы откеститься от старой и привычной депортационной версии. Отсюда и столь расплывчатый и межеумочный вывод:

«В настоящее время в связи с труднодоступностью Архива президента Российской Федерации, где хранятся самые секретные и, видимо, самые «неудобные» (для кого? – Авт.) сведения, нет возможности доподлинно установить, существовал ли план массовой высылки евреев в начале 1953 года»^[50].

Иную позицию, активную и деятельную, занял историк С.А. Мадиевский, выходец из бывшего СССР, живущий ныне в Германии. Примыкая изначально к сторонникам депортационной версии, он тем не менее решил провести самостоятельное, объективное и независимое расследование, нацеленное на установление исторической правды. Для этого он провел детальные интервью с основными участниками полемики, разгоревшейся на Айхштеттской конференции, и потом, научно систематизировав аргументационно-источниковую базу каждого из них, подготовил пространную информационно-аналитическую статью, которую в 1999 – 2001 гг. опубликовал в более чем 20 печатных изданиях Европы, США, Израиля и России^[51]. И хотя этому педантичному и очень осторожному в оценках ученому в результате так и не удалось прийти к однозначному выводу в пользу той или иной стороны, тем не менее он вынужден был констатировать, что все контрдоводы, выдвинутые после конференции оппонентами автора этих строк, оказались научно несостоятельными.

Подводя итог, приходишь к выводу, что все так называемые конкретные доказательства («свидетельства» Н.Н. Полякова, Н.А. Булганина, «еврейское письмо» с просьбой о переселении и пр.), на которых зиждилась депортационная версия, либо

сфабрикованы, либо, в лучшем случае, носят сомнительный характер. В активе сторонников этой версии ныне остается разве что разнородная масса противоречивых и эмоциональных слухов, которые в принципе нельзя проверить на фактическую достоверность. Наличие этих слухов доказывает только то, что под воздействием государственного антисемитизма в еврейской среде возникли депортационные настроения, причем по мере усиления антиеврейских гонений эти ожидания приобретали почти апокалиптический накал. Однако утверждать, что подобные слухи могут служить фактическим подтверждением конкретной подготовки Сталиным депортации, не позволяют не только принципы научно-исторического исследования, но и просто здравый смысл. Ибо все разговоры о том, что готовилась средневековая по жестокости казнь арестованных евреев на Красной площади, огромными тиражами печаталась пропагандистская литература, обосновывающая необходимость депортации, составлялись списки на выселение, происходила концентрация подвижного состава, предназначенного для транспортировки евреев в Сибирь, где для них возводились бараки и целые концлагеря, и т.п., – так и остались разговорами, хотя и были растиражированы падкой на историческую сенсацию печатью, не став, как выражаются юристы, событием преступления (в данном случае – сталинизма).

К счастью, смутные времена (а в России по большому счету они захватили почти весь XX век) не могут длиться вечно. Их окончание знаменует торжество истины, которая, подобно лучам восходящего солнца, рассеивает мистический туман, окутывающий прошлое и скрывающий правду, в том числе и о последних действиях, планах и намерениях Сталина. Сейчас те, кто блуждал в потемках депортационной версии и не утратил при этом здравый смысл, оказались перед альтернативой: либо, памятуя формулу Тертуллиана «*credo quia absurdum*», остаться в стане неразмысляющих и слепо верящих, либо, вняв голосу разума, оперирующего не эмоциями, а фактами, пересмотреть собственную позицию. Непростой выбор в пользу здравого смысла уже сделали такие известные историки, как Рой и Жорес Медведевы, которые прежде склонны были доверять «свидетельствам» о намерении властей депортировать евреев, а теперь под воздействием рассекреченных в последнее время архивных документов пришли к выводу, что в действительности ничего подобного не готовилось. То же самое можно сказать и о коллективе авторов толково изданной не так давно Ассоциацией народных университетов еврейской культуры «Истории еврейского народа в контексте мировой истории. События, имена, культурные достижения», где в разделе «Дело врачей» отсутствует какое-либо упоминание о так называемой депортации^[52].

На этом фоне становится все более очевидным банкротство тех, кто и сейчас еще пытается воспрепятствовать торжеству исторической правды. Своими нелепыми выдумками они дискредитируют реальные страдания еврейского народа, которые тому пришлось претерпеть в XX веке. Говоря о якобы готовившейся Сталиным депортации евреев как о некоем без пяти минут втором Холокосте, они девальвируют трагедию настоящего Холокоста. Играя ради собственного «творческого самоутверждения» на генетических страхах евреев, они мешают налаживанию их нормальной общинной жизни в России. Кроме того, публикуя заведомую неправду, они дают в руки идеологам шовинизма удобный предлог объявлять такой же выдумкой «сионистов» и «либералов» реально существовавший в СССР официальный антисемитизм.

Взбаламученная социальными катаклизмами река новейшей отечественной истории постепенно входит в нормальное научное русло. Поток знаний о прошлом уже перестает вспениваться от сенсаций и громких разоблачений, приобретая аналитическую размеренность и фактологическую прозрачность. Теперь любителям ловли рыбки удачи в мутной воде ретроспективных мистификаций становится все трудней и небезопасней (для

собственной репутации) заниматься этим. Не пора ли, господа, уgomониться, припомним народную мудрость: можно всю жизнь обманывать одного человека, можно очень долго морочить голову многим людям, но нельзя всех обмануть навсегда.

^{*} Идею бифуркации Сталина на почве «еврейского вопроса» отмечал и Н.С. Хрущев: «Если говорить об антисемитизме в официальной позиции, то Сталин формально боролся с ним как секретарь ЦК, как вождь партии и народа, а внутренне, в узком кругу, подстрекал к антисемитизму» (Хрущев Н.С. Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 59).

^{**} Эта версия в несколько препарированном в жанре политического детектива виде перекочевала потом в книгу скандально известного американского журналиста С. Кагана «Кремлевский волк» (М.: Прогресс, 1991. С. 245-247), самозванно объявившего себя «племянником» Л.М. Кагановича.

^{***} Характерно, что Я.И. Айзенштат (один из приверженцев депортационной версии), воспроизводя этот фрагмент в своей брошюре, постарался представить А.И. Солженицына полным своим единомышленником. Для этого из текста были изъяты «невыгодные» оговорки последнего: «кажется», «по московским слухам» (Айзенштат Я.И. О подготовке Сталиным геноцида евреев. Юридическое исследование этапов преступной подготовки Сталиным геноцида советских евреев. Иерусалим, 1994. С. 63).

^{****} То, что некто Н.Н. Поляков действительно работал в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в аппарате ЦК КПСС и МГБ СССР, архивы, хранящие документы этих ведомств, не подтверждают (Архив автора).

^{*****} Так в тексте, на самом деле – Д.И. Чесноков. Таких текстуальных «ляпов» в книге Этингера масса: выход брошюры А.Н. Яковлева датируется 1996 г., тогда как та вышла на год раньше; неправильно цитируется данная И.В. Сталиным известная дефиниция антисемитизма – якобы тот «является наиболее опасным пережитком капитализма» (надо – «канибализма»); перевирается и название статьи Эренбурга в «Правде» от 21 сентября 1948 г., и т.д.

¹ Еврейский антифашистский комитет у М.А. Суслова (Из воспоминаний Е.И. Долицкого) / Публикация А. Вайсберга // Звенья. Исторический альманах, вып. 1. М.: Прогресс-Феникс- Atheneum, 1991. С. 537-546; Шатуновская Л.А. Жизнь в Кремле. Нью-Йорк: CHALIDZE Publication, 1982. С. 335-339.

² Jewish Chronicle. July 29, 1949; November 23, 1951; May 9, 1952; Советско-израильские отношения. Сборник документов. 1941 – 1953. В 2-х тт. М.: Международные отношения, 2000. Т. 1. Кн. 2. С. 85, 86, 107, 130-131, 192-193, 199-200, 337-339; Независимая газета. 05.10.1999.

³ Аллилуева С.И. Только один год. М.: Книга, 1990. С. 135.

⁴ Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. С. 290.

⁵ Рапопорт Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М.: Книга, 1988. С. 70-71.

⁶ Так это было. Тихон Хренников о времени и о себе (Запись и обработка диалогов В. Рубцовой). М.: Музыка, 1994. С. 179.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 173-179.

⁸ Источник. 1997. № 1. С. 142-143; Чуев Ф.И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М.: Отечество, 1992. С. 174; Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 192.

⁹ Источник. 1997. № 1. С.142; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 25. Д. 504. Л. 180-186, 187, 188.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 25. Д. 504. Л. 138-168; Источник. 1997. № 1. С. 143-146.

¹¹ 11 Источник. 1997. № 1. С.142.

¹² Le Monde, April 17, 1956; Авторханов А. Загадка смерти Сталина (Заговор Берия). М.: Слово, 1992. С. 89-90.

¹³ Goldberg B.Z. The Jewish Problem in the Soviet Union. Analysis and Solution. N.Y.: Croun, 1961, P. 177-188; Gilboa Y. The Black Years of Soviet Jewry. 1939 – 1953. Boston: Little, Brown, 1971; Roy A. Medvedev. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. N.Y.: Knopf, 1971, P.615; Медведев Р.А. К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк, 1974. С.1001; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918 – 1956. Опыт художественного исследования. Париж: YMCA PRESS, 1973. Т.1. Ч. 1. С. 102; Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ. 1918 – 1956. Опыт художественного исследования. Ч. 1,2. М.: Инком НВ, 1991. С. 74.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 319 (документ выявлен историком М.М. Членовым).

¹⁵ Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917. Paradox of Survival, vol. 2. N.Y.: New York University Press, 1987. P. 548; Gitelman Z. A Century of Ambivalence. The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. N.Y.: Schocken Books,

Inc. 1988. P. 239; Ro'i Y. Soviet Decision Making in Practice. The USSR and Israel. 1947 – 1954. New Brunswick (USA): Transaction, Inc., 1980. P. 349; Pinkus B. The Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority. N.Y.: Cambridge University Press, 1988. P. 180;.

^[161] Rapoport L. Stalin's War against the Jews. The Doctor's Plot and the Soviet Solution. N.Y.: The Free Press, 1990. P. 167; Rapoport L. Hammer, Sichel, Davidstern. Judenverfolgung in der Sowjetunion. Berlin, 1992. S. 129; Антонов-Овсеенко А.В. Портрет тирана. М.: Грэгори Пейдж, 1994. С. 404-402; Rubenstein Y. Tangled Loyalties. The Life and Times of Иуа Eyrenburg. N.Y.: Basic Books, 1996. P. 273-276; Альтшулер М. Эренбург и евреи. (Набросок портрета) // Советские евреи пишут Илье Эренбургу. 1943 – 1966 / Ред. М. Альтшулер, И. Арад, Ш. Краковский. Иерусалим, 1993. С. 79; See: Union of Soviet Socialist Republics: Encyclopedia Britannica, 1996 (компьютерная версия); Краткая еврейская энциклопедия. Т. 8. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1996. С. 255-256.

^[171] Рапопорт Я.Л. Указ.соч. С. 67-68.

^[181] Сахаров А.Д. Воспоминания // Знамя. 1990. №. 12. С. 33.

^[191] Ерашов В.П. Коридоры смерти. Историко-фантастическая хроника. Рассказы. М.: ПИК Независимое издательство, 1990. С. 291-326.

^[201] Книга о русском еврействе. 1917 – 1967. Минск.: ООО «МЕТ», 2002. С. 348.

^[211] Источник. 1991. № 1. С. 144-145; Каверин В.А. Эпилог. Мемуары. М.: Московский рабочий, 1989. С. 316-320.

^[221] Шейнис З.С. Провокация века. М.:ПИК, 1992. С. 107.

^[231] Боров Ю.В. Сталиниада. Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими анекдотами и размышлениями автора. Иркутск, 1992. С. 403-408.

^[241] Шейнис З.С. Провокация века. М.:ПИК, 1992. С. 107.

^[251] Этингер Я.Я. К сорокалетию «дела врачей» // Еврейская газета. 1993. № 4 (91); Ваксберг А.И. Нераскрытые тайны. М.: Новости, 1993. С. 293-294; Айзенштат Я.И. О подготовке Сталиным геноцида евреев. Иерусалим, 1994. С. 61-80; Лясс Ф.М. Последний политический процесс Сталина или несостоявшийся геноцид. Иерусалим, 1995. С. 109-124 и др.

^[261] Этингер Я.Я. Это невозможно забыть... Воспоминания. М.: Весь мир, 2001. С. 234.

^[271] Медицинская газета. 20.07.1988.

^[281] Наука и жизнь. 1990. № 1. С. 126-129; Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. С. 559.

^[291] Русская мысль. 15.01.1993; Еврейская газета. 1993. № 4 (91), № 5 (92).

^[301] Аргументы и факты. 1993. № 15.

^[311] Еврейский мир (N.Y.). 11.03.1999; Известия. 09.01.2001.

^[321] Косгырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001. С. 672; Этингер Я.Я. Это невозможно забыть... С. 122-123.

^[331] Этингер Я.Я. Указ. Соч. С. 122-123. Ерашов В.П. Указ.соч. С. 293-295.

^[341] Этингер Я.Я. Указ. Соч. С. 104; Источник. 1997. № 5. С. 140-141.

^[351] Этингер Я.Я. Указ. Соч. С. 119-120; Каверин В.А. Указ. Соч. С. 317, 320.

^[361] Этингер Я.Я. Указ. Соч. С. 124.

^[371] Этингер Я.Я. Указ. Соч. С. 111-112; Яковлев А.Н. По мощам и елей. М.: Евразия, 1995. С. 108; Его же. Омут памяти. М.: Вагриус, 2000. С. 429-430.

^[381] Rubenstein Y. Op.cit. P. 434.

^[391] Источник. 1997. № 1. С. 141-146.

^[401] Литературная газета. 28.04.1993.

¹⁴¹¹ Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М.: Международные отношения, 1994. С. 361.

¹⁴²¹ Борщаговский А.М. Обвиняется кровь. Документальная повесть. М.: Прогресс, 1994. С. 35-36.

¹⁴³¹ Невское время (СПб). 06.06.1997.

¹⁴⁴¹ Suddeutsche Zeitung, 15 Mai 1997; Frankfurter Allgemeine Zeitung, 21 Mai 1997.

¹⁴⁵¹ Der Spatstalinismus und die «Judische Frage». Zur antisemitischen Wendung des Kommunismus / Hrsg. von L. Luks. Koln: Bohlau Verlag GmbH & Cie, 1998.

¹⁴⁶¹ Lustiger A. Rotbuch: Stalin und die Juden. Berlin: Aufbau-Verlag, 1998. S. 263.

¹⁴⁷¹ Еврейский мир (N.Y.), 04.06.1998. № 9 (315); 06.05.1999, № 57 (363); Еврейский камертон (прил.к Новости недели) (Израиль). 30.03.2000.

¹⁴⁸¹ Luks L. Auch Stalin plante eine «Lösung der jüdischen Frage»// Allgemeine Jüdische Wochenzeitung. 1993, 18 März; Его же. Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 41-59.

¹⁴⁹¹ Неправедный суд, последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета / Отв. ред. В.П. Наумов. М.:Наука, 1994; Stalin's Secret Pogrom. The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee / Ed. by Y.Rubenstein and V. Naumov. New Naven, London, 2001. P. 62.

¹⁵⁰¹ Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. Пер. с франц. М.: «Три века», 1999. С. 236

¹⁵¹¹ Русская Германия (ФРГ). 1999, 23-29 авг., № 33; Лехаим (Россия). 2001. № 1 (105). С. 51-53 и др.

¹⁵²¹ История еврейского народа в контексте мировой истории. События, имена, культурные достижения / Сост. С. Августевич, А. Рыбаков, Л. Внукова, В. Дворянов. М.: Еврейский мир, 2001. С. 62.

Документы – еще не вся правда

יִי יִי אֵלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

Beitá Yòel áid

Редакция журнала «Лехаим» обратилась ко мне с просьбой прокомментировать статью Г. Костырченко, в которой содержится резкая критика всех тех, кто не согласен с его точкой зрения относительно планов депортации евреев. Существование таких планов он категорически отрицает. Хотя и признает, что «конечно, подобная угроза, безусловно, существовала, ибо чуть ли не с момента воцарения в России большевиков власти постоянно практиковали бесцельное и массовое выселение людей (сначала по классовым, а потом и по национальным мотивам)».

Далее он пишет: «нельзя не учитывать как достаточно весомый антидепортационный аргумент и то, что несмотря на предание гласности после августа 1991 г. самых секретных политических архивных материалов сталинского режима, не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и иницилирующей депортацию, но даже какого-либо другого документа, где бы она упоминалась или хотя бы косвенно подтверждалась ее подготовка (в том числе сотни тысяч пресловутых списков евреев на выселение)».

Утверждение, что самые секретные архивные материалы сталинского режима уже преданы гласности – по меньшей мере неточно. Тем более, что до сих пор в печати публикуются обнаруженные именно в последние годы подобные материалы, подчас – наиважнейшие, относящиеся к самым различным аспектам сталинского прошлого. Так, например, буквально совсем недавно рассекречены документы, посвященные блокаде Ленинграда...

Заместитель председателя комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор В.П. Наумов свидетельствует: «мы нашли в показаниях Рюмина упоминание о том, что в 1952 году он по согласованию со Сталиным представил предложение о депортации евреев» («Лехаим», № 1, 2001). Что же касается документов о депортации, то В.П. Наумов подчеркивает: «депортация ряда народов Северного Кавказа была оформлена постановлением Государственного Комитета Оборона СССР *post factum*, когда операция по выселению сотен тысяч людей, сопровождавшаяся уничтожением на месте всех, кого невозможно было вывезти, по существу закончилась. Руководившие ею уполномоченные ГКО Круглов, Кобулов, Аполлонов действовали на основе устных предписаний» (там же).

Однако вполне возможно, что какие-то документы о депортации евреев все-таки были. И не исключено, что сразу же после смерти Сталина его ближайшие соратники уничтожили все, что могло их скомпрометировать в связи с «делом врачей». А ведь в этом деле были замешаны такие ведущие сталинские деятели, как Маленков и Сулов.

Безусловно, в принципе обосновать наличие каких бы то ни было планов вообще крайне трудно. Но и доказать их отсутствие на том основании, что нет документов, ни в коем случае нельзя. История как наука не могла бы существовать, если бы документ был единственным подтверждением того или иного события.

Проживающий в Израиле профессор Ф.М. Лясс, автор вышедшей в этой стране книги «Последний политический процесс Сталина, или Несостоявшийся геноцид», отмечает:

«До сих пор в архивах СС, СД и вермахта гитлеровской Германии не найдены документы о строительстве газовых камер и инструкций по методике удушения в них евреев, как не найдены документы о научных исследованиях эффективности “циклона Б” или о распорядке работ по сокрытию преступлений против человечества. Однако только сторонники совершения таких преступлений могут усомниться в том, что гибель шести миллионов евреев – исторический факт. Основывается на отсутствии документов и скандально известный историк из Англии Дэвид Ирвинг, когда отрицает уничтожение шести миллионов европейских евреев и когда утверждает, что Гитлер лично не давал приказа уничтожить евреев. Напомним ревнителям необходимости письменного документа для установления исторических фактов слова израильского генерального прокурора на процессе Эйхмана (декабрь 1961 г.) – организатора истребления евреев. Генеральный прокурор сказал: “Мы уверены, что в руках Эйхмана находился документ, содержащий приказ Гитлера об уничтожении евреев. Этого приказа у нас нет”. Правосудие признало Гитлера, его пособников и Эйхмана в том числе, виновными в истреблении еврейского народа несмотря на отсутствие документа».

И в связи с этими аргументами Ф.М. Лясс подчеркивает:

«...если в педантичной Германии не сохранились документы периода гитлеровского правления, то что говорить о Советском Союзе вообще и особенно в период позднего сталинизма. Тот факт, что в советское время и до Сталина, а тем более при нем документы уничтожали или фальсифицировали, не вызывает сомнения». В руководящих советских кругах господствовало так называемое “телефонное право”, не оставлявшее никаких следов.

В своей книге «Это невозможно забыть. Воспоминания». (М, 2001), я пишу о том, что во время одной из бесед в 1970 году с бывшим Председателем Совета Министров СССР, членом Президиума (Политбюро) ЦК КПСС Н.А. Булганиным задал ему вопрос: были ли какие-либо письменные указания Сталина относительно депортации евреев? Он усмехнулся и сказал:

«Сталин не дурак, чтобы давать письменные указания по такому вопросу. Да и вообще Сталин очень часто прибегал к устным распоряжениям, особенно когда он обращался к членам Политбюро. Он не считал нужным давать письменные указания им. Ведь он общался с нами практически ежедневно».

Несмотря на то что документы о депортации евреев до сих пор не обнаружены, имеются многочисленные авторитетные свидетельства лиц, рассказывающих о составлении списков евреев на предмет подготовки депортации. Об этом рассказывали мне академики Е.В. Тарле, А.Д. Сахаров, известный историк-германист А.С. Ерусалимский. Некоторые свидетельства в последнее время были опубликованы на страницах журнала «Лехаим».

Особый интерес представляет свидетельство члена ЦК Компартии Латвии, начальника политотдела Прибалтийской железной дороги в 1953 году Карла Мартыновича Граудина («Лехаим» № 8, 2001). В феврале 1953 года он принимал участие в совещании руководителей железных дорог страны и начальников политотделов дорог. Руководил совещанием М.А. Сулов. Присутствовал Г.М. Маленков. Сулов сказал, что в

ближайшее время в стране будет проведена серьезная акция, к которой нужно готовиться руководителям железных дорог в отдаленных районах страны. Речь шла о Сибири, Казахстане, Оренбурге, Забайкалье. Слово «евреи» не произносилось. Суслов сказал, что за акцией, ее подготовкой и проведением следит товарищ Сталин.

После совещания друг Карла Граудина из партийных кругов Сибири сказал ему: «Речь идет о депортации евреев в сибирские края». Граудин приводит слова присутствовавшего на совещании в Центральном Комитете партии начальника политотдела Московской железной дороги, сообщившего ему, что провели дезинфекцию в товарных вагонах, в которых везли на Восток пленных немцев. «Эти вагоны так продезинфицировали, что пробыть в вагоне пять-десять минут было опасно для здоровья: кружится голова, болят и слезятся глаза, душит кашель. И в этих вагонах собирались везти евреев»!

Приведем еще одно, столь же авторитетное свидетельство, принадлежащее выдающемуся российскому актеру, народному артисту России, председателю Союза театральных деятелей страны Александру Калягину. В интервью журналу «Алеф» (октябрь 2000 года) он рассказывал:

«“Космополитическая” кампания не миновала нашу семью – пострадал мой дядя, мамин брат, директор известного завода. Когда в 1953 году в Москве уже были составлены списки всех евреев для высылки из страны, маме управдом эти списки показал». Мать Александра Калягина заведовала кафедрой в одном институте.

Совокупность косвенных доказательств свидетельствует о том, что депортация готовилась. Неужели же сотни людей, проживающих в различных местах и не знающих друг друга, могли придумать одно и то же?

Возвращаясь к вопросу о том, что до сих пор не найдены документы о проведении депортации, позволительно спросить: ну а обнаружены ли директивы Сталина об уничтожении лидера украинских националистов Е. Коновальца, Л. Троцкого, С. Михоэлса? Где приказы Сталина ликвидировать И. Броз Тито, хотя такое предложение ему передано руководством МГБ и готовилось покушение? Найдена ли в архивах директива Сталина руководителю Северной Кореи Ким Ир Сену начать агрессивную войну против Южной Кореи 25 июня 1950 года?

Конечно, могут возразить, что одно дело – приказы об уничтожении отдельных, неугодных Сталину политических и общественных деятелей и совсем другое – реализация такой крупномасштабной акции, как депортация сотен тысяч евреев.

В своей статье Геннадий Костырченко пишет, что первый массированный «выброс» дезинформации произошел весной 1956 года, когда Н.С. Хрущев заявил одному французскому журналисту, что непосредственной причиной смерти Сталина явилось решительное выступление В.М. Молотова и А.И. Микояна против плана депортации евреев, в чем их якобы поддержал и К.Е. Ворошилов, заявивший, что эта акция может дискредитировать советское руководство своим сходством с преступными деяниями Гитлера. Он далее пишет: «за то, что со стороны Хрущева это была чистой воды политическая спекуляция, говорит хотя бы тот факт, что в его мемуарах, вышедших спустя пятнадцать лет на Западе и на нескольких страницах распекавших Сталина за антисемитизм, не было даже намека на то, что последний собирался депортировать евреев». Это верно.

Но вот недавно сотрудник газеты «Московские новости» – тоже Никита Сергеевич Хрущев, полный тезка и внук знаменитого деда, познакомил меня с известным фотохудожником Петром Михайловичем Кримерманом. Этот человек был многолетним приятелем Н.С. Хрущева и множество раз снимал его как до отставки, так и после. Он вспомнил следующее.

Однажды – это было в начале 1965 года, уже после отставки Н.С. Хрущева, П.М. Кримерман рассказал ему о своем разговоре с Ильей Эренбургом, в котором тот сообщил фотохудожнику о планах депортации евреев. Петр Михайлович спросил Никиту Сергеевича, что ему известно в связи с этим. Н.С. Хрущев несколько минут молчал, а потом сказал: «Я документов не визировал... Все это скорбное, очень спорное дело». П.М. Кримерман записал эту беседу.

Г.В. Костырченко в своей статье пишет, что «начиная с 1993 года потоком пошли публикации (журнальные и газетные статьи, отдельные книги, брошюры), в которых обнародованный “документальный материал” о подготовке Сталиным депортации евреев преподносился как авторитетный и заслуживающий доверия “исторический источник”, причем по ходу дела он приправлялся такого же рода “вновь открывшимися фактами”. Лидерство по части оснащения своих сочинений подобными “фактами” захватил Я.Я. Этингер». Что можно сказать по этому поводу? Разумеется, никакого «лидерства» я не «захватывал». Лидерство можно захватить в рядах партии, общественной организации, в каких-либо учреждениях.

Ссылаясь на мое интервью «Медицинской газете» в 1988 году и на публикацию в альманахе «Звенья» 1991 года, Г.В. Костырченко пишет, что я там ничего не говорил о депортации. Совершенно верно. Я сознательно это сделал, так как ожидал вскорости появления секретных материалов из архивов. Но так как этого не произошло, я в начале 1993 года опубликовал статьи в «Еврейской газете» и парижской «Русской мысли», где впервые кратко предал огласке содержание своих бесед с Н.А. Булганиным, хотя о них впервые говорил в конце апреля 1990 года на международном симпозиуме в Лондоне. (Краткое изложение материалов этого симпозиума содержится в изданной в 1991 году брошюре под названием «Историческая правда о Советском Союзе 20-х – 30-х годов». Москва; Алма-Ата.) Но и в Лондоне я не говорил о депортации, опять-таки надеясь на скорое появление официальных документов.

Г.В. Костырченко пишет далее: «“Обновленную” версию “дела врачей” Этингер изложил потом в общем виде в вышедших многомиллионным тиражом “Аргументах и фактах”, что способствовало популяризации его “открытий” в этой области, а сам он был разрекламирован как лучший специалист по истории позднего сталинизма».

Это утверждение не соответствует действительности. Никто никогда меня не рекламировал как «лучшего специалиста по истории позднего сталинизма». Тем более, что я, разумеется, никогда и не претендовал на эту роль. Я писал иногда статьи о сталинских репрессиях, но они не идут ни в какое сравнение с обширными многостраничными трудами на эту тему историков, специально занимавшихся ею.

Дальше в своей статье Г.В. Костырченко обвиняет меня по существу в плагиате. А именно – в том, что я заимствовал из «историко-фантастической хроники» В.П. Ерашова текст письма группы известных евреев, в котором поддерживалось решение о депортации.

Книга В.П. Ерашова была передана мне в 1990 году тогдашним сотрудником издательства «ПИК» известным писателем Я.А. Костюковским. Он же дал и номер телефона автора. Я позвонил Валентину Петровичу Ерашову. И тот рассказал мне, что, будучи историком по специальности, еще в 70-е годы стал собирать материалы, связанные с «делом врачей», встречался со многими людьми – писателями, журналистами, работниками Министерства путей сообщения, которые ему и сообщили о реальных фактах сожжения архивных материалов, относящихся к этому делу.

Как оказалось, В.П. Ерашов уже в конце 70-х подготовил книгу о «деле врачей», которой он решил придать форму историко-фантастического произведения. Разумеется, издать ее в советское время было невозможно. В 80-е годы он продолжал свои исследования и, наконец, несколько переработав книгу, издал ее в 1990 году.

Мы с ним иногда перезванивались, и Валентин Петрович в одном из наших разговоров подтвердил, что все, о чем рассказывается в книге – до сюжета о процессе над врачами, – основано на реальных фактах, на многочисленных свидетельствах, а также и на некоторых документальных материалах.

После того, как в моих руках оказался текст письма группы евреев Сталину, я немедленно позвонил писателю и с радостью сообщил, что оно во многом аналогично письму в его книге. Разумеется, Валентин Петрович был обрадован таким совпадением. И тогда я у него спросил: а на чем основано письмо, содержащееся в его книге? И он ответил мне, что ему показал письмо один писатель-еврей, который был в курсе этого дела. То есть, очевидно, речь шла о разных вариантах одного и того же письма.

После того как редакция «Лехаима» ознакомила меня со статьей Г.В. Костырченко, я позвонил 16 июля этого года В.П. Ерашову. К телефону подошел его сын. Он сказал, что Валентин Петрович не так давно умер... В конце нашей беседы сын Ерашова, который был хорошо знаком с работой отца, подтвердил все то, что говорил мне раньше Валентин Петрович. И неожиданно добавил при этом, что сам он долгие годы работал в Министерстве путей сообщения и знает, что все архивы, в которых содержались материалы о формировании железнодорожных эшелонов для депортации евреев, были после смерти Сталина уничтожены. Что касается письма о депортации, то, как подчеркивал известный исследователь, истории советских карательных органов Л.М. Млечин, «Окончательный текст так и не был подготовлен. Найдено несколько вариантов, различия между которыми носят стилистический характер». (Л. М. Млечин, «КГБ. Председатели органов государственной безопасности. Рассекреченные судьбы. М., 2002. С. 355»)

В связи с тем, что Костырченко обвиняет меня в плагиате, хотелось бы задать вопрос. Неужели он думает, что я, научный работник с почти полувековым стажем, автор многих книг и нескольких сотен статей, – столь наивный человек, чтобы не понимать, что любое заимствование неизбежно становится явным?!

Кстати, об этом письме рассказывал мне в 1955 году известный композитор Матвей Блантер, которого долгие годы лечил мой приемный отец профессор Я.Г. Этингер. Так вот, тогда мне Матвей Исаакович с сожалением сказал, что, опасаясь неприятных последствий, ему пришлось подписать то письмо...

Как продолжает Костырченко, фигура умолчания возникает тогда, когда я обращаюсь к мемуарам А.И. Микояна. И заключает, что «берется только рассказ последнего о жалобах Л.М. Кагановича по поводу данного тому Сталиным поручения

организовать подготовку “еврейского письма” (что действительно имело место). Причем, берется только ради завершающей этот сюжет и явно притянутой за уши штампованной фразы, служащей разве что для обозначения того, когда такая беседа происходила: “это было за месяц за полтора до смерти Сталина – готовилось “добровольно-принудительное” выселение евреев из Москвы...”. И поскольку ничем лично-конкретным эта “концовка” не подкреплялась, апелляцию Этингера к тени самого хамелеоноподобного советского вельможи можно мотивировать только желанием продемонстрировать читателю еще одного авторитетного сторонника депортационной версии».

Для того, чтобы читателю было ясно, о чем идет речь, я вынужден привести полностью слова А.И. Микояна. Он пишет:

«Как-то после ареста врачей, когда действия Сталина стали принимать явно антисемитский характер, Каганович сказал мне, что ужасно плохо себя чувствует. Сталин предложил ему вместе с интеллигентами и специалистами еврейской национальности написать и опубликовать в газетах групповое заявление с разоблачением сионизма, отмежевавшись от него. “Мне больно потому, – говорил Каганович, – что я по совести всегда боролся с сионизмом, а теперь я должен от него отмежеваться!”. Это было за месяц или полтора до смерти Сталина – готовилось “добровольно-принудительное” выселение евреев из Москвы. Смерть Сталина помешала исполнению этого плана» (А. Микоян. Так было. М., 1999. С. 537).

После выхода воспоминаний А.И. Микояна я беседовал с его сыном, доктором исторических наук Серго Анастасовичем, с которым ряд лет работал в одном отделе в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР. Именно он подготовил книгу своего отца к изданию, и он подчеркнул, что А.И. Микоян знал о готовящейся депортации евреев.

Костырченко далее пишет, что «еще более ценный козырь получил в свои руки Этингер, когда такой уважаемый общественный и политический деятель как А.Н. Яковлев, назначенный руководством посткоммунистической России председателем комиссии при президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, издал в 1995 г. брошюру “По мощам и елей”. В ней он, явно под воздействием мифотворчества по “делу врачей”, в которое немалый вклад внес все тот же Этингер, кратко повторил версию о депортации, муссируемую последним начиная с 1993 г. Само собой разумеется, что все это, теперь как бы осененное официальной легитимностью, переключалось в книгу Этингера...»

Несколькими строками ниже Костырченко пишет:

«Примечательно, что высказывание Яковлева о депортации было тиражировано в 1995 г. с подачи его главного помощника в президентской комиссии по реабилитации и эксперта по антисемитизму В.П. Наумова, который позже стал увязывать “дело врачей” и “депортацию” с намерением Сталина спровоцировать третью мировую войну, хотя реальные факты как раз свидетельствуют об обратном. О том, что стороннее влияние на Яковлева действительно имело место, свидетельствует хотя бы то, что он, давая в конце 1991 г. во Франции интервью, полагал: Сталин непосредственно не стоял за планом депортации евреев и, если таковой действительно существовал, то именно диктатор незадолго до смерти мог дать отбой, исходя, возможно, из резонов, почерпнутых из письма Эренбурга».

Смешно думать, что мои статьи могли оказать какое-либо влияние на такого умудренного, опытнейшего и прекрасно информированного политического деятеля, каким является Александр Николаевич Яковлев. Никогда В.П. Наумов не ссылался в своих работах на меня. У него, человека, имеющего доступ к самым секретным архивным материалам, просто не было в этом никакой необходимости.

В той части статьи, где говорится об А.Н. Яковлеве, Костырченко утверждает, будто я якобы приписал Александру Николаевичу утверждение, что «еврейское письмо» – речь идет о депортации евреев – «было задумано» профессором-философом Д.Н. Чесноковым.

Однако не кто иной, как именно А.Н. Яковлев, уже прежде написал об этом – в своей книге «Каким мы хотим видеть Советский Союз», изданной весной 1991 года на французском языке в Париже. В рецензии на эту книгу известный журналист Аркадий Ваксберг отмечал: А.Н. Яковлев, сообщая о плане депортации евреев, подчеркивал, что письмо было задумано и распространено Дмитрием Чесноковым («Литературная газета», 15 мая 1991 года).

Возвращаясь к мнению А.Н. Яковлева о депортации евреев, стоит сказать – он и по сей день считает, что эта депортация готовилась. Это еще раз подтвердил мне 15 июля нынешнего года тот же В.П. Наумов – ближайший сотрудник академика.

Что же касается отрицания Г.В. Костырченко уже и самого факта существования этой книги Чеснокова, обосновывавшего необходимость депортации, то вот свидетельство профессора Ф.М. Лясса.

«С сентября 1952 года по октябрь 1953 года я работал в качестве заведующего здравпунктом Московского рубероидного завода. Кроме оказания первой помощи пострадавшим и проведения профилактических осмотров рабочих завода, в мои обязанности входило обходить все цеха вместе с инженером по технике безопасности и контролировать выполнение рабочими и инженерным составом предписаний по соблюдению техники безопасности. В апреле-мае 1953 года завод, изготовлявший картон для рубероида, работал на макулатуре, привозимой из МГБ, которая сбрасывалась в ролю, – аппараты, где она размалывалась между вращающимися ножами. Однажды, зайдя в рольный цех, я обратил внимание на груды разорванных поперек брошюр в полосато-красной обложке. Эти брошюры также предназначались для уничтожения. Я взял одну, не до конца разорванную. Это и была брошюра Д. Чеснокова».

Я мог бы высказать немало возражений по поводу статьи Костырченко. Но едва ли это необходимо. Остановлюсь лишь на одном. Он пишет, что «если бы Сталин вскоре не умер, то скорей всего имело бы место действие, аналогичное тайной расправе над руководителями Еврейского антифашистского комитета». Но зачем в таком случае было опубликовано сообщение об аресте профессоров-врачей и развернута против них оголтелая клеветническая кампания? Ведь об аресте членов ЕАК не было никакой официальной информации, и они были осуждены на смерть на закрытом судебном процессе, о котором, естественно, не было никаких сообщений.

Мне также совершенно непонятна и та крайне резкая тональность Костырченко, когда он пишет обо мне, как впрочем, и о других лицах, с мнениями которых не солидарен, или придерживается противоположной точки зрения. Это тем более странно, что летом 1993 года, когда уже были опубликованы мои статьи в «Еврейской газете», «Русской мысли» и «Аргументах и фактах», которые он сейчас подвергает критике,

Костырченко обратился ко мне с просьбой помочь ему в подготовке его книги «В плену у красного фараона».

Я немедленно откликнулся на его просьбу и все, что от меня зависело, сделал – предоставил нужные фотографии, связал с рядом лиц, которыми он интересовался, высказал некоторые соображения в связи с «делом врачей». Книга Костырченко была сдана в набор 13 июля 1994 года, а 12 октября этого же года подписана в печать. И 19 декабря 1994 года Костырченко подарил мне свою вышедшую книгу со следующей надписью: «Многоуважаемому Якову Яковлевичу Этингеру в знак авторской благодарности за помощь, оказанную в подготовке книги».

Виктор Луи:

вопросы без ответов

Ááááá Ī ááááá

Не так давно все было ясно в таком деликатном деле, как внешняя разведка: свои агенты – работающие за чистую идею разведчики и военные герои, чужие – работающие за грязные деньги шпионы и матерые диверсанты. Эта исчерпывающая ясность не оставляла места для вопросов. Более того: любые вопросы неизбежно показались бы неуместными, и дотошному вопрошающему грозили реальные кары, вплоть до посадки.

Белое есть белое, черное есть черное.

Точка.

Виктор Луи, московский журналист, не вписывался в эту схему.

Для тех, кто не знает или забыл: имя Виктора Луи было громко известно в кругу творческой интеллигенции начиная с 60-х годов и кончая крушением СССР. Он слыл могущественным и загадочным человеком с замашками сибарита – то ли генералом КГБ, то ли секретным советником иностранного отдела ЦК КПСС, то ли обоими вместе. Знакомство с ним, от греха подальше, творческие интеллигенты не афишировали – но бывать у него на даче бывали, и охотно. А Виктор Евгеньевич принимал хлебосольно, показывал картины, коллекционную бронзу, скульптуры Эрнста Неизвестного в саду, шесть или семь роскошных автомобилей в гараже: «порше», «бентли», «вольво». С затаенной гордостью коллекционера демонстрировал машины и ронял как бы невзначай: «У меня их больше, чем у Брежнева». И от такого признания озноб пробирал визитера.

Но не для того робкие интеллигенты, знаменитые, наезжали в Баковку, чтобы любоваться картинами и машинами. А наезжали они затем, чтобы просить о помощи: помогите, Виктор, опять выезд за границу закрыли, держат, не пускают никуда. И Луи помогал: оформляли паспорт, выдавали командировочные. Кто у него только не перебивал в этой Баковке!.. «Приезжали в темноте, просили шепотом, – мягко усмехаясь, рассказывал Виктор. – Чтобы коллеги не узнали». Из каких соображений помогал Виктор Луи? И требовалась ли расплата за такую помощь? Кто знает...

А более-менее регулярно общались с Виктором шустрые ребята «на подхвате», промышленявшие кто чем может: сочинением средних стихов и облегченной прозы, торговлей книжными раритетами, а то и откровенной шмоточной фарцой. Эти ребята, обладавшие живым характером, носили общую кличку «лукята». Их отношения с Виктором были скорее приятельскими, чем деловыми. Изрядная часть из них со временем взяла в жены иностранок и осела на Западе.

Когда-то, мальчишкой, вскоре после войны Виктор Луи сел за анекдот и получил лагерный срок. Следовательно, назначенный ему, вел, по его словам, «дело» Солженицына. Много лет спустя, опять же по словам Луи, Солженицын заявил, что его настоящая фамилия Левин. Открытие Солженицына Виктор Луи не опроверг и не подтвердил, но, говоря о писателе, отзывался о нем весьма нелестно...

В одно из своих посещений Израиля в конце 80-х Виктор Луи в ответ на прямой вопрос о его национальном происхождении ответил: ну хорошо, моя мать была еврейкой, если это для вас так важно. В тот свой приезд Луи намеревался купить дом в Эйлате – он искал для себя место с жарким климатом, связанное прямыми авиарейсами с Лондоном, где проходил ежемесячные медицинские обследования по поводу последствий трансплантации печени. И в связи с этим хотел получить израильское гражданство и заграничный паспорт. В ту пору вовсю прощупывались пути для восстановления дипломатических отношений между Израилем и СССР, и Луи полагал, что осуществлять негласные контакты между Иерусалимом и Москвой эффективней и проще через него, чем по каким-либо иным каналам. По целому ряду причин из этой затеи ничего не вышло.

А почти тридцатью годами раньше журналист Виктор Луи, бывший зек, был принят на работу в одну из шведских газет и получил аккредитацию в советском МИДе. Такой головокружительный взлет не мог остаться без вопросов. Но вопросы, если они и задавались, то, разумеется, не в частном кругу. И если кто и знал на них ответы – то не случайные знакомые.

Журналистская удача пришла к Виктору Луи через несколько лет, в смутные дни свержения Никиты Хрущева: это он, Луи, первым из корреспондентов передал в свою газету сенсационное сообщение об «отставке» Никиты. Сообщение было отправлено за несколько часов до официальной публикации. Остается только гадать, кто, зачем и каким образом передал Виктору Луи совершенно секретный материал...

Как бы то ни было, но вскоре после этого случая Луи получил приглашение на работу в одной из ведущих лондонских газет и принял его. Наниматели рассчитывали, что новый московский корреспондент располагает уникальными источниками информации. И они не ошиблись: корреспонденции Луи часто имели сенсационный характер и охотно перепечатывались мировой прессой. Независимые эксперты и люди из спецслужб внимательно вчитывались в материалы, подписанные Луи: закрытая ли это информация, которую Москва по тем или иным причинам решила предать гласности – или ловко скроенная политическая дезинформация, «деза»? Так или иначе, но имя Виктора Луи в скором времени стало известно в мире спецслужб ничуть не меньше, чем в газетном мире.

Впервые я встретился с Луи в конце 50-х, вскоре после его освобождения из лагеря. Меня привел к нему в коммуналку мой друг, художник-нонконформист, ставший впоследствии знаменитым. С этим художником и с молодым композитором, нынче прославившимся, мы, по молодым годам, сбили независимую творческую группу и назвали ее «Треугольник Эмоциональных Реалистов». Название говорит само за себя... В комнате Луи былолюдно, шумно. Одна стена была сплошь занята баром, на полках которого пестрели невиданными этикетками бутылки с французским коньяком, шотландским виски, английским джином. Провожали в Париж, «на ПМЖ», солагерника Виктора – пожилого художника-еврея с круглыми печальными глазами и алым платком вокруг шеи. Этот художник, спасаясь от нацистов, бежал в свое время в Россию, был, как водится, посажен – а теперь возвращался восвояси. И в этом, по словам художника, помог ему Луи, к тому времени уже работавший в шведской газете и «имевший связи наверху».

С тех пор прошло пятнадцать лет. В феврале 1971 года я подал просьбу о выезде в Израиль. Просьба моя не была удовлетворена, я, как тогда говорилось, «сел в отказ» – без каких-либо объяснений, но зато с прямым указанием, что выезд мне не будет разрешен никогда. А вот на мое возражение: я, мол, никогда не имел допуска ни к каким секретам, – мне был дан исчерпывающий ответ: «Вы имели допуск к советскому образу жизни». Сразу вслед за тем я начал подписывать коллективные письма протеста, участвовать в демонстрациях – короче, стал «профессиональным отказником». Мой телефон – а он, разумеется, то прослушивался, то вообще отключался – накалялся от звонков со всех концов света. Чаще всего звонили из Израиля.

Как-то раз – я к тому времени получил уже шесть или семь отказов – один из моих израильских корреспондентов посоветовал мне связаться с Виктором Луи: он, возможно, сможет узнать, как сложится моя дальнейшая судьба. Я позвонил. Я был уверен, что Луи не помнит о нашем давнем шапочном знакомстве. Я ошибся.

– Приезжай вечером ко мне на дачу, в Баковку, – сказал Виктор. – Я тебе кое-что расскажу.

Я поехал со смешанным чувством: с одной стороны, терять мне было нечего, с другой, однако, решил у Виктора Луи ни к чему из еды и питья не прикасаться – на всякий случай...

Дача поражала роскошью и комфортом. У дома стояла черная «волга» с подозрительным номерным знаком. Виктор был любезен, дружелюбен. Мне не пришлось рассказывать о моих делах – он и так все знал. Мы сели за старинный круглый стол, хозяин предложил коньяк, сакэ – привез только что с Тайваня. Поездка на Тайвань была по тем временам столь же неосуществима для советского человека, как полет на Марс. Я от угощения отказался.

– Смотри, – сказал Луи, протягивая мне страничку с машинописным текстом. – Это семьи ваших отказников, ты их всех знаешь. Двадцать три семьи. Твои друзья в Иерусалиме передали мне этот список, просили помочь. Восемнадцать семей из списка уже уехали. Осталось пять. Ты в их числе.

– Ты был в Иерусалиме? – спросил я с великой, отчаянной завистью.

– Вот карта, – усмехнувшись, сказал Виктор. – Погляди, где я был.

Карта мира на стене была сплошь испещрена значками.

– Мне дадут отсюда уехать? – спросил я.

– Я спрашивал кое-кого... – сказал Луи. – Ты получишь разрешение месяца через три-четыре. Только не езжай в кибуц – ты там с ума сойдешь от скуки.

«Надо ехать в кибуц, – подумал я. – Раз он говорит “не надо” – значит, наверное, надо».

– Я тебе позвоню за неделю до того, как ты получишь разрешение, – продолжал Виктор. – Времени на сборы тебе дадут немного. Увидимся в Израиле!

– А остальные по списку? – спросил я. – Лернер, Слепак, Польский?

– Ну, поживем – увидим... – уклончиво сказал Виктор. – С ними немного сложнее. Но пусть не отчаиваются. Увидишь их – так им и скажи.

Потом он показывал дом, коллекции, машины.

– Ты на машине? – спросил как об обычном.

– Нет у меня никакой машины, – сказал я.

– Тогда я тебя подброшу до Кутузовского, а там ты возьмешь такси, – сказал Виктор.

Поехали на «порше». Сидеть было тесно, непривычно, как в пилотской кабине.

– Отличный автомобиль, – сказал Виктор, поглядывая на меня из-за руля. – Гонорар за «20 писем к другу».

Я промолчал. «20 писем к другу» – это была книга дочери Сталина, незадолго до того оставшейся на Западе.

Я уехал в Израиль 6 ноября 1972 года. На сборы мне дали четыре дня и предупредили, чтобы я в любом случае «покинул пределы» до 7 ноября – дня большевистской революции. В противном случае, было указано мне, я буду вынужден оплатить все расходы по образованию – десятки тысяч рублей, которых у меня не было и в помине.

Менее чем через два года, вскоре после окончания войны Судного дня, Виктор Луи приехал в Израиль – я узнал об этом от одного из руководителей Всемирного еврейского агентства Арье Дульчина. Дульчин передал мне, что Луи интересовался, как я устроился в стране, где живу и чем занимаюсь. Луи хотел встретиться со мной, и такая встреча состоялась.

По просьбе Виктора мы поехали в Иерихон осматривать развалины древнего города. Я вел машину. Над долиной Иордана висела сухая жара, в кронах финиковых пальм коричневели гигантские гроздья сахарных плодов. Из Иерихона по горной грунтовой дороге отправились в Рамаллу.

На подъеме, не доезжая перевала, арабский полугрузовичок, шедший нам навстречу, попытался прижать нас к обрыву. Пришлось маневрировать на узкой дороге, делать все возможное, чтобы избежать удара и не свалиться в пропасть: намерения араба были довольно-таки прозрачны. В конце концов мы справились с неприятностями, поднялись в Рамаллу и заехали пообедать в какую-то придорожную харчевню. У Виктора от нервозности и дорожной тряски разболелась больная спина, он хотел не задерживаясь вернуться в Иерусалим.

В комнате иерусалимского отеля «Царь Давид», где он обычно останавливался, Виктор лег на пол на спину и вытянулся, снимая напряжение с позвонков. Я пил кофе, сидя у журнального столика. Разговор шел о том, что советское решение о разрыве дипломатических отношений с Израилем в 1967 году было непродуманным и ошибочным, что отношения неизбежно будут восстановлены и израильское посольство вернется в Москву. Внезапно Луи приподнялся на локте и без всякого перехода сказал:

– В наше время всякий ответственный разведчик как минимум двойник...

И, как ни в чем ни бывало, продолжал говорить о возможностях торговых сделок между СССР и Израилем через третьи страны.

– Зачем вам везти евреев через Вену? – спросил Луи. – Тем более, скоро у вас начнутся там проблемы: количество «прямоков», как вы их называете, будет увеличиваться. Люди сегодня хотят ехать в Америку, а не в Израиль, и вы ничего не сможете с этим поделать. А можно попробовать организовать отправку эмигрантов через Одессу. Придет корабль, привезет, скажем, апельсины, а обратно увезет эмигрантов. Торговля плюс политика... Впрочем, это все мои собственные идеи.

Эти идеи по целому ряду причин не получили развития. Однако кое что из этих странных разговоров я опубликовал в газете «Маарив». Вот реакция одного из тогдашних русскоязычных изданий: «Маркиш предлагает депортировать евреев из СССР в Израиль».

После этого Виктор Луи посетил Израиль еще четыре или пять раз. В последний раз он привез целую папку газетных вырезок на дюжине языков и, передавая ее, сказал:

– Я никогда, ни при каких обстоятельствах не причинил Израилю никакого вреда или ущерба. Теперь я хочу активно ему помогать. У меня есть интересные идеи и определенные возможности для их осуществления.

Но и из этого ничего не вышло: накануне радикальных политических перемен в СССР звезда Виктора Луи меркла от месяца к месяцу, он терял влияние и вес в Москве. Новые люди в руководстве страны набирали силу, и эти люди приближали к себе своих, проверенных советников и исполнителей.

Судя по некоторым высказываниям Виктора Луи, его прямым куратором и опекуном был Юрий Андропов. Это он разрешал Луи весьма неординарную для Советского Союза линию поведения и образ жизни. Довольно-таки авантюрные коммерческие операции на Западе и издание в Москве журнала УПДК (Управление по делам дипломатического корпуса), активно публиковавшего платную рекламу (дело по тем временам невиданное!), принесли Виктору Луи богатство. В отличие от других советских богачей он его никогда не скрывал и широко им пользовался. Его теннисный корт и бассейн, заграничные автомобили и коллекционные коньяки вызывали зависть и недовольство «соседей».

Последняя сенсационная публикация Луи появилась в одном из крупнейших немецких журналов и была оплачена суммой с пятью нулями. Речь в статье шла о сидевшем под следствием пилоте-любителе Русте, приземлившем свою «Сесну» на Красной площади, шутливо переименованной после этого яркого события в «Шереметьево-3». Статья включала в себя подробный пересказ допросов подследственного пилота, ожидавшегося – вместе со всем миром – решения своей участи.

Я не люблю сравнивать, это уязвимый метод. И все же в случае с Луи я позволю себе отступить от своего правила. Виктор Луи напоминает мне другого знаменитого авантюриста – Якова Блюмкина. Только пороховой Блюмкин буйствовал в эпоху раннего тигриного большевизма, а уравновешенный Луи действовал в атмосфере отцветшего, плесневеющего советского коммунизма.

Кстати, Блюмкин, как и Луи, никогда не конфликтовал с евреями в их национальном очаге: возглавляя в 20-е годы советскую резидентуру в Иерусалиме, Яков Блюмкин рекомендовал своему лубянскому шефу Трилиссеру в борьбе с британцами делать ставку на палестинских евреев, а не на местных арабов. Можно предположить, что связь Блюмкина с еврейством не ограничивалась одной лишь любовью к фаршированной рыбе.

Беседы с художником Александром Тышлером

יִשְׁלֵר אֶלְעֵאָזֶר

В 1966 году в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств им. Пушкина была организована выставка работ Александра Тышлера.

Персональная выставка работ живого советского художника в таком музее была редкостью. До этого картины Тышлера выставлялись в маленьких, далеких от центра залах, да и то очень редко. На выставку я пришла с моей подругой – сценаристом Неллей Лосевой. До этого мы уже сделали фильмы о художниках В. Фаворском, Е. Кибрике, Д. Шмаринове, О. Верейском, о русском эстампе и о рисунках старых мастеров. Картины Тышлера нам не приходилось видеть: он больше был известен как театральный художник.

Увиденное нас поразило: неожиданность композиций, необыкновенная живописность, музыкальность и доброта полотен художника произвели на нас такое сильное впечатление, что мы решили сделать о нем фильм. Народу на выставке было много, и мы стали искать автора.

Наше внимание привлекла группа зрителей. Среди них выделялась высокая и стройная молодая красивая дама с лорнетом. Рядом с ней был совсем немолодой мужчина небольшого роста, худенький, седой, коротко подстриженный, в сером костюме и шейном платке вместо галстука. Это и был художник Александр Тышлер. У него оказались удивительные глаза – черные, большие, они лучились умом и любопытством, добротой и юмором, доверчивостью и непосредственностью. Своим мягким голосом он с удивлением спросил:

– Меня снимать в кино? – и рассмеялся. – Вряд ли вам это удастся, хотя я не против. А ты, Флора? – обратился он к своей спутнице.

Потом мы узнали, что это была его жена, искусствовед Флора Сыркина. А удививший нас лорнет в ее руке был необходим, чтобы видеть окружающих: в то время она была тяжело больна и теряла зрение, но помогала художнику развешивать картины.

Oaem' ed' an'ea' eoe'eu'.

Èç ñàðèè «Oaem' ed' an'ea' eoe'eu'».

1973 ãã

Тышлер был счастлив выставке, радовался тому, как люди смотрят его картины. Он охотно отвечал на вопросы.

Мы условились с его женой о встрече и о возможности съемок. Начали думать, как осуществить создание фильма «Художник Александр Тышлер». Нельзя допустить, чтобы картины, которые навсегда могли уйти из страны, не были запечатлены на пленке. И вот, получив на киностудии «Центрнаучфильм» разрешение на съемку, а также заручившись поддержкой тогдашнего секретаря Союза художников Д. А. Шмаринова, мы договорились о дне съемок с директором музея И.А. Антоновой.

Но в те годы официальное отношение к художнику Тышлеру было резко отрицательным. Ведь он не писал портреты вождей, прославленных председателей колхозов, начальников разных мастей, а рисовал без заказов, для себя, портреты просто интересных или приглянувшихся ему людей. В его зарисовках есть замечательные портреты Льва Толстого, Анны Ахматовой, Соломона Михоэлса, артистов Еврейского

театра, где он работал главным художником. Каждое утро Тышлер уходил в мастерскую и писал свои картины, не докучая начальству.

Но когда мы приехали ровно в назначенный день с киноаппаратурой в музей, то узнали, что киносъемка... запрещена. Можно представить наше отчаяние. Но Ирина Александровна Антонова, понимая художественное значение творчества Александра Тышлера для нашей культуры, вопреки своему начальству дала нам возможность снять выставку. В то время это был поистине Поступок!

À èì ì à ò á ì à Ì ÿñ è ö è í é.

1920-á

Ì ìñ è à à

С этого дня и началась наша «Одиссея» по волнам бюрократического моря. Студия приняла сценарий и включила фильм «Художник Александр Тышлер» в план съемок. Однако в Госкино вычеркнули эту тему из плана. Так продолжалось каждый год: студия включала фильм в план, а Госкино – вычеркивало. А я ходила по начальству – в Госкино, Академию художеств, Союз художников, доказывая и объясняя, кто такой Тышлер и как необходим такой фильм.

Наконец, в 1972 году удалось под таким «киношным» определением, как «уходящий объект», провести съемки у Александра Григорьевича в его мастерской. Мы приехали с аппаратурой рано утром на Масловку, в дом художников. Там были мастерские, в которых работали скульпторы, графики, живописцы. В длинном полутемном коридоре возвышались скульптурные группы, подрамники и ненужная утварь. Среди многих дверей, как в общежитии, мы нашли дверь в мастерскую Тышлера.

Мастерская поразила нас: это была небольшая комната, и ее значительная часть была заполнена повернутыми к стене холстами. На оставшемся пространстве стоял мольберт, и за ним – работающий художник. Мы кое-как разместили осветительную аппаратуру, а кинокамеру оператору Эдгару Уэцкому пришлось взять в руки. В это время Александр Григорьевич работал над одной из картин серии «Миру мир». Сам художник называл эту серию «Благовесть».

Во время съемок Александр Григорьевич был так непосредствен, что, увлекшись работой, ничего не замечал вокруг, а мы, совсем не как в кино, старались не мешать. Оператор тихо ходил с кинокамерой вокруг художника или садился на корточки, снимая работающего мастера через просвет в мольберте. Когда, закончив съемку, мы погасили свет, Тышлер сказал: «Что-то стало темнеть» – видимо, совсем забыв о нас.

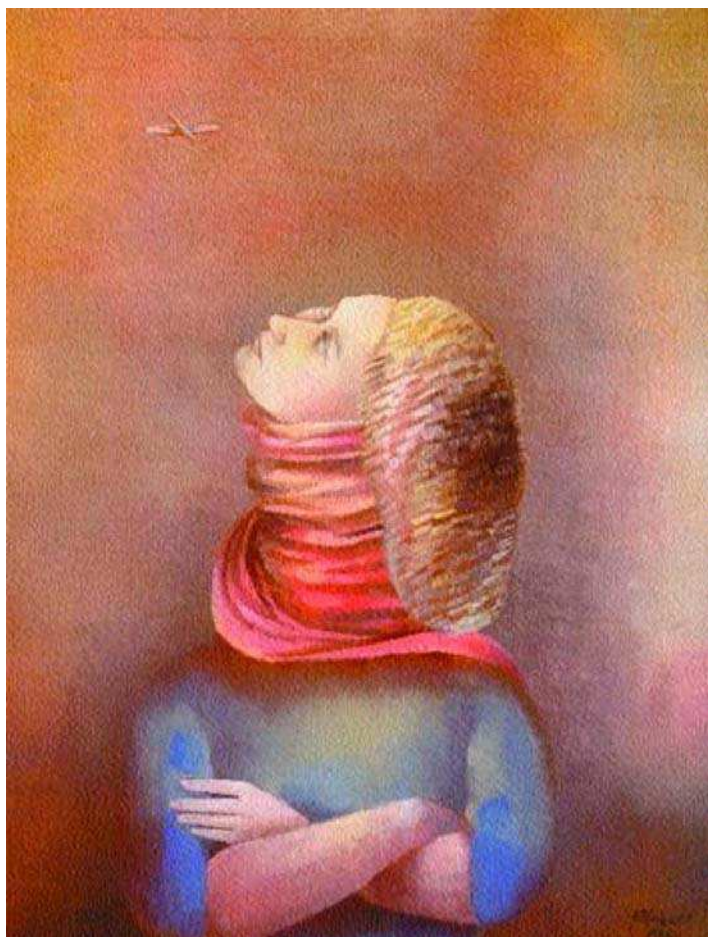
Александр Григорьевич отошел от мольберта и долго смотрел на свою работу. Потом снова подошел и поставил дату внизу, в правом углу картины, и подпись – «Тышлер». Художник вытер кисти, завернул тюбики с красками и обтер руки. Стал снимать халатик, весь измазанный краской.

И тут я решилась спросить:

– Ваша фамилия от слова «стол»?

– Да, отец мой был столяр, дед и прадед тоже, отсюда и наша фамилия, «Тышлер» значит столяр, – ответил Александр Григорьевич. – А мать моя была кавказская еврейка, в девичестве – Джинджихашвили. Я родился в Мелитополе в 1898 году. Семья была большая: восемь душ детей – три дочери, пять сыновей, я последний. Жизнь братьев была не длинная. Один брат – наборщик, большевик – был повешен в 1919 году генералом Слащевым. Другого убили махновцы. Третий был расстрелян фашистами в 1942 году.

У нас в Мелитополе был большой двор. Он был населен ремесленниками – столярами и плотниками, бондарями, кузнецами, жестянщиками. Обитали во дворе и маляры. Они раскрашивали брички, расписывали железные кровати. Уходя в пивную, они доверяли мне свою нелегкую работу, которая для меня была наслаждением. Я расписывал повозки, изображал украинские пейзажи с белыми хатами и луной на черных спинках кроватей. Я вырос в окружении русских, еврейских, украинских, турецких ремесленников – дружно живущих рабочих людей. Двор сыграл в моей жизни большую роль, – закончил художник свой рассказ...

Аí uéi à è àyó'i éái.

1926 áá

В другой раз мы долго разговаривали с Александром Григорьевичем в его мастерской после работы: очень хотелось записать голос художника, его непередаваемую на бумагу интонацию. Он рассказывал о себе, о детстве в Мелитополе, о работе, и его рассказ был наполнен деталями, ароматом времени, романтикой 20-х годов. У нас перед глазами возникали люди, неповторимый быт южного местечка, старая, незнакомая нам Москва. Наш звукооператор А. Романов, уйдя с аппаратурой в коридор, записал нашу беседу. Потом я рассказала Тышлеру об этом, дала прочесть запись. Было что-то детское в том интересе, с которым Александр Григорьевич впервые слушал самого себя. Он ничего не редактировал и ничего не выбросил из этой беседы...

Художник дал нам согласие на продолжение съемок. Ранней весной на все лето и осень Тышлер уезжал работать в Верею. В один из летних дней мы отправились к нему.

Верея – один из древнейших городов Подмосковья. Он возник еще в XIV веке на живописных крутых холмах реки Протвы. Многие в этом уездном городке сохранилось, как было встарь: центральная площадь с торговыми рядами, где и сейчас приютились лавочки с домашней снедью, булыжные мостовые, базар с телегами, улочки то в гору, то с горы, белые домики с цветами в окнах. Уютно и неторопливо, тихо, крики петухов и пенье птиц не мешают работе. Тышлер после войны построил по своим эскизам простой деревянный дом, похожий на скворечник: небольшой, но высокий, в два этажа, с резными наличниками, с маленьким заборчиком вокруг дома, с зеленой травой без всяких грядок.

Мы приехали в Верею. Художник спустился к нам с деревянного крылечка, был добр и гостеприимен. Он пригласил нас в дом.

Прямо, без сеней, была большая комната с уютной русской печью. За печью стояли тахта и стол. Узенькая хлипкая лестница вела наверх, в маленькую комнатку, – там была мастерская с балкончиком. Ветки вписывались в окна. Тышлер умел делать все: сам топил печь, приносил воду, мастерил скамейки, писал этюды или резал из дерева скульптуру, принося из леса подходящий материал.

À. Òùèéàð áÁàðàá àí àðàí ÿ ðààí ò ù í àá ñèèèí ò òðíé è ðàèéííàð Ì . Òààðíá

1974

Показал нам Александр Григорьевич и окрестности. Его дом стоял на краю городка, неподалеку от поля и извилистой речки Раточки с удивительно прозрачной водой. Тышлер в это время увлекался поисками «куриных богов» – камней с дырками. Нашел и для нас несколько таких камешков: «Говорят, они приносят счастье». Позже я увидела у него дома целую коллекцию этих «куриных богов», нанизанных на веревочку и висящую над кроватью.

Эту быструю речку Раточку можно было перейти вброд и выйти на опушку леса. В лесу прогулку Тышлер совмещал с поисками подходящих деревьев для своих скульптур. Мы помогли ему унести целую связку непонятных нам коряг и вернулись домой. Работал он возле дома. В тени стоял верстак, сделанный им самим.

Во время съемки Тышлер резал женскую фигуру из серии «Деревянные дриады». Это была тяжелая физическая работа: сначала предстояло обтесать ствол и придать ему нужную форму. Наблюдая за его работой, мы еще не представляли, что получится... Но постепенно из этого куска дерева начала оживать женская фигура со скворечником на голове; из дверцы скворечника выглядывало прекрасное лицо. Мастер тщательно, выбирая инструменты, вытачивал нос, рот, подбородок – и лицо стало одухотворенным.

Работая над формой глаз, он сказал:

– В античных скульптурах нет зрачков. И я тоже не люблю писать зрачки, – без них взгляд беспределен.

И действительно, женщина смотрела на нас. Так же тщательно он вырезал кисти рук с длинными красивыми пальцами. Руки художника прикасались к дереву с нежностью и точностью, в каком-то музыкальном ритме, очищая скульптуру от всего лишнего. Мы завороженно смотрели, как во время съемки рождалась новая дриада. Поздно вечером мы уехали из Вереи с ощущением гармонии и радости.

Но наша дальнейшая работа была приостановлена: фильм опять был выкинут из плана. Тем не менее материал мы сохранили и, хотя я занялась другой лентой, я уже не могла без встреч и бесед с Александром Григорьевичем. Очень малую часть из них я записала, но как-то обидно владеть этим одной. Вот отрывки из этих записей...

Í îðò ðáò æáí ù ðáííæí èèà

(Ñ í ò è ð à ì è).

1926 ãä

Однажды Александр Григорьевич рассказал о том, с чего начинал:

– Писать надо так, чтобы не думать о завтрашнем дне. Мне приходилось в Мелитополе и на суп из воблы зарабатывать. Я попал в малярную мастерскую, где не было холста, а только фанера, и на фанере заготовлено три овала для портретов: Тараса Шевченко, Троцкого и Ленина. Вот я их и писал, выручая мастеров: им надо было 3-4 дня на фанеру, а я за один день успевал написать. Спрос был большой, все деревни покупали. А я потом масляными красками на фанере написал Толстого, Достоевского, Тургенева и Шевченко – много цвета не клал, двумя красками под сепию; это мне заказали для школ.

Тышлер охотно отвечал на вопросы, был искренен и простодушен. Наш диалог начался с вопроса Александру Григорьевичу:

– Это правда, что вы были во время гражданской войны в Красной Армии? Глядя на вас, как-то трудно себе представить вас в военной форме с ружьем.

– Да, это правда, – ответил он. – Когда большевики вошли в Киев, я сам пошел добровольцем. Я очень жалею, что не сфотографировался тогда, я был очень смешно одет. На мне все было не по росту: шинель не по росту, сапоги были большие.

– А какие это были войска, что это было?

– Я находился в отряде особого назначения при особом отделе 12-й армии. Это было время, когда наши части наступали.

– А что вы там делали?

– Я был художник, но тем не менее мне выдали винтовку (он засмеялся). Правда, мне не пришлось ею воспользоваться. Работал страшно много, делал плакаты, оформлял агитпоезда, спектакли. А дома думали, что мои косточки давно развеяны по земле. Когда закончилась война в двадцатом году, я был демобилизован и вернулся в Мелитополь. Там с Максом Поляновским делал Окна РОСТА. Потом я понял, что надо уезжать, и приехал в Москву. Бедствовал я страшно! Один скульптор, знакомый по Киеву, уехал за границу и оставил мне комнату. Это было замечательно – свой угол! Я хорошо знаю: чтобы живописью заниматься, художник должен писать и писать, и не думать о другом.

– Что, и не думать

о картине?

– О картине само думается, это в тебе: разве ты думаешь о том, что ты дышишь?

– Сейчас часто говорят: современный художник или не современный. А каким вы себя ощущаете?

– Мне кажется, что у художника не должна прерываться связь времен. Если ты хочешь сделать что-то новое, то за этим новым всегда остается связь с прошлым. Не прямая, лобовая, а идущая изнутри, начиная с древней Греции, русской иконы – все лучшее, что в каждой эпохе имеется, входит в тебя. Вот когда художник все это перемелет в себе, вот тогда он будет современным.

У меня часто спрашивают: какого художника вы любите? Наверное, это не совсем правильный вопрос. Лучше спросите, что я люблю в данной эпохе? Я люблю Джотто, а Джотто – это целая эпоха. Икону русскую люблю очень, а потом все ближе – люблю импрессионистов, люблю современных французских художников, Пикассо! А вот у Пикассо очень чувствуется связь времен – внимательно всмотритесь в его вещи. У нас грубо говорят: «Пикассо берет то-то»... Ничего он не берет, как-то эмоционально оно само к нему приходит, как к хорошему хозяину!

* * *

...Мы сидим в его маленькой двухкомнатной квартире на старинном уютном диване. Я рассматриваю рисунки. Тышлер наблюдает. Много рисунков сделано фломастером. Вот портрет старика, замечательно! Очень похож на Рембрандта, – отмечаю я, – а характер рисунка совсем другой?

Тышлер объясняет:

– Работать фломастером – все равно, что играть на рояле, удар сильней или легче...

– Удивительный рисунок. Как вам это удастся, ведь нет определенности, как будто хаос линий, а есть образ, характер?

– Сам не знаю. Если б я знал, как, что и почему, то открыл бы лавочку, – Тышлер смеется. – Или трактаты писал.

– Вы бы не открыли лавочку и не стали писать трактаты!

– Я бы не стал, я бы писал картины.

– Но все-таки, Александр Григорьевич, как вам удастся в рисунке создать настроение?

– Просто одна линия – ничего, а несколько в сочетании уже дают образ. Можно много линий сделать: но какая из них главная? А всмотришься, и находишь, – и видишь, что главная линия есть... Я много учился у Рембрандта, и в этом рисунке очень много значит свет: смотрите – лоб, кончик носа, глаза – освещены, а все остальное в тени. Ой, мне кажется, что легче сделать, чем потом объяснять, как и почему. На вопросы я часто отвечаю: лучше еще раз посмотрите и еще раз. И тогда вы сами поймете и найдете ответ. Глаза художника, как фотоаппарат, они запечатлевают и оставляют у себя, а потом когда-то это проявляется в рисунке или картине...

На многие мои вопросы ему, наверное, и раньше приходилось отвечать, но это его не раздражало – мастер был спокоен и доброжелателен. И я решила:

– Александр Григорьевич, вас часто спрашивают о запечатленных на холстах построениях на голове?

– Тут много всяких причин. Во-первых, воспоминания детства. Те впечатления, которые я получил в детстве, очень сильны, а сейчас у меня есть возможность эти воспоминания осмыслить. Я вырос на юге, у нас всё на головах носили, всё, буквально всё – бублики, пирожки, лимонад, так что эти воспоминания имеют большое значение. А

потом, мне это нравится чисто архитектурно: человек, и у него на голове еще что-то есть. Не обязательно это должно быть у него в руке или рядом – понимаете, я тут абсолютно свободен.

– Я думала, это имеет какое-то философское обобщение?

– Литературщины здесь нет никакой, это архитектурная композиция, чисто образная вещь. Мне хочется сосредоточить все в человеке и на человеке, вокруг него, и тут мне все равно, с чего начать. Если это балаганчик, я могу начать писать с головы, на голове, спуститься на плечи, перейти к рукам и так далее. В результате человек и вещь обретают новый неожиданный единый архитектурный образ. У меня вещи изображены совершенно реально, а соединение их с человеком – фантастично. Я люблю рисовать и писать людей, особенно женщин. Я изображаю их в необычных связях и ситуациях, вне законов перспективы. Казалось бы, человек меньше, чем дом, а в моих работах женщина может нести на голове дом или целый город.

– В этих построениях, мне кажется, видна сущность того образа, который вы создаете.

– Ну да, это понятно: я стараюсь, а уж как кто поймет – это уже их дело.

...Собирая рисунки в папку, Александр Григорьевич предлагает выпить чаю. Он очень любит угощать, накрывать на стол, подбирая посуду по цвету и рисунку. Круглый стол превращается в живописную клумбу.

Разговоры с Тышлером никогда не были суетными. Его интересовали все виды искусства: музыка, литература, поэзия. Он слушал радио, смотрел телевизор, искренне возмущался безвкусицей, но не агрессивно, а как-то с большой обидой на то, что вот такое происходит.

В один из дней, когда наступили сумерки и Александр Григорьевич уже закончил писать и вытирал кисти, я увидела, что он очень устал. Он как будто это почувствовал и сказал:

– Работа художника очень сложна, очень трудна, требует огромного сосредоточения, очень большой какой-то, я бы сказал, изоляции. Вот то, что у тебя сейчас находится внутри, вот эта вещь, она в твоём состоянии, она у тебя – и ты ее переводишь на холст. Это требует огромного напряжения и требует тишины, – какой-то музыкальной тишины. Не глухости, нет, а какой-то... музыки тишины. Изоляции какой-то. Мне не мешает шум трамвая, все это я как бы не замечаю. Но когда я чувствую, что за моей спиной стоит человек, я начинаю нервничать, я раздваиваюсь, теряю нить.

– Поэтому вы так не хотели, – напомнила я ему, – чтобы мы снимали вас за работой в мастерской?

– Да, я должен освоиться, как-то привыкнуть к этому человеку. Однажды, когда я писал этюд в Верее, проходит мимо мужчина, вида рабочего, остановился и смотрит. Я говорю: «Вы мне мешаете», но он – не понимает, что значит «мешает». Раз он не шумит, не разговаривает, спокойно стоит, значит – не мешает. Что сделаешь?! Я продолжал писать, несколько раз стирал, замазывал, а человек все стоял, пока я не закончил этюд. Я у

него спросил: «Вы наверное на работу шли, потеряли столько времени». А он ответил: «Знаете, мне так было интересно смотреть. Только зачем вы стирали, уже и так красиво было»...

Признаться, у меня тоже было

такое ощущение, когда Александр Григорьевич рисовал, а мы снимали. Нарисует и выбросит лист, и еще один, и еще, и только третий оставит, а нам казалось, что все листы были хороши. Чтобы понять, чем он руководствуется в своем выборе вариантов, я спросила:

– Наверное, только сам художник может знать, когда вещь закончена?

– Художник живет, дышит, общается с людьми, значит – у него идет накопление. Вот наш замечательный художник Александр Иванов, который писал всю жизнь эту большую картину – «Явление Христа народу». Я думаю, он так и не успел сделать то, что ему очень хотелось сделать даже в одной картине.

Меня заставил задуматься и его ответ на другой вопрос:

– Александр Григорьевич, я слышала, у вас спросили, работаете ли вы с натуры?

– Я работаю с помощью натуры...

Один из наших разговоров начался с того, что я спросила:

– Вы, Александр Григорьевич, много работали в театре?

Тышлер ответил:

– Я очень люблю театр. Я работал в театре, в разных театрах. И я работал со многими режиссерами: меня ждали иногда год, пока я освобожусь.

– Вы и с Мейерхольдом работали?

– Да, и с Мейерхольдом. Мне с ним было очень интересно. Он показывал фотографии своих спектаклей и говорил, что завидует мне, художнику. Ведь у меня остаются эскизы декораций, костюмов, зарисовки образов, а спектакль – проходит, и от него ничего, кроме воспоминаний, не остается. Мейерхольд не умел рисовать, он мне рассказывал о своем видении спектакля, рисуя карандашом какие-то каракули, похожие на рисунки детей в раннем возрасте. Он очень любил музыку и придавал ей огромное значение в театре: давал мне слушать разную музыку, ставя пластинки, и очень радовался, что я узнаю – что это за музыка, чья. Но поставить спектакль нам так и не удалось. Мейерхольд был арестован. Для меня это большая потеря...

Тышлер замолчал. Мы долго сидели молча, наконец, я вызвала его воспоминания о работе с другим великим режиссером:

– Ведь вы, Александр Григорьевич, были главным художником такого известного театра, как ГОСЕТ, прославились постановкой трагедии «Король Лир» Шекспира, даже Сталинскую премию получили за декорации к спектаклю «Фрейлехс»?

– Да, мы радовались тогда успеху театра, не ведая, что это начало конца, – сказал Тышлер. – Самая творческая жизнь, начиная с 30-х годов, была связана с тем театром, особенно с Михоэлсом. Он был ярок, экспрессивен, имел много друзей, его любили. Я часто рисовал его в гриме и без грима, по памяти. Он не любил позировать, ему было некогда. Работать с Михоэлсом над спектаклем для меня было наслаждение. Он работал много, упорно и настойчиво. Михоэлс любил свое искусство, театр, всегда был доступен несмотря на занятость. Я тосковал по нему, если долго его не видел. Вспоминая Михоэлса, я вижу рядом с ним талантливейшего актера Зускина. Они были неотделимы друг от друга с юности. Им в жизни пришлось много поплакать и посмеяться. А впоследствии они заставляли зрителей вместе с ними плакать и смеяться: какой же король Лир – Михоэлс мог быть без шута – Зускина. И судьба их трагически неразделима...

Тышлер замолчал. Наверное, думал, рассказывать ли мне об этом дальше. И продолжил после паузы:

– Знаете, в январе 1948 года Михоэлс спросил у меня: куда ему лучше поехать посмотреть спектакль как члену комитета по Государственным премиям, в Ленинград или в Минск? Его сопровождал в эту поездку театральный критик Голубев. Я посоветовал ему ехать в Ленинград. Но, наверное, Голубев уговорил его ехать в Минск. А 15 января мы встречали Михоэлса, уже в гробу, из Минска. Больше вспоминать не хочется.

Мы долго сидели молча. Потом я спросила:

– А почему вы теперь для театра не работаете?

Тышлер задумался и не сразу ответил.

– ГОСЕТа уже нет, нет Михоэлса, Зускина – работать с ними для меня было наслаждение. Нет моих друзей, с кем была связана не работа, а жизнь в театре, – все это ушло. Театр забирал у меня все, я выматывался. И когда я почувствовал, что опустошаюсь, что надо уходить, я ушел из театра. И меня спасла и вернула к жизни природа. Она наполнила меня и захватила. Я стал ходить с этюдником и зонтом, писал этюды, вернулся в жизнь.

* * *

Следующий разговор с Тышлером был по телефону 28 января 1974 года. Утро, серая погода, не то снег, не то дождь, и я позвонила Александру Григорьевичу, начав с просьбы – не даст ли номера телефона Московского отделения Союза художников?

– Нет, телефона МОСХа не знаю, я туда никогда не звоню, – ответил он. – Это Флора знает, а мне не надо, я себе работаю. Вот сейчас темная зима стоит, солнышка не видно, трудно писать: всего пару часов в день набирается светлых, а вечером я не пишу, устаю за день. Мое дело такое – физически устаешь, а душа парит, за нею часто кисти не успевают...

– Писатели говорят, что когда работают, то нередко сами не знают, куда их поведет герой.

– Да, это правильно и когда работаешь живописью. Не раскрашиваешь, а пишешь, и когда твой замысел воплощается в цвете, то тебя уже цвет ведет. И это – как музыка: чувствуешь, что здесь не барабан звучит, а флейта, и идешь не за инструментом, а за музыкой. И вот еще: когда задумывается композиция в цвете, то многие художники переносят в воображении свой замысел как бы на полотно. А у меня так никогда не получается! Когда начинаешь писать, то тебя уже не твой замысел, а сам цвет ведет, цветомузыка – это внутри тебя. Тут еще состояние этой вещи, образ ее как-то диктует мне. Но в работе цвет может сильно изменяться или совсем исчезнуть.

* * *

Вспоминаю мастерскую Тышлера. Она находилась все там же, в доме художников на Масловке, совсем недалеко от дома, где он жил. По сравнению с мастерскими других художников его мастерская была совсем маленькая. Одно большое окно, диванчик, небольшой стол, на котором стоит термос с горячим чаем, кружка и блокноты для записей с множеством рисунков. И все годы с первой нашей встречи вся комната по-прежнему была заставлена повернутыми к стене написанными холстами – они так и теснились рядами плотно друг к другу и будто ждали своего часа. А Тышлер чаще всего стоял в небольшом пространстве, не заполненном картинами, за мольбертом и писал новую картину.

Я долго смотрела, как он работает. Его энергия и сила передавались руке, кисти – и казалось, что холст, рука и кисть едины. Работа завораживала, я боялась нарушить это единство. Когда он положил кисть и отошел от мольберта, я спросила:

– Александр Григорьевич! Ведь это у вас не первая работа на эту тему?

– Не первая. Я работаю сериями, циклами, то есть не останавливаюсь на этой теме однажды. Я считаю, что один раз сделать – это недостаточно: когда я один раз делаю, вещь подсказывает мне возможность сделать еще раз, еще повторить, и сделать лучше, интересней. Иногда повторяешься пять-шесть раз, это тема подсказывает. Взять, например, «Цыган»: их я писал несколько раз и таким образом против воли почувствовал шире и глубже мир цыган, их характеры. И в то же время каждая работа серии может жить самостоятельно. Так же и тема «Благовесть»: таких несколько картин, – и эта благую весть несет, что-то хорошее. Я назвал эту тему «Благовесть», но начальству не понравилось, и они назвали ее «Миру мир», ну пусть будет так... Вообще, всем, что я делаю, мне хочется доставить людям радость, ну просто, чтобы человек смотрел. И пускай он сразу не поймет, но какую-то радость уже ощутит.

Ἐἴπῃ ἅ ἰ ἄἴῃ ἑἰ ἑἰ ὀ ἄἄῃ (Ἰ ὀ ἄ ἄ ἄ ὀ ἄ ἄ) ¹ 1.

1970 ἄ ἄ

Художник Тышлер жил, как-то не вписываясь в свое время, жил и работал сам по себе. Однако он всем интересовался, много читал, слушал музыку – и как-то однажды удивил меня, рассказав, что ему очень нравится американская современная музыка. Услышав мюзикл «Иисус Христос – суперзвезда», он не мог оторваться от приемника.

– Это очень сильная музыка, очень образная, в ней неразделимы голос и инструменты, там все едино, – восторженно говорил он...

Тышлер остро воспринимал беды и несчастья других людей. В его маленькой квартире на Масловке было уютно и красиво. Он любил, когда приходили к нему гости, был добр и хлебосолен, любил красивые вещи, но чтобы они не стояли без дела, как в музее, а были частью быта. Много лет собирал старинные вещи, посуду, каждому подбирал красивую чашку к чаю. На круглом столе красного дерева всегда рядом с ним был маленький приемник, он не пропускал последние известия. Живо участвовал в беседах, обладал мягким юмором, но это все было вечерами, когда не было солнца и он не мог писать. А жил он работой.

...Коробки с отснятой пленкой нами тщательно хранились 20 лет. Мы дождалась и начала перестройки, и большой ретроспективной выставки художника. Но к тому времени Александра Григорьевича уже не было в живых. Не было в живых и Нелли Лосевой – автора сценария. В нашей стране, увы, – слава и признание чаще всего приходят после смерти. Да и Александр Григорьевич со своей мягкой иронией все время нас успокаивал:

– Ничего, вот когда я умру, тогда может быть удастся сделать фильм.

И он, оказался прав.

Объединение «Видеофильм» в 1988 году включило в свой план фильм о художнике Александре Тышлере. Сценаристом была Майя Туровская: она много лет знала мастера, любила его живопись. В тот короткий видеофильм мы не смогли вместить многое, о чем нам рассказывал сам Александр Григорьевич, и показать другие прекрасные его работы. Да и расставаться с мечтой о большом фильме нам не хотелось.

Через два года нам повезло: нашелся коллекционер, который был увлечен картинами Тышлера и захотел иметь о нем фильм, снятый на пленку. Он и стал, как теперь говорят, спонсором нашей работы. Майя Туровская написала новый сценарий, используя записи бесед с художником, а мы досняли много материала в его мастерской. Поехали с киносъёмками и в Мелитополь, где прошло детство художника, так что его воспоминания ожили на экране. Нам хотелось показать судьбу большого мастера в контексте времени и эпохи...

Однажды, когда он был болен, мы сидели вечером у него за столом, разговаривали, и он сказал:

– Я заранее знаю, что буду делать, у меня вещи прямо в очереди стоят, они скапливаются, а времени нету, чтобы все сделать. Так и подумаешь – умрешь и унесешь все это с собой, и не успеешь.

...Он умер 23 июня 1980 года. Наш фильм мы назвали «Художник и время. Александр Тышлер». Фильма о себе мастер так и не дождался, но люди, придя в кинозал или сидя у телевизора, смогли увидеть на экране его живым, работающим. И хотя каждый художник берет в руки кисть и палитру с красками – каждый работает по-своему. Но особая неповторимость работ Александра Тышлера, его талант и сосредоточенность, единство его руки с кистью и холстом, внутренняя напряженность и одухотворенность действительно завораживают. И не хочется расставаться с великим мастером.

Источнику великой ненависти пора иссякнуть

Предлагаемое вашему вниманию полемическое письмо читателя редакция передала автору вызвавшей его статьи. Публикуя письмо и ответ на него, мы надеемся, что откровенность оппонентов послужит истине, взаимопониманию и преодолению предрассудков. Пора же, наконец, иссякнуть источнику «великой ненависти»!

Вашем журнале за ноябрь 2001 года я прочитал большую статью некоего Лазаря Флейшмана «У неиссякаемого источника великой ненависти». Вас,

возможно, удивит мое письмо. Дело в том, что я по национальности русский, а по вере – православный христианин.

Еврейским вопросом я интересуюсь всерьез: не читаю разные параноидальные газеты и брошюры наших «еврееведов», а пытаюсь добраться до истинных корней «великой ненависти» между евреями и теми народами, среди которых они живут.

И я не могу промолчать по ряду причин: во-первых, в этой статье написано столько неправды, что просто диву даешься! Во-вторых, именно такие статьи не только не способствуют прекращению «великой ненависти», но наоборот, как бы это сказать, «подливают масла в огонь».

Начну по порядку. Зачем Флейшман взял для разбора совершенно шизофреническую статью некоего А. Мельского? Прежде всего – кто этот Мельский? Кого он представляет? Собирище каких-то ненормальных, у которых нет ни почвы под ногами, ни ясности в голове.

Почему бы Флейшману не взять серьезное исследование, посвященное евреям (пусть даже с антисемитским уклоном, но непременно серьезное!)? Это могли бы быть труды Розанова, Карсавина, Л. Гумилева, Бренье, о. Андрея Кураева и т. д. Нет, почему-то Флейшман берет какого-то неадекватного человека и делает из его писанины вывод: вот, дескать, какие дикари наши противники! А на самом-то деле все глубже, тоньше и гораздо сложнее.

Мельский – враг иудеев, это ясно, но он не менее злейший враг христиан – это тоже ясно. Может ли быть иначе, если основатель христианства был по национальности еврей? Выпады Мельского в наш адрес просто возмутительны, он своими писаниями поставил себя вне Церкви. Я не буду говорить о Мельском как о богослове. Саму же богословскую сторону вопроса о взаимоотношениях христиан и иудеев нельзя не затронуть.

Начнем с того, что христианам антисемитизм не присущ. Пример: почему возник Холокост? В результате чего? Да именно в результате того, что христианство к тому времени из Европы ушло (см. статью В. Розанова «Вынос кумиров»). На место ушедшего христианства пришла истребительная, человеконенавистническая идеология

фашизма. А могло ли быть иначе? Впрочем, это уже тема для другого разговора, я лишь замечу: если уходят Истина и Добро, там немедленно воцаряются Ложь и Зло (под тем или иным видом). Современные антисемиты почти все (за редким-редким исключением) исповедуют атеизм. По нашей вере, атеизм – религия дьявола. А можно ли от последователей дьявола ждать какого бы то ни было добра? Для христиан ли, для иудеев ли? Ответа, я думаю, не требуется...

Теперь перейдем к Евангелию. Лазарь Флейшман обвиняет в антисемитизме апостола Иоанна Богослова. Он пишет: «в синодальном издании Библии рекомендуется начинать изучение Библии не с Ветхого Завета и даже не с первого Евангелия от Матфея, а с процитированного четвертого Евангелия от Иоанна, ибо оно – самое антииудейское».

Я за свою жизнь держал в руках множество экземпляров Библии (десятки наверное!), но ни в одном из них я не нашел этой самой рекомендации, о которой сообщил Флейшман. Тут у меня появляется подозрение: а не есть ли эта рекомендация просто фантазия г-на Флейшмана? Это первое. Теперь второе: если по утверждению Флейшмана «Евангелие от Иоанна – самое антииудейское», то как с этим примирить слова вашего Великого Соплеменника: «Вы не знаете, чему кланяетесь; а мы знаем, чему кланяемся: “ибо спасение от иудеев”» (Евангелие от Иоанна, 4:22). Замечу, что этих слов нет у других «менее антииудейских», по слову г-на Флейшмана, евангелистов. А как в этом Евангелии описаны фарисей Никодим, Мария Магдалина, Иосиф Аримафейский, исцеленный слепец?! Сколько добрых и нежных строк о представителях вашего народа! Но все забыл, все закрыл г-н Флейшман при помощи штампа: «антииудейское Евангелие».

Теперь что касается слов Иисуса Христа: «Отец ваш – дьявол и т. д.» Этот текст надо употреблять крайне осторожно. Дело в том, что, во-первых, эти слова обращены к «неверующим» евреям, то есть они приложимы к неверующим вообще, в том числе и к русским. Во-вторых, христианские писатели в своих толкованиях придают этим горьким словам совсем не тот смысл, что извлекает из них г-н Мельский и иже с ним. Пример: св. Макарий Египетский говорит: «Слова “отец ваш дьявол” приложимы ко всему грешному роду Адама». Св. Иоанн Златоуст: «Горе тебе, человек, Сам Христос назвал тебя сыном дьявола»!

А взгляды г-на Мельского (Б-г Ветхого Завета и Б-г Нового Завета – разные боги) церковь осудила с самого начала. Другой ваш соплеменник сказал: «Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим., 3:16). Под словом «Писание» он разумел только Ветхий Завет, ибо Нового тогда еще не было. Он был только в стадии написания. И мне просто непонятно, для чего и из какого сундука извлек г-н Мельский этот хлам?

А приписывать евреям антисемитские выпады просто смешно. Напомню, что все Евангелисты и Апостолы (за исключением Луки, он был нееврей, но иудей) были евреями.

Пойдем дальше. Христиане никогда не упрекали иудеев за то, что те соблюдают Моисеев Закон, но христиане постоянно упрекали иудеев за то, что они этот Закон не соблюдают. За то, что иудеи подменили Тору Кабалой и Талмудом, которые ничуть не похожи на тот закон Моисея, что известен всем.

Да, христиане убивали иудеев. Но ведь и иудеи убивали христиан. Да, представьте себе! Нет, я не стану говорить о младенцах, убитых с ритуальной целью (об этом ниже!), я буду брать абсолютно достоверные факты истории: в 115 году восставшие

иудеи уничтожили на Кипре множество христиан (счет на тысячи!), во времена восстания Бар-Кохбы в 133-135 году иудеи во множестве избивали христиан в Палестине (тоже счет на тысячи), в 939 году хазарский царь Иосиф «низверг множество необрезанных» – историки поясняют: перебил всех христиан, что жили на территории Хазарского каганата (опять-таки счет на тысячи!).

А вот конкретные случаи: когда иудеи избивали христиан на юге Аравии в начале VI века, то с ними пострадал св. мученик Арефа (память 6 ноября), в XI веке иудеи замучили св. Евстратия Печерского (память 10 марта). Л. Н. Гумилев говорит, что это не единственный случай (см. «Древняя Русь и Великая Степь»), да зачем ходить так далеко? Св. благоверного царя Николая II убил человек, которого звали Янкель Юровский.

Вот я привел исторические факты. Как же их не разглядел г-н Флейшман? Итак, мы видим, что, несмотря на множество уверений со стороны иудеев, что они «христиан никогда не убивали», такие случаи все же имели место.

Да, христиане убивали тех своих собратьев, что перешли в иудаизм, однако требование убивать христианина, принявшего иудейство, у нас законодательно не зафиксировано. Вот передо мной лежит Кормчая Книга (это основной Свод Законов Православной Церкви), так вот там нет ни слова о том, что надо налагать уголовные наказания на вероотступников, кроме, разумеется, отлучения их от Церкви. Отлучение от Церкви (у православных христиан) не есть активное пожелание зла (в отличие от католиков).

А вот что касается иудеев, то их законы предписывают карать вероотступников крайне жестоко. И удерживает их от жестокости только гражданская власть. Представить нельзя, что-бы началось, если бы власть в стране (все равно какой) перешла в руки раввинов! В 1995 году был убит премьер-министр Израиля Ицхак Рабин. Следствие установило, что руки фанатика-убийцы направляли раввины, ибо по их мнению Рабин совершил ряд преступлений религиозного характера. В 1994 году эстремист-иудей открыл огонь из винтовки по мусульманам, которые после молитвы выходили из хевронской мечети. Погибло 40 человек. Это факт! Тут никуда не деться!

Откроем Тору: «Любите и вы пришельца, ибо сами были пришельцами в земле Египетской» (Втор., 10:19). Это известно всем. А теперь откроем Талмуд: «за убийство язычника еврейский суд не наказывает» (трактат Сангедрин), «если язычник убил язычника или убил еврея, он отвечает, а если еврей убил язычника, он не отвечает» (трактат Авойда Зора). Вот эти строки известны далеко не всем.

Я своими ушами слышал в синагоге, как раввин толковал законы Талмуда: «Если мы видим какой-либо алтарь, то мы обязаны его разорить. Но, к сожалению, гражданские законы являются для нас препятствием». Я еще раз напоминаю, что у христиан таких повелений относительно иноверцев нет (см. Кормчую Книгу).

Да, сейчас иудеи не делают ничего плохого, но мы очень опасаемся, что они это плохое могут сделать, получи они такую возможность. Талмудические правила ведь никто не отменял.

«А для иудея, правоверного еврея, нет священных текстов выше Торы», – пишет Лазарь Флейшман. Так ли на самом деле? Не лукавит ли он? Передо мной трактат Талмуда «Пиркей Овойс» с комментариями раввина Пинхаса Кегати. Издание 1990 года. Он там рассуждает так: Слова Танаха «Ласки твои слаще вина» надо понимать

следующим образом: вино – это слова Торы, а ласки – это слова Талмуда. Иначе говоря – Талмуд выше Торы. Вот это-то нас, христиан, и возмущает. Талмуд учит: «еврей всегда вправе нападать на христианина и убивать его вооруженной рукой» (трактат Авойда Зора). Великий Маймонид поучает: «запрещается чувствовать сожаление к неверному, когда видишь его тонущим в реке или погибающим. Если он близок к гибели, не должно его спасать» (комментарий к трактату Авойда Зора). Вот что возмущает христиан, а совсем не то, что евреи не едят свинину и совершают обрезание.

Случайно попал на «Балладу» Лермонтова («Куда так проворно, жидовка младая?») Я не буду пересказывать сюжет, можно найти это стихотворение в любом сборнике. Ну что? Ну почему Лермонтов его написал? Какие наблюдения из жизни заставили его сделать это? Конечно, можно воскликнуть: «Средневековый фанатик! Черносотенец! Антисемит! Такого быть не могло! В Торе написано, и т. д. и т. п.» Да в Торе-то написано, но как толкуют эти слова раввины? Вот в чем вопрос!

Странно выглядят требования евреев принести им извинения за те обиды, что причинили им наши предки 500 лет назад. Вообще, разобраться в ошибках 500-летней давности очень и очень трудно. Тем более, что и евреи нанесли нам обид не так уж мало (см. выше). И кто кому нанес их больше, теперь не подсчитать. Повышенная же обидчивость евреев понятна, ибо Талмуд учит: «Евреи более приятны Б-гу, нежели ангелы». То есть как вы, христиане, смели обидеть тех, кто более ангелов приятен Б-гу?! Страдания еврея ценятся в еврейских глазах во много раз дороже, чем страдания, скажем, русского или украинца; ведь неевреев Талмуд попеременно сравнивает то с собаками, то с ослами, то со свиньями.

Продолжаю. Зачем Флейшман повторяет дурацкую и нелепую басню о том, что Михаила Андреевича Достоевского убили крестьяне? Любой школьник теперь знает, что Михаил Андреевич умер своей смертью, умер от инфаркта и никто его не убивал. Зачем же повторять клевету на отца великого русского писателя, клевету уже 25 раз опровергнутую и отвергнутую?! Чужой-то сучок в глазу г-н Флейшман видит, а вот бревна в своем собственном явно не замечает (по слову его Великого Соплеменника) или не желает заметить.

Что касается обсуждения моральных качеств Ветхо- и Новозаветных святых. Праотец Иаков – святой и кн. Владимир – тоже святой. Таковыми их признала Церковь. Обсуждать, какой святой более грешен, – просто кощунство!

Абсолютно не зная русской истории, г-н Флейшман повторяет присказку из советских учебников о том, что-де «Русь крестили огнем и мечом».

Разговор о крещении Руси – тема совершенно особая, сложная, неоднозначная. Об этом надо говорить и говорить, и я не считаю возможным выразиться одной фразой: «Русь крестили огнем и мечом». Такое объяснение этого исторического события есть ну полное его непонимание. Я, повторяю, не могу разрушить это непонимание при помощи нескольких фраз – нужны страницы и страницы.

Два слова о том заявлении г-на Флейшмана, будто бы 30 тысяч русских исповедовали некогда иудаизм. Я не думаю, что это заявление соответствует истине. Во-первых, выше я уже показал, что г-н Флейшман ради красного словца способен солгать, он в своей статье делает это неоднократно. Раз он солгал раз, два, три, то что ему помешает солгать в четвертый раз? Во-вторых, я прочитал не одну книгу по истории Русской Церкви и по русской истории вообще. В этих монографиях подробно

разбираются ереси стригольников, скопцов, хлыстов, молокан и т. д. Людей, вовлеченных в эти ереси, было ничтожно мало – сотни, ну, может быть, 1-2 тысячи. Но сведений о том, что 30 (тридцать!!!) тысяч русских когда-либо исповедовали иудаизм, я не встретил нигде, ну просто нигде! В-третьих, нееврей практически не может стать иудеем. Правда, Тора не закрывает для нееврея дверь в иудаизм, но эту дверь наглухо закрыл Талмуд. Прозелитов Талмуд именуется «проказой Израиля». В доталмудические времена известно множество случаев обращения в иудаизм неевреев (см. Книги Руфь и Юдифь), еще можно вспомнить целое Адиабенское царство, где было множество иудеев-неевреев, да вот еще евангелист Лука был греком по национальности, однако исповедовал иудаизм. Но Талмуд, повторяю, смотрит на прозелитов, как на людей второго сорта, если не ошибаюсь, там говорится, что только через 28 поколений прозелит становится полноценным иудеем. Да и сейчас, сегодня, я сам видел в синагоге приглашение на обрезание, и в этом объявлении говорилось, что обрезание совершается лишь над теми, кто может документально подтвердить свое еврейское происхождение. В-четвертых, Любавичский Ребе говорил: у нас нет задачи обращать иные народы в иудаизм.

Вспомнишь тут слова вашего Великого Соплеменника: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами не входите, и хотящих войти не допускаете» (Евангелие от Матфея, 23:13). Это вам очередной упрек, что вы Тору подменяете Талмудом. Вообще, ваш Великий Соплеменник свое несогласие с иудаизмом выразил такой фразой: «На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают» (Евангелие от Матфея, 23:2,3).

Мы, христиане, взяли из Торы главное, отбросив культово-обрядовую часть, именно то фарисейское крючкотворство, что ставило препоны на пути в Царство Небесное. Иудеи же поступили с Торой наоборот: выбросили главное, подменив заповеди Б-гии «преданиями старцев». Например, заповедь «Не убий» вы трактуете весьма вольно. Я раньше твердо верил, что ритуальных убийств у иудеев, конечно же, нет. Но теперь я открыл многое, что поколебало мою уверенность. Вот тут вышла книга «Кровь в верованиях и суевериях человечества». Это сборник статей, многие статьи глупые и лживые, но есть и очень даже занятные материалы. Там помещен целый перечень (начиная с IV века) убийств, совершенных иудеями. Бесспорно, что многие факты лживы, но не все же! Там приводятся случаи убийств и из недавнего прошлого, и те, что были доказаны в процессуальном порядке. Тут есть еще один важный пункт: над нами, христианами, в Римской еще империи долгое время тоже тяготел «кровавый навет». Но ведь когда убедились, что он ложен, то его отклонили. Но почему же над иудеями этот навет висит и висит? Ну уж за две тысячи лет должны же были разобраться, и, если обвинения были бы ложны, то вам бы их больше не предъявляли. Значит, этот «кровавый навет» не лишен некоторых оснований, значит, что-то все-таки есть. Тут встречаю целое рассуждение о том, что иудеи занимаются ворожбой и колдовством (Тора: «Ворожеи не оставляй в живых»), о том, как пражские раввины-кабалисты создали Голема-гомункула (XVII век). Но это Б-г с ним, с Големом-то. Но дальше читаю: рабби Лев однажды спас юношу, предназначенного для превращения в терафим. (Антоненко С. Встретить Голема. «НГ-религии», 25. 08. 1999.) Вот г-н Флейшман отрицает наличие ритуальных убийств у иудеев, тогда пусть он прокомментирует этот текст.

Я же только теряюсь в догадках и не знаю, что по этому поводу думать...

Продолжаю. Флейшман упрекает Греко-Российскую церковь за преследование раскольников, даже гениального Солженицына он привлекает на помощь. Тут опять ошибка. Этот гипноз, в который погружены многие люди, возник благодаря советским

учебникам и научно-атеистическим лекциям, на которых лекторы из кожи вон лезли, только бы сказать какую-нибудь гадость о Церкви. Раскольников по-настоящему преследовала только царица Софья Алексеевна, Петр I гонения на раскол свернул. Как жили раскольники дальше? Как и все люди. Если не верите мне – отсылаю вас к роману П. Мельникова-Печерского «В лесах», там быт русских раскольников обрисован достаточно полно и ярко. Зачем же извлекать со свалки изъеденный червями миф о тысячах замученных раскольниках? Опять ради красного словца?

Ñeaa: i'adi'ua'neoeui'ooou'ia'ia'doe'ie' :a'ne' Aai'aa'ae'ia' ea'oa'doe'ui'ia' m'ai'da' Aadi'ai'ey. E'ia'ao' XIII' ae'a

Ñi'daa: i'adi'ua'neoeui'ooou'ia' o'aa'aa' o'ade' Nã' Naa'de'ia' O'dai'oe'y. 1264 ãã

*Ī adī ūā aai ſēēā ſōāōōē ĩā āōē-āſēō ſāīōāō Āādī ū ſēī āēēēōđīāēē
ōđēōī ō ōđēōēāī ſēēē ōāđēēē ē ĩāāī ēā ſēī āāā.*

Да, конечно же, ненависть – не самое хорошее чувство. Ненависть опустошает и скукоживает человеческую душу, ненависть, наконец, лишает разума. Но и ненависть бывает разная. Ненависть, возникающая стихийно, как реакция на обиду, несправедливость, оскорбление; и другая ненависть – обдуманная, возведенная в жизненный принцип, ненависть, получившая религиозную санкцию, ненависть, которую человек осознает как нечто положительное.

Ненависть и проявляется по-разному: открыто, бурно, громко; и есть ненависть, которая искусно утаивается, прячется, но все растет и растет.

Тут опять же слова Талмуда: «Чтобы лучше обмануть неевреев, еврей может посещать их больных, хоронить их покойников, делать добро их бедным, но все это должно быть делаемо, дабы иметь покой и чтобы нечестивые не делали зла евреям» (трактат Гитин).

«Поклонись гою, чтобы быть с ним в мире, чтобы сделаться ему приятным и тем избежать неприятностей» (там же).

Раввин Бакаи поучает: «Еврей должен казаться вежливым относительно нечестивых, пусть он оказывает им почтение и говорит: “Я люблю вас” (...), но это дозволено лишь в том случае, если еврей имеет нужду в нечестивом, или имеет основания его опасаться; в противном же случае это является грехом». А вот еще очень ценные наставления: «Гои – ничто иное, как семя скотское» (трактат Иевомойс).

«Вы все евреи, вы люди, а прочие народы не люди, так как их души происходят от злых духов» (очень хорошее наставление! Им мы обязаны раввину Менахему). А вот великий Маймонид: «приказывается убивать и бросать в ров гибели всех изменников Израилю, подобных Иисусу из Назарета и его последователей». Чрезвычайно любвеобильные слова!

«Если ты вытащишь гоя из ямы, в которую он упал, то этим ты поддержишь человека в идолопоклонстве» (трактат Авойда Зора). Нет, ну до чего же миролюбивая и любвеобильная религия иудаизм!

«Проливающий кровь гоев приносит жертву Б-гу» (Бемидбар Раба). Да не отсюда ли берет исток «кровавый навет» на иудеев?!

«Подобно тому, как можно со спокойной совестью убить дикого зверя и завладеть его лесом, так же можно убить или изгнать гоя и завладеть его имуществом» (трактат Бава Басра). Теперь я все больше и больше понимаю причины великой ненависти между евреями и неевреями!

Напомню, что эти наставления и поучения до сих пор никто не отменил и не осудил, для иудеев они до сего дня являются религиозной и юридической нормой.

Как же все это непохоже на Тору, на Великий закон Моисея, который Б-г ему дал на Синае! Вот эти-то талмудические правила, по-моему, и вбили клин между

иудаизмом доталмудическим и иудаизмом современным. Вот где причина антагонизма между иудеями и христианами, а вовсе не в «антисемитизме» евангелиста Иоанна, как это пытается представить г-н Флейшман.

Вы, иудеи, убивали нас, христиан; а мы, христиане, убивали вас, иудеев. Всякое было в истории! Но у нас, христиан, ненависть к иудеям никогда не возводилась в жизненный принцип. Она никогда не получала от Церкви безусловной религиозной санкции, все антиеврейские гонения как правило инициировались светскими властями. Как относилась к иудеям Церковь? Послушаем св. Феодосия Печерского (XI век): «Если видишь нищего, голодного, раздетого – помоги, накорми, одень его. Кто бы он ни был – язычник ли, агарянин ли, жидовин ли». По молитвам св. прав. Иоанна Кронштадтского (XIX век) получали исцеления и язычники, и мусульмане, и иудеи. Да, вот так вот – основатель союза Михаила Архангела молился за иудеев! В писаниях учителей церкви (Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста) вы не найдете призывов к еврейским погромам, «радикальному решению еврейского вопроса» и пр., и пр.

А антиеврейские гонения? Вспомните: хоть один священник помогал фашистам во время Холокоста, хоть один священник кропил Святой водой печи Освенцима? Не было таких фактов? Не было? Так оставим эту тему раз и навсегда. А то ведь и я могу напомнить об ужасных преступлениях таких товарищей как Троцкий, Зиновьев, Кедров, Урицкий, Ягода, Менжинский, Каменев, Свердлов и т.д. и т.п. Сколько они уничтожили христиан? И все они – представители вашего племени.

Так не вам, а нам впору требовать извинений от вас.

Но мы понимаем: за преступления отдельных людей весь народ ответственности не несет.

Поэтому мое предложение: разговор о покаянии за грехи предков наших (якобы) совершенные 500 лет назад, закрыть и отложить, но и мы со своей стороны не будем требовать покаяния от вас за те преступления, что совершили представители вашего народа.

«Великие религии способны иногда ограничивать, а временами и усиливать мощь источников беспричинной, а потому хамской ненависти к целому народу. Ибо апостолы этих религий – тоже люди. И среди них бывают пастыри-победоносцы ненависти, и пастухи-бедоносцы ее» – так заканчивает Лазарь Флейшман свою статью.

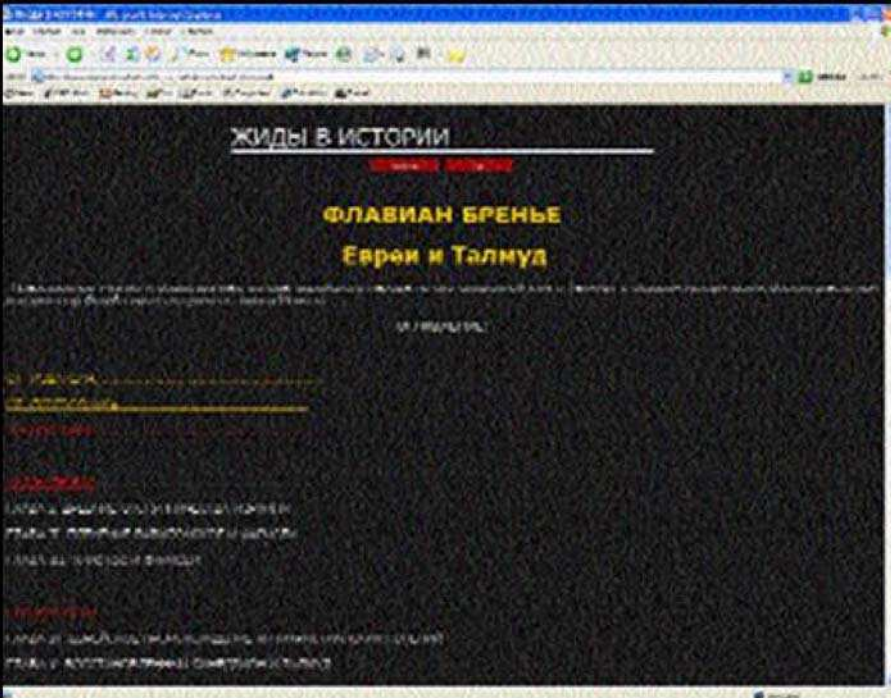
Я же закончу так: ненависть к целому народу не возникает на пустом месте, просто из ничего. (Отказ от свинины и обрезание тут ни при чем!) В тех странах, где имели и имеют место антисемитизм и еврейские погромы, жили и живут ведь и иные национальные меньшинства: армяне, русские, греки, китайцы, мусульманские народы, но погромы почему-то всегда обрушивались именно на головы евреев. И неплохо бы было все свалить на «пастухов-бедоносцев». Да уж слишком это просто. Это не решение вопроса, а искусный уход от прямого ответа, от ответа вообще. Где же этот ответ? Тут есть над чем поразмыслить, тут есть о чем поговорить. Точку ставить рано, я бы сказал: преждевременно. Ибо нельзя поставить точку там, где по-прежнему вырисовывается вопросительный знак.

И поймите же, поймите,

Б-га ради, что статьи, подобные статье г-на Флейшмана, ничего не вызывают, кроме ответной неприязни к вам.

Вотъаа Оееіа

Іаò ааааа

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2002 ТИШРЕЙ 5763
– 9 (125)

Российское православие и «синдром Бренье»

«Οἱ ἰῆδᾶ, ἐ εἶὸ ἰδῆ ἰδεᾶιῆ,

ἰ ἁ ἀῖὸ ἡ ἡᾶῖ».

Ἡᾶῖ ἰ ἑ Ἐρᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ

ἰ. ἰ. Οἰ ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ

Вы, г-н Шилов, осудили мою статью: «столько неправды, что диву даешься», осудили и меня: «ради красного словца способен солгать... неоднократно». Ваш вывод: статья Мельского «совершенно шизофреническая», он «поставил своими писаниями себя вне Церкви» – дорогого стоит. Спрашиваете, кто он, кого представляет? И сами отвечаете: «сборище каких-то ненормальных, у которых нет почвы под ногами». Ошибаетесь! – и потому, наверное, что не читаете «параноидальные газеты и брошюры наших «еврееведов»». А следовало бы, ведь таких тысячи, а уж читателей их – тьма!

Правда ваша – мусульман, вышедших из мечети в Хевроне, расстрелял религиозный «экстремист-иудей». Добавлю: он был врач и лечил и арабских ребятишек. И еще, откройте Бытие, гл. 23 и узнайте: мечеть та – пещера Махпела, купленная Авраамом у Эфрона-хетта за 400 шекелей серебра, чтобы похоронить в ней Сарру, там праотцы и праотери наши покоятся. Но не в том причина, приведшая к убийству мусульман. Вам, наверное известно: в Орле в 1994 году убиты русская женщина и ее 10-летний сын потому лишь, что их сочли евреями. И зря утверждаете, будто у Мельского нет почвы: или русские нацисты не маршируют по городам и столице России? Орловских судей заинтересовало: используют ли евреи христианскую кровь в ритуальных целях? Был приглашен местный батюшка и подтвердил «сей хорошо известный факт». А в 1913 году не смогли найти ни одного православного священника, согласного выступить на процессе Бейлиса с подтверждением кровавого навета. Какие же новые события и выявленные факты дали на то основания орловскому батюшке? Православное священство, увы! – стало более антисемитским, свалив зверства коммунистов на евреев...

О Мельском и я не знал, купил сборник «Вопрос Достоевского»: в начале – Достоевский, в конце завещание Гитлера, а посерединке – он. Упрек мне: «берет какого-то неадекватного человека и делает из его писанины вывод, дескать, какие дикари наши противники!»! А кого представлял Гитлер в 1925 году, публикуя антисемитскую «Майн Кампф»? Разве там не «шизофренический бред неадекватного человека»? А что сделала та книга с одним из образованнейших народов всего за 8 лет? Потокам крови в цивилизованном мире всегда предшествуют потоки чернил.

К слову о Достоевском: вы обратили внимание на мою «ложь» об убийстве отца писателя его крестьянами. Но у меня сведения дочери Федора Михайловича – Любови Федоровны: «...это был акт мести: старик обращался всегда очень строго со своими крепостными». И младший брат писателя Андрей писал: «Отец вспылил и начал очень кричать на крестьян... Один из них... крикнул: «Ребята, карачун ему», и с этими

возгласами все крестьяне... накинулись на него и в одно мгновение покончили с ним» («Новый мир», 1926, № 3, с. 131,132).

Согласен: читать надо серьезные работы, так почему же вы не проработали труды Вл. Соловьева, Г. Федотова, Н. Бердяева? Потому ли, что в них нет «того» уклона? Мне же важны все: и за, и против. Тот же «еврейский вопрос» у Ф. Достоевского и у Вл. Соловьева, вместе ездивших в Оптину пустынь. Потрясающий факт: Владимир Сергеевич на смертном одре читал Псалмы на иврите и просил близких не дать ему заснуть, ибо «нужно молиться за еврейский народ»?!

По-вашему, «приписывать антисемитские выпады евреям просто смешно»? Но такие евреи по рождению, как К. Маркс, М. Гэсс, О. Вейнингер были теми еще антисемитами. Правда, Моисей Гэсс под конец жизни стал сионистом, написав книгу «Рим и Иерусалим», на 35 лет опередив идеи Теодора Герцля.

«Злая порча и страшное бедствие заключаются в том, что человек полагает все вещи, что находит в книгах, истинными, и это тем более, если книги старые», – заметил Маймонид. Среди серьезных исследователей с антисемитским уклоном первый для вас Василий Розанов – публицист, мыслитель. Но «самая-самая серьезная работа» его, «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» – отсутствует в его книге «Метафизика христианства». В ней о евреях много «хорошего», что ж самое существенное – не включено?! Видно, составитель постеснялся, ибо знал, что В. Розанов в 1913 году был исключен из «Религиозно-философского общества» за поддержку в той работе кровавого навета во времена суда над Бейлисом. В Обществе состояли Д. Мережковский, З. и В. Гиппиусы, Д. Философов и многие деятели Православной Церкви, и именно священник К. Агеев предложил в акт исключения вписать: «признав теперешнее мировоззрение В. Розанова глубоко противоречащим христианству и осуждая...». Председатель Общества А. Карташов добавил: «Розанов, который находил в иудействе огромные ценности, который призывал мир к изучению и углублению иудейства, теперь служит хулиганам религиозного сознания». Каковы православные начала XX века?!

Вы пишете: «абсолютно достоверны факты о тысячах убитых иудеями христиан»... Что евреи убивали христиан лишь потому, что те – христиане, узнал я лишь из вашего письма. И вряд ли делают вам честь слова: «Царя Николая II убил Янкель Юровский». Так Янкель, – а не Яков, как именуется он в документах, чтоб яснее стало?.. А что делали десятки русских, латышских стрелков: стояли на «шухере», пока расстреливали царя, цесаревича, его мать, сестер, д-ра Боткина, прислугу? Для вас Истина – «убил Янкель», а для меня – убили большевики по решению Ленина. Злодеяния одних не уравновесить злодеяниями других, и не укрепить христианство с помощью Зла – антисемитизма. В лучшем случае усилится атеизм, в худшем – новый Холокост.

Серьезным автором называете Флавиана Бренье де Сен-Кристо, чья книга «Евреи и Талмуд» в переводе с французского переиздана в Париже в 1928 году под грифом «Долой Зло». Чтобы прочувствовать «серьезность» его, вот цитаты:

«Нужно усилие воли, чтобы заставить себя понять, что этот народ ... имеет нравственный и религиозный закон.., говорящий “убий” там, где христиане говорят “не убий”, “воруй” там, где сказано “не укради”... но христиане не могут поверить, что может существовать религия, не имеющая своей основой добро». «Евреи, не понимающие величия вне ненависти, смелости вне грабежа и удовлетворения вне грязи... – тем не менее являются потомками евреев первых веков, которых Б-жественный Промысел избрал среди всех племен, дабы создать из них избранный народ Б-жий». «Напуганные выпавшим на их долю призванием, евреи только и мечтали, как бы от него избавиться ... в то самое время как Г-сподь ... творит чудеса для возвеличивания народа, Им избранного». «Где та таинственная сила, обратившая еврейский народ в этот “бич

Б-жий” ... вопрос, неизбежно возникающий.., когда приступаешь к изучению губительной работы Израиля в течение более двух тысячелетий». «Развращению евреев способствовали расовые особенности, им свойственные». «Пусть этот краткий труд... (поможет) разгадать такое странное существо, каким является еврей... поможет понять еврея таким, каков он есть, и судить его по заслугам», чтобы перестать «удивляться делу нравственного развращения и материального разрушения, которое еврейский народ распространяет вокруг нас».

Èñññ èçíáðàæáàòññ áéáñ ðíáííé æáðòáíé æáñòíéíé, áðáíé òíéíí ááðáá Ýòí èçíáðàæáí éá ðòáéí í ðíòíòéíí æéý çéíáñíáñ ðòáðáíòéíá ááðáý, èññíéñçáí íá á íáðèñòíéíé í ðííááí áá È. Áíññ «Í áññ éá éðáñòá».

XV áíé

Писано вскоре после реабилитации капитана А. Дрейфуса – а на позорном процессе христиане клеветали, поддельвали документы. Потребовался ряд судов, ибо половина французов протестовала активно. Были и погромы с убийствами евреев. Особо впечатляет у Бренье обещание награды в 10000 франков тому, «кто докажет, что хотя бы одна из цитат в книге неверна». И далее: «С тех пор прошло 25 лет, труд этот (анализ Талмуда аббатом Ролинггом, д-ром богословия, проф. Пражского университета, проверенный другим аббатом, д-ром богословия М. Де-Ламарком) распространен в десятках тысяч экз. в Бельгии, Франции и Германии; многие из раввинов имели его в

руках, и все же несмотря на жажду наживы, столь свойственную Израилю, никто не рискнул попробовать выиграть эту премию... Опыт должен послужить доказательством для самых недоверчивых».

Как это вы могли купиться на брехню Бренье? И вот почему скепсис, что Талмуд не может противоречить Торе? Чтобы понять это, довольно здравого смысла! Еще Бренье: «Фарисеи, его (Талмуд) написавшие, первой задачей ставили возвеличивание и восхваление догматической ценности книги, обдумыванию которой эта секта посвятила около тысячи лет. В этом они вполне достигли цели и поставили свое произведение выше Библии, не внушавшей им ничего кроме отвращения, ибо она напоминала им время правоверия Израиля. Поэтому Талмуд во многих местах провозглашает свое превосходство над Библией. Следующие выписки неоспоримо доказывают: “Библия (слушайте и не говорите, что не слышали) подобна воде, Мишна вину, а Гемора вину ароматическому. Как мир не может существовать без воды, вина и вина душистого, так же он не может обойтись без Библии, Мишны и Геморы”».

У меня нет сомнений, что цитата точная, доказать ее ошибочность и получить премию в 10000 франков невозможно. Мишна и Гемора – составные части Талмуда с комментариями. Бренье использовал шулерские приемы, ложь в «цитатах». Вот и вы цитируете раввина Кегати: «Слова Танаха “Ласки твои слаще вина” надо понимать следующим образом: вино – слова Торы, а ласки – слова Талмуда. Иначе говоря – Талмуд выше Торы». Неясно: чье последнее утверждение? Если ваше, то вы хороший ученик Бренье. Если раввина, то «специфичен» перевод. Ибо Танах – совокупность Торы, книг Невиим-Пророков и Ктувим-Писаний, это Ветхий Завет, и Талмуд к нему не относится! С Бренье все ясно? В синагогах прихожанам читают Тору, не Талмуд: разрешать противоречия в Торе – главное из его назначений.

Зря вы купились на уловку, что ни один раввин, несмотря на «жажду наживы», не сделал попытку получить премию. Считали ниже своего достоинства! Вот кто точно бы получил – Вл. Соловьев: он опубликовал исследование антисемитских толкований Талмуда, проштудировав его и на иврите, и на немецком. А сравним с «жадностью Израиля» такое: «Обычным делом считалось, взяв город соперника, ограбить церкви, ободрать и увести с собою серебряные оклады с икон. Так поступили тверичи в 1372 г., захватив Торжок, так поступили в 1398 г. новгородцы, ворвавшись в Устюг». (Н. Никольский. История Русской Церкви. С. 56,57). Такое – не раз и спустя века после крещения Руси.

Вл. Соловьев перед писанием проработал восемь статей, анализирующих Талмуд, в их числе и Ролинга, а ведь именно на ней основана клевета Бренье! В важной сноске Вл. Соловьев отделяет антисемитов от христиан: «Из этих восьми (считая самого Ролинга...) авторов три антисемита, два еврея и три христианина». Бренье, его переводчики и издатели граф Д. Граббе и князь М. Горчаков – титулованные аристократы по крови на поверку – светская чернь. Но православные ревнители в издательстве «Ладомир» опус Бренье в 1994 году переиздали, и теперь-то уж все будут «знать всё»...

Талмуд активно и даже часто успешно эксплуатируют многие христианские богословы в целях антисемитских. И не из Бренье ли надерганы «цитаты Талмуда», цитируемые вами? Наличие в Талмуде разных мнений не дает возможности воспринимать его как прямое руководство к действию, он – лишь основной источник: на него опираются, определяя конкретное решение. Поэтому Талмуд рассматривает все мнения, часто не

указывая в явном виде конкретный закон, оставляя его определение отдельной задачей, что позволяет взглянуть на тот или иной аспект с разных точек зрения. Мудрецы ввели ряд правил, устанавливающих, какое мнение следует предпочесть, определяя решения. Но и они не пришли к единому выводу, следует ли считать эти принципы абсолютными, или ориентирами. Порой из ряда высказываний вариант, приводимый последним, берется за основу. Для чего избран такой путь познания? Чтобы учиться мыслить, рассуждать на основе многообразия. Талмуд учит не быть «талмудистом».

Георгий Павлович Федотов – один из крупнейших православных мыслителей, писал: «Талмуд был подготовительной школой научного мышления. Сыновья и внуки ученых раввинов становятся в первых рядах европейской науки. А тонкая нервная организация, тонкие пальцы, не изуродованные грубой работой, дают лучших музыкантов – скрипачей, пианистов – наших дней».

Ἀδάμ δὲ, ἐστὶ ἀδάμαρ ἢ ἀγῆ «δὲ ὁ ἀδάμ ἰσὶ ἀδάμαρ ἢ ἀγῆ ὁ δὲ ἰσὶ ἀδάμαρ ἢ ἀγῆ».

Ἀδάμ ἢ ἀγῆ.

XV ἀδάμαρ

Что для иудея важнее, значимее, священнее – Тора или Талмуд? На их основе Маймонид разработал известные миру 13 догматов иудаизма. В них ни слова о Талмуде, а о Торе – догмат восьмой: «Тора имеет Б-жественное происхождение». В «Пиркей Овойс» Шимон а-Цадик сказал: «Мир стоит на трех вещах – Торе, Б-жественной службе и добрых делах». В иудаизме добрые дела важнее веры в

Б-га, ибо если делаешь их – в душе есть Б-г! Потому-то иудеи и не признали Христа даже Мессией, что не наступили мессианские времена, когда «мечи перекуют на орала». Вы пишете: христиане постоянно упрекали иудеев за то, что «они закон (Тору) не соблюдают». Да, недостаточно соблюдают, потому-то до сих пор и не пришел Мессия!

...В Талмуде – о желавшем принять иудаизм: он рабби Гилел попросил объяснить всю Тору, пока будет стоять на одной ноге. «Не делай соседу то, что не хочешь, чтобы делали тебе. Вот и вся Тора, остальное комментарий. Иди и учись», – ответил Гилел (трактат Шабос, 31а). Если бы Талмуд подменял Тору, было бы в нем такое?

«Антисемитизм в своей примитивности и действенности всегда был незаменим, всегда был бесценной программой, которая могла быть понята и принята без секундного размышления и способна была в любой ситуации и при всех условиях все решить», писал Г. Федотов. Это к слову о последнем в вашем списке, чьи работы считаете серьезными, – об отце Андрее Кураеве. Он, «чуть беременный» юдофобией, утверждает: праздник 8 марта ввела хитроумная еврейка Клара Цеткин, чтоб под вывеской его праздновать иудейский Пурим. Но по иудейскому календарю несовпадение может быть и в 20 дней (в этом году Пурим – 26 февраля). Публицист В. Каджая дважды просил о. Андрея доказать факт еврейства Цеткин – в ответ молчание. И «Общая газета» писала, как о. А. Кураев перевирает И. Бунина и М. Цветаеву. А цель – воспитание паствы в антисемитском духе. Нас демонизируют столь успешно, что 120 миллионов русских боятся полумиллиона евреев: «Да, сейчас иудеи не делают ничего плохого, но мы очень опасаемся, что они это плохое могут сделать, получи они такую возможность», пишете вы.

Ὁδὴ ὁσιότητος ἐὰν ἐὰν ὁδὸς ἰὰ ἐὰν ἐὸ αἰ ἂ Ἀ. Ἄδαεὸ αἰ

1899 ἄἰ

Русь «Добрыня крестил мечом, а Путята – огнем», – ссылался я не на советские учебники, а на историка Д.И. Иловайского (1832-1920) – публициста дворянско-охранительной ориентации, автора «Истории России» в 5 томах. В Полном собрании летописей немало о том. Если Никоновская летопись при описании крещения Новгорода

рисует идиллическую картину, то Иоакимовская напротив – насильственную (С. Соловьев. История России. Кн. I. С. 186,187).

Не верите, что 30 000 русских исповедовали иудаизм – но разве неизвестно о сектах субботников и жидовствующих? Понимаю причину, так взволновавшую вас: переход православных в иудаизм – это же движение вспять, противоречащее христианским догматам. По-вашему, миссия иудеев – дать христианство? Жидовствующих новгородских священников Алексея и Дениса назначил на высокие церковные должности в Москве Иван III, его невестка, как и весьма влиятельный придворный дьяк Ф. Курицын, примкнула к секте, а когда та разрослась, всех потопили, либо пожгли... В 1823 году граф Кочубей представил Совету министров Меморандум, указав на широкое распространение ереси – 20 000 жидовствующих! Через год – указ Синода «О мерах к отвращению распространения жидовской ереси»: их уже не жгли и не топили – забирали в солдаты на 25 лет, а прочих ссылали в Сибирь, на Кавказ. На 1 января 1912 года по переписи значилось 8412 субботников и иудействующих – 12305 (в 1897 году по переписи же их было 9232). Но так как те 20000 жидовствующих к концу XIX века были уже в раю (ибо за веру страдали), цифры можно суммировать. И уж совсем удивительное – в советские времена многие иудействующие через прокурора добивались, чтобы в «пятом пункте» их записывали евреями.

Зря думаете, будто Талмуд наглухо закрыл нееврею дверь в иудаизм. В статье моей – процедура приема в иудаизм, предписанная Маймонидом. О случае неординарном израильская газета «Вести-2» писала 11 июля 1996 года. Итак, исповедь священника:

«Антиеврейские труды Иоанна Златоуста использовали в своей пропаганде нацисты... Мы воочию убедились (с супругой) в возвращении народа Израиля в его страну, что противоречило принципиальным утверждениям, что избранный народ раз и навсегда расстался со своим назначением, перешедшим к Церкви, и осужден на вымирание. Я оставил службу у кардинала Вилли Бранса: “Хочу быть евреем и жить в Израиле!”... Родители тяжело пережили наше решение уехать... Приехали в Иерусалим и предстали перед раввинатским судом. Как и полагается по Алохе, нас отсылали три раза. Я воспринимал отсрочки с радостью, ибо знал, что так должно быть... Очень важно донести и до неевреев истинность учения... Время от времени мы навещаем родителей в Бельгии. И они стали понимать и уважать ценности иудаизма, наблюдая нашу жизнь»...

Его новое имя – Эфраим Меир, и в Бар-Иланском университете Тель-Авива он заведует кафедрой современной философии.

Вы видели в синагоге объявление, что обрезание сделают лишь при документальном подтверждении еврейства. Если в метрике мать еврейка – это достаточное доказательство. Как и документ от раввина о прохождении гиора – добровольного перехода в иудаизм. Верна и цитата из Любавичского Ребе: «Нет у нас задачи обращать иные народы в иудаизм». Евреям миссионерская деятельность запрещена, а гиор ограничен и не прост. Раввин должен убедиться: желание серьезно и вызвано духовными, а не материальными потребностями.

Вы утверждаете: «Христиане взяли из Торы главное, отбросив культово-обрядовую часть, именно то фарисейское крючкотворство, что ставило препоны на пути в

царствие Небесное. Иудеи же поступили с Торой наоборот». А вот Розанова, которого почитаете за труды, где выражен антииудаизм, антисемитизм даже, я чту за противоположное – за отказ от юдофобских писаний, покаяние перед евреями за два года до смерти. Он писал: евреи «вовремя и полным рублем расплачиваются», и добавил: «статья в законах Моисея, которую полезно бы переплести в “Правила Св. Апостола” и в “Кормчую”»: Не задерживай до завтра-утра плату его, которую ты должен уплатить работающему сегодня вечером». Цитата с потерей важных нюансов стихов 14-15 гл. 24 Второзакония: заповедь распространяется и на работника-пришельца. И если вы, христиане, ее не взяли, то она – «не главное»? Или «ставит препоны на пути в царствие Небесное»?

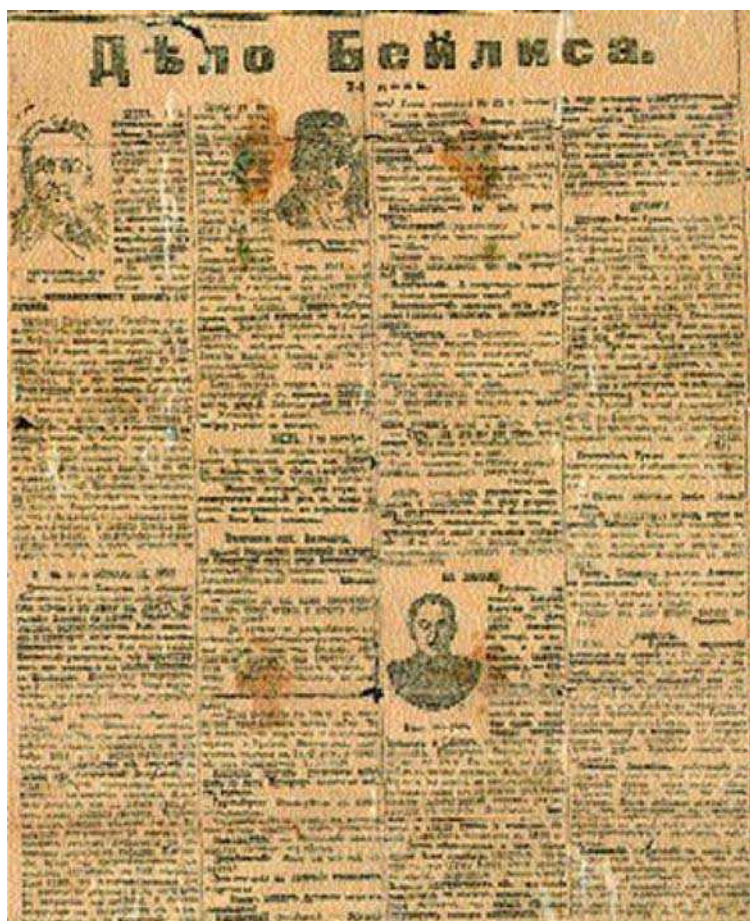
Обличаете: «Заповедь “Не убий” вы трактуете весьма вольно. Я раньше твердо верил, что ритуальных убийств у иудеев, конечно же нет. Но теперь... Ну уж за две тысячи лет должны же были разобраться». А почему «кровавый навет» выдвигали сперва против христиан? Ясно, у них были враги. И разобрались, что это клевета, когда? Только после 325 года, когда христианство стало официальной религией Империи. Когда начались «наветы кровавые» на иудеев? Сами сообщаете: с IV века, когда разобрались с наветом на христиан. Просто христиане использовали опыт язычников: знали, как это больно. Тертулиан писал: «Говорят, что мы во время наших таинств умерщвляем ребенка и съедаем его, и что после столь ужасного пиршества предаемся кровосмесительным удовольствиям».

Язычники, а не иудеи возвели кровавый навет на христиан – секту иудейскую. А «в крови – душа, потому и запрещена кровь» – таков в Торе завет

Б-га. И это самый неопровержимый довод против кровавого навета. Но вы под гипнозом работы Бренье. Он «открыл» глаза, и ныне вы уже не тот наивный христианин... Судьи в Орле, может, и не случайно интересовались, пригласив батюшку, отчего давненько обходились без христианской крови иудеи. Вот уже 56 лет маца без нее – после того как в 1946 году в Польше евреи «похитили и убили» мальчика... А он, очевидно, здравствует и поныне. Но 1600 евреев, чудом спасшихся от газовых печей (очередь не дошла), пали от «праведного» гнева христиан, «верно понимающих заповедь “Не убий”». И конечно, не потому, что не хотелось возвращать отнятое у евреев жилье...

Православный греческий патриарх в Константинополе издал 18 февраля 1870 года циркуляр, где были слова: «Нелепая идея, будто евреи пьют человеческую кровь... Эта ложная идея внушает Нам отвращение. Мы считаем ее предрассудком ограниченных и в вере не твердых людей, – одним словом, Мы официально осуждаем ее».

А что в России? В разгаре суда над Бейлисом департамент полиции акцентировал: «Идет не суд над безвестным дотолем евреем, а генеральное сражение между всемирным еврейством и русским правительством». В том же 1913 году «Русское знамя» – газета православных – в № 177 писала: «Правительство обязано признать евреев народом столь же опасным для жизни человечества, сколь опасны волки, скорпионы, гадюки, пауки ядовитые и прочая тварь, подлежащая истреблению... и уничтожение которых поощряется законом... Жидов надо поставить искусственно в такие условия, чтобы они вымирали, вот в чем состоит обязанность Правительства и лучших людей страны». Не слабо сказано?

Защитники Бейлиса – О. Грузенберг, Д. Григорович-Барский, А. Зарудный, Н. Карабчиевский и В. Маклаков (лишь первый – еврей, а последний – родной брат министра внутренних дел, юдофоба) – заявили: мнение ксендза (из Ташкента. – Л. Ф.), подтвердившего обвинение евреев в кровавом навете, противоречит официальной позиции Римской католической церкви и потребовали сделать запрос Ватикану через Российское посольство в Риме. Ответ Ватикана был таким, что посол не осмелился отправить его в Москву. И дюжина присяжных, из которых семеро крестьян, а пятеро – черносотенцы из «Союза русского народа», оправдали Бейлиса. Антисемит В. В. Шульгин писал: «Предосудительность, которая обошлась так дорого, началась тогда, когда убийство Андриюши захотели сделать орудием политическим, орудием антисемитизма. Это было предосудительно и для политических партий, в особенности для правительства». Оно потерпело поражение в «генеральном сражении с всемирным еврейством», ибо воистину «не в силе Б-г, а в правде»..

На рассуждения о «ненависти иудейской» приведу строки о «стихии» в 1903 году в Кишиневе:

«Евреев выволакивали из тайников в подвалах и на чердаках и подвергали жестоким мучениям. Многим из тех, кто был смертельно ранен, было отказано в последнем ударе, и они были брошены умирать в агонии. Во многих случаях в голову жертвы забивали гвозди или выкалывали глаза. Младенцев бросали на мостовую с верхних этажей, тела женщин подвергались увечьям, насиловали девушек и женщин... Те евреи, которые пытались дубинками отбиться от нападавших, были обезоружены полицией... Местный архиерей разъезжал в экипаже, благословляя народ».

Это – из книги католика М. Вивьена Хэя: «После погромов 1903 года в России лидер ирландских националистов Майкл Дэвитт стал убежденным сторонником сионистского лекарства». Это был год, когда мир потрясли чудовищные известия из Кишинева.

«История никогда не начертала на своих страницах вопроса более тяжелого, более чуждого человечности, более мучительного, нежели вопрос еврейский. Нет более надрывающей сердце повести, как повесть этого бесконечного истязания человека человеком. Можно ли представить мучительство более безумное, более бессовестное? И во сне увидеть себя достаточно, чтобы самого неунывающего субъекта заставить метаться в ужасе и посылать бессильные проклятия судьбе». Это слова православного – М. Е. Салтыкова-Щедрина, современника погромов 1881 – 1882 годов.

Миг истории – всего 20 лет из 16 веков. Воистину – ничто так дорого не обошлось евреям, как порожденное ими христианство.

Вы сообщаете, как относилась к иудеям Церковь, о Феодосии Печерском. Приведу слова другого Владыки:

Î ò áëääãäàò è ññíáíáí íé ñèá
í á óèðùèíñü
èàé èóüàè, ðàáú íí çàèííó è éðíàè,
í á òðèñò èàí ñèèá ÷ääá áá í áí äääðò,
è áñçííèèà ííá í áðää èñò èííúí Á-áí :
«Á-æá í òðèíü èóüááá ñèð òàí íúí
çàèííí,
á í úèü èð ðàññáé.

Стихами выражена мысль митрополитом Илларионом в 1038 году. Он – первый митрополит Киевской Руси, духовник Ярослава Мудрого, сына Владимира Крестителя. Это для вас все равнины одинаковы, а для меня иерархи Церкви разные. А привел я эти слова потому лишь, что они «публикуются по благословию Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II», – писал журнал «Наш Современник» в № 4 за 1998 год.

Вы продолжили: «По молитве св. прав. Иоанна Кронштадского (XIX век) получали исцеления и язычники, и мусульмане, и иудеи». Не вижу в этом ничего удивительного: так должно быть и в иудаизме, и в христианстве, и в исламе – в любой религии. И у иудеев молитва о прощении прегрешений не только сынам Израилевым, но и пришельцам читается каждый год. Удивительно другое: в конце XX века митрополит Петербургский и Ладожский, тоже Иоанн, говорил:

«Подавляющее большинство войн имело в истории характер религиозный, а такие глобальные военные противостояния, как например, вооруженная борьба ислама и христианства, длились то затухая, то вспыхивая вновь, на протяжении многих веков. Но ни одно из подобных столкновений ни по ожесточенности борьбы, ни по масштабам, ни по своим последствиям не может сравниться с религиозной войной, вот уже два тысячелетия упорно и непрерывно ведущейся иудаизмом против Церкви Христовой».

Αεάεερ ι δεΓαδαι υ ά Ι ηηεαι ι ά Εοσι άβεηι ι ηηό ά 1987 ά άά

***Άτο οεοόεηι ηε εεηο, οάηεο άηη άεηι ά άάοεϋ ι ά-ει άοη εοφ-αι εα άά η Άάηι άηεϋ
ι ο Εηαι ί ά - ί ά οάι ο άεϋ ι ηϋ.***

Но ведь нет никаких исторических свидетельств этому! Слава Б-гу, и теперь есть люди, чужую боль чувствующие. Такие, как Дмитрий Иванович Трубин: «Я, русский, адресую еврейской диаспоре России: не ждите кровавой развязки. Бегите отсюда, из этой Б-гом проклятой страны, народ которой Всемогущий лишил разума. Не надейтесь на просветление, на благодарность еврейскому народу за все то, что он подарил России, несмотря на ненависть, жестокость и бесчеловечность». Верится: таких, как Д. Трубин, еще есть как минимум 10-50 человек, что позволит Всевышнему сохранить Россию. А заявление митрополита Петербургского и Ладожского – слово злого слепого для злых слепых.

А что молвят о «2000-летней войне» от лица других крупнейших христианских конфессий?

Папа Иоанн XXIII (1960 год): «Мы пришли к пониманию, что многие века слепота затуманивала наши глаза в такой мере, что мы оказались не в состоянии увидеть красоту Им избранного народа и не смогли в них разглядеть черты нашего перворожденного брата. Мы осознали, что на нашем лице находится печать Каина. Многие столетия Авель жил в крови и слезах, поскольку мы забыли Его любовь. Прости нас за то, что мы несправедливо прокляли имя еврейского народа».

Протестант Р. Бенет (1996 год): «Мы, христианские сионисты, вместе с такими организациями, как “Международное христианское посольство” в Иерусалиме помогаем Израилю, ибо действительно искренне хотим протянуть руку еврейскому народу с любовью, не зависящей ни от чего, кроме глубокой веры в мессианское предназначение еврейского народа. Поскольку мы верим в Танах, мы видим в современном государстве Израиль исполнение библейского пророчества и Б-жественного обещания... Многие испытывают глубокую внутреннюю потребность молиться за Израиль больше, чем за свои собственные страны... И 13 сентября 1993 года, когда... Перес передавал на лужайке у Белого дома Газу и Иерихон в руки заклятых врагов еврейского государства, я поднялся в свой офис в центре Иерусалима, уселся в свое директорское кресло и заплакал».

Учтем и слово протестантского теолога Карла Барта: «Израиль должен знать, что он не одинок. У Израиля есть друзья, которым ничего не надо доказывать... миллионы друзей-христиан, глубочайше преданных еврейскому государству».

В православии болгарском антисемитизма нет и не было! Болгария – единственная полностью спасла от наци всех своих евреев, хотя гитлеровцы хозяйничали там. Сначала сопротивлялся отправке евреев в лагерь смерти царь Борис, но из-за сильнейшего давления Гитлера сдался. Евреев стали грузить в эшелоны. И тогда слово свое сказали иерархи Болгарской Православной Церкви, заявив: «Мы на рельсы ляжем, если поезд тронется»...

Страшится жидо-масонского заговора православный народ России, 120 миллионов просто трепещут перед полумиллионом евреев, судя по письму вашему. Пытаетесь добраться до истинных корней «великой ненависти» между евреями и народами, среди которых они живут? А оказывается, есть народы, у которых ее и не бывало. Грузия отметила 2600 лет бесконфликтного проживания с евреями. К ним и в народах Азербайджана, Голландии нет неприязни. А русских – любят ли? Прибалты – эстонцы, литовцы, латыши? Поляки? Чехи и словаки? И ведь все народы христианские. Исключение опять Болгария, хотя в обеих мировых войнах не была на стороне России, но ненависти к русским там не было и нет.

Исцелиться от «синдрома Бренье» давно пора – тогда иссякнет и «великая ненависть».

Ἐὰς τοὺς Ὀυρανούς αἰ,

Ἐὰς τὰ ἔθνη

Мантия Лира

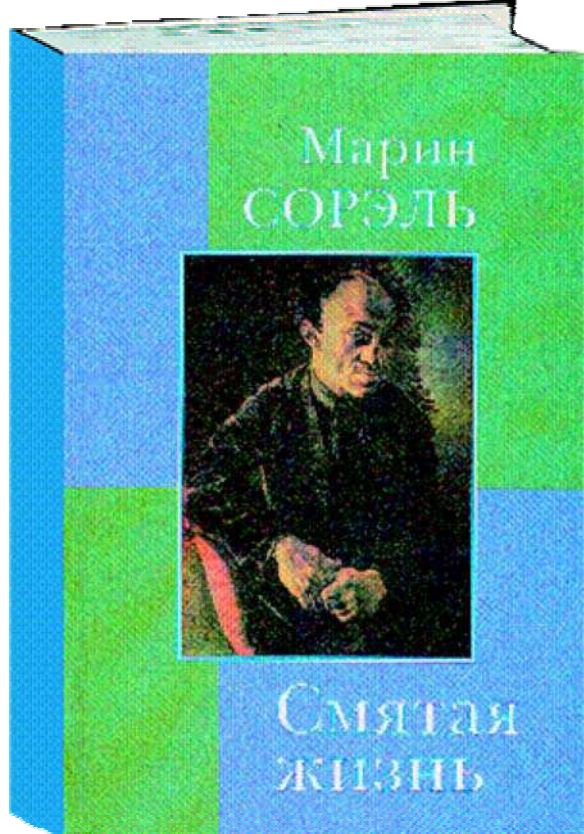
Ī adēi Nīdyeü

Nī yòàÿ æèçíü

Áîñî èíàíèÿ –

Ī.: Yāñè,

2002

Àèàèñè Çààñà

Свою книгу «Смятая жизнь» израильская писательница Марин Сорэль расценивает очень скромно: это всего лишь детали, разрозненные свидетельства, то, что вспомнилось ее героям годы спустя после главных событий, определявших витки судьбы и приближавших трагический финал ее героя. Но этот герой – Соломон Михоэлс, один из самых великих актеров XX века. А в его биографии отразилась целая эпоха, – страшная эпоха истории советского еврейства.

Об этой эпохе обязательно будет написан большой, исчерпывающий труд, а Марин Сорэль видит свою задачу лишь в том, чтобы добавить два-три лоскутка, которые пригодятся, когда придет время сшить из таких лоскутов одеяло. И свою книжку она строит как цепочку эпизодов, не притязая на многое: только фрагменты, дополнения, уточнения. То, что почему-то особенно запомнилось людям, близким к Михоэлсу, прежде всего его дочерям Наталье и Нине.

Но и они, и бывший актер его театра Израиль Рубинчик, и его любимая ученица Этель Ковенская, начав перебирать в памяти очень далекие годы, как-то незаметно для самих себя создали некий эскиз или черновик будущей большой книги. А Сорэль все услышанное записала, сгруппировала факты, и достигнутый ею результат явно превзошел первоначальный замысел. В итоге получилась, конечно, не биография Михоэлса – она со временем будет создана, но до этого еще не близко, – а набросок к ней: живой, ценный и увлекательный. Здесь зафиксированы все основные вехи пути Михоэлса: от первых шагов на сцене вскоре после революции – до зловещего январского вечера 1948 года, когда в Минске была грубо инсценирована автомобильная катастрофа и сердце артиста остановилось.

Тогда начиналась большая антисемитская кампания, которую должна была увенчать полная депортация евреев из столиц в сибирские тундры, чтобы там они вымерли и желательно побыстрее. Дочери Михоэлса помнят, как после гибели отца во

дворе их дома и в подъезде четыре года круглосуточно дежурили специалисты с Лубянки. Помнят закрытие театра ГОСЕТ, аресты его актеров, злобные обывательские пересуды, когда на улице останавливали домработницу Михоэлсов, деревенскую девушку Лидку и шипели: «Да ты понимаешь, у каких жидов живешь?» Помнят стоявший в передней приготовленный чемодан с вещами внучки Михоэлса Виктоши и записку, чтобы после ареста ее родителей этот чемодан отнесли Шостаковичу.

К счастью, арестовали только отца Виктоши – композитора Вайнберга. И было это зимой 1953 года в ходе печально знаменитого «дела врачей», задуманного как прямая прелюдия к массовой высылке лиц с неугодными фамилиями. Вскоре умер Сталин, пал Берия, и «дело врачей» тут же рассыпалось. Вайнберг вернулся домой – трудно поверить, но кажется, очень довольный. Ведь он просидел всего четыре месяца, да к тому же не в Бутырке, а на Лубянке, где, говорили, просто санаторные условия. Там чисто, а для него, ужасно брезгливого, это значило очень много.

Еще труднее понять, зачем Нина Михоэлс вместе с Лидкой решили идти на похороны Сталина. На бульваре, ведущем к Трубной площади, была чудовищная давка, погибли тысячи людей. Нина с Лидкой спаслись, как-то выбрались из-под завала, отползли под стоны умирающих и добрались к себе. Но и полвека спустя Нина не в состоянии объяснить, что побудило ее отдать траурный долг вождю. «Наша гибель была бы абсурдной: пошли на похороны палача своего отца и сами чуть не стали его последними жертвами».

Из таких абсурдов тогда складывалась жизнь. Буквально за два месяца до кончины Сталина Нину исключали из комсомола, объявив, что она стояла с винтовкой у дверей квартиры и караулила, пока Михоэлс, получивший задание сионистов, диктовал приходившему к нему крупному врачу Вовси, своему двоюродному брату, списки советских руководящих деятелей, которых надлежало умертвить неправильным лечением. Нина рассмеялась. Это был мужественный поступок: в те дни самая топорная ложь, самая дикая нелепость сходили с рук. Ведь про «убийц в белых халатах» дни напролет твердило радио, а газеты отводили таким материалам целые полосы. И не зря трудились: официальным версиям советские люди привыкли верить, страшась и отвыкнув жить своим умом. Истории про злодеев-врачей, всех этих рабиновичей, которые из ненависти к русскому народу обрабатывают ядовитым раствором пупки младенцев, я сам, почти младенец, слышал собственными ушами у себя в глухом казахском городке, где прошло мое детство.

Нине хватило смелости обжаловать в ЦК комсомола решение райкома, за которым неминуемо следовало двадцать лет лагерей, – и формулировку смягчили, ограничившись «потерей бдительности». Это означало, что и срок скостят: всего от пяти лет до восьми.

Тем не менее она очутилась среди толпы, рыдавшей так, точно со смертью Сталина наступает конец света. Не жившие в те времена этого, наверное, никогда не поймут. Однако знать подобные факты нужно, чтобы верно ощутить дух истории, в которой прожило свою жизнь поколение Михоэлса. Только почувствовав дух того времени, можно постичь его истинный трагизм, потому что оно пожрало тех, кто вне доставшейся им эпохи, вне советской системы ценностей и созданной ею психологии себя не мыслил, хотя никогда не пресмыкался перед властью и ничем себя не запятнал с точки зрения морали.

Михоэлс был символом этого поколения – с его иллюзиями, с его погубленной верой, с его высокой духовной чистотой. Когда мы это твердо осознаем, прекратятся недоумения, которые у людей другой формации вызывают какие-то кажущиеся им загадочными факты его биографии. Почему, например, он не остался на Западе в 1929 году вместе с основателем ГОСЕТа Грановским, а вернулся в Москву и продолжал верно служить своему театру до последней минуты? Почему всю войну не снимал с лацкана орден Ленина, почему был искренне счастлив, получив за «Фрейлахс» сталинскую премию, почему завел официальный бланк, на котором значилось, что он народный артист СССР?

Все эти «почему» перестанут выглядеть необъяснимыми для тех, кто вдумчиво прочтет книжку Марин Сорэль. Из собранных в ней рассказов становится ясно: к Михоэлсу тоже можно отнести слова Анны Ахматовой, сказавшей, что она была со своим народом, там, где был этот народ во времена бесправия, репрессий и чудовищных лишений. В войну его, руководителя Еврейского антифашистского комитета, послали за океан собирать пожертвования среди богатых соплеменников, и самолет, летевший окольным маршрутом, сделал посадку в аэропорту Лод. Выйти в город не позволили, но Михоэлс был счастлив уже тем, что хотя бы подобрал в легкие воздух Земли Обетованной. Тем не менее, у него и в мыслях не было, что он мог бы когда-нибудь покинуть Россию. И дело не только в том, что Михоэлс понимал патриотизм как пожизненную верность стране, где родился. Михоэлс знал, как он нужен людям,

жившим в этой стране, своим зрителям и тем, кто никогда не видел его на сцене, но шел к нему за защитой в безвыходных ситуациях.

Многие верили, что среди советских евреев он – самый влиятельный, что перед ним открыты недоступные кабинеты и власти к нему прислушиваются. Это было сильное преувеличение, но Михоэлс и правда делал все, что в его силах: писал, звонил, помогал чем мог. Ходили слухи, что его семья купается в роскоши, а на самом деле денег вечно не хватало, их раздавали просителям. Шубу, подаренную ему в Америке, он стеснялся надевать, чтобы не выглядеть миллионером среди окружающей нищеты. Дочерям привез капроновые чулки, которые тогда были для москвичей чем-то из области фантастики. Ему, видимо, подсунули гниль, чулки разорвались при первой попытке их надеть. Девочки потом просто рисовали чернилами «стрелку» сзади на ногах.

Он долго отказывался от отдельной квартиры, потому что в грязных и тесных коммуналках жили его актеры. Когда квартира появилась, стали приходить друзья: режиссер Завадский, художник Фальк, актер Зускин, который жил в том же доме. Дочерям запомнился какой-то вечер вскоре после войны, когда несколько часов друзья просидели почти в молчании – даже обсуждать происходившее было невыносимо, – а прощаясь, Завадский сказал: «Спасибо тебе, Соломон, мы так хорошо поговорили!». Актер Рубинчик однажды застал Михоэлса над книгой Танаха, открытой на сказании об Иове, и слова учителя остались в его памяти на всю жизнь: «Иову все-таки было легче. Было кому жаловаться – Б-гу. А мне некому».

Лучшей ролью Михоэлса был шекспировский король Лир. Он играл эту роль полтора десятка лет, играл без грима: что такое страдание и обида, ему было известно слишком хорошо, чтобы потребовались специальные эффекты, когда надо было это выразить. После закрытия ГОСЕТа имущество труппы распределили по другим театрам, и годы спустя Нина Михоэлс, которая участвовала в студенческом спектакле по той же пьесе, вдруг увидела побитую молью мантию Лира – ту самую, отцовскую – на плечах своего однокурсника, исполнявшего главную роль. Что-то неясное ей самой случилось в

этот потрясающий миг: она бросилась вперед, сорвала мантию и, только прижав ее к себе, уняла бившую ее дрожь. Незадолго до этого такая же дрожь охватила ее, когда из окна поезда, который стоял на крупной станции, она увидела надпись на здании вокзала: Минск.

Мантия теперь хранится в театральном музее Иерусалимского университета. Но музея Михоэлса, который пытались создать собравшиеся в Израиле близкие и ученики, по-прежнему нет. И все еще не изданы материалы из архива, а многое утрачено безвозвратно: сгнуло в хранилищах Лубянки. Бывшее здание ГОСЕТа, где сейчас играет театр на Малой Бронной, украсила мемориальная доска, но все-таки главная память о Михоэлсе – та, что продолжает жить, пока остаются люди, которые были с ним рядом. Каждое их свидетельство бесценно. Книга Марин Сорэль еще раз это подтвердила.

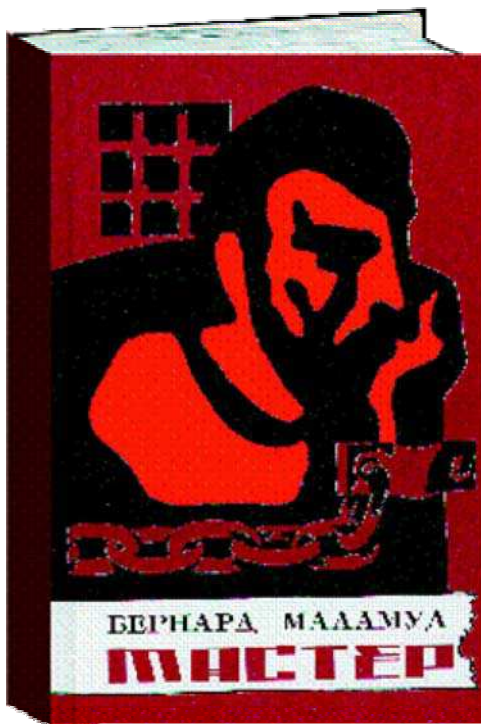
Обретение свободы

Áádí àdǎ Ì àèàì óǎ

Ì àñò áǎ

Ì áǎ ñ àì àèéíéíǎ

Á. Ñòdèö. — Ì.: Èáàèì, 2002

Àèàèíéé Çáàdǎá

Я не думал, что когда-нибудь увижу эту книгу изданной по-русски.

Прочитав в оригинале лет тридцать назад роман Бернарда Маламуда «Мастер», я сразу пресек искушение предлагать эту книгу нашим издательствам, хотя ее выдающиеся художественные достоинства и острая актуальность не могли вызвать и тени сомнения. Но существовал негласный строгий запрет на любые произведения, затрагивающие проблематику, которую в советские времена было предписано игнорировать или освещать в угодном режиме духе, то есть с изрядной дозой умолчания и вранья. А книга американского прозаика впрямую касалась именно такой проблематики.

В основе этого романа – материалы знаменитого дела Бейлиса, судебного процесса над евреем, которому пытались приписать ритуальное убийство русского мальчика, чья кровь якобы понадобилась для изготовления мацы на Пейсах. Процесс происходил в Киеве накануне первой мировой войны. Никаких доказательств у обвинения, разумеется, не было. Все дело от начала и до конца представляло собой грубую фальсификацию, рассчитанную на то, чтобы всколыхнуть антисемитские инстинкты невежественной толпы и спровоцировать еврейские погромы небывалого масштаба.

Черносотенцы, за которыми стояли очень влиятельные покровители, не сомневались в успехе. Оказалось, напрасно: в защиту Бейлиса выступила вся мыслящая и совестливая Россия. Присяжные, набранные из обычных киевских мещан и крестьян, далеких от либеральных настроений, не поверили состряпанной прокурором версии и вынесли оправдательный вердикт.

Что побудило Маламуда обратиться к этой истории полвека спустя? Предки писателя – выходцы с Украины, но сам он родился уже в Америке, писал по-английски и довольно жестко пресекал попытки рассматривать его творчество как факт еврейской литературы. Тем не менее, решающим обстоятельством, которое определило характер всего написанного Маламудом, было полученное им духовное наследие, а в еще большей

степени – историческая память. Если этого не учитывать, пути в его художественный мир окажутся закрытыми.

Теперь, когда «Мастер» в прекрасном переводе Елены Суриц напечатан издательством журнала «Лехаим», это становится понятнее, ощутимее, чем было прежде, когда мы знали писателя главным образом по его рассказам. «Мастер», несомненно, главная книга Маламуда, и дело не только в том, что для нее взят сюжет, который предельно заряжен драматизмом. Разрабатывая этот сюжет, Маламуд не стремился к абсолютной фактологической достоверности: у него многое изменено, а сцена суда, который стал кульминацией дела Бейлиса, вообще отсутствует. На последней странице мы видим только окруженную казаками карету, в которой арестанта везут в судебное присутствие, толпы ненавидящих на улицах и редкие лица сострадающих.

Маламуд не присваивает себе функции историка, его волнует нравственный смысл случившегося в Киеве еще на заре ушедшего века и ставшего как бы прологом к будущим трагедиям, которые были порождены ксенофобией, расизмом, подлостью под идеологическим прикрытием самого отталкивающего свойства. Ему интересен человек в ситуации, не оставляющей, кажется, никакого выхода, кроме смерти, но тем не менее способный до конца сопротивляться и безумию, среди которого приходится существовать, и соблазну личного спасения ценой предательства всего лучшего, что в этом человеке заключено.

Яков Бок, разнорабочий из какого-то штетла в черте оседлости, двинувшийся в Киев после того, как от него сбежала жена и убогая жизнь в местечке показалась совсем невыносимой, восстает против своей участи бедствующего, боязливого и набожного пленника незавидных обстоятельств. Его уговаривают смириться с обычной судьбой таких, как он, жить как все, терпеть и осторожничать, а для утешения ходить в шул. Но это не для него, бунтаря, у которого одна мечта: вырваться, честным трудом скопить немного денег и уехать в Америку. Он кое-что читал, случайно ему попала в руки книжка Спинозы, который окончательно убедил его, что каждому дано «сделать из себя свободного человека», если достанет смелости и воли. Его философия проста: Спиноза был прав, утверждая, что существует необходимость, связывающая нам руки, но ведь ее, необходимость, можно и нужно одолевать, а самое главное – «жизнь есть жизнь и незачем ее пихать в могилу».

Вот с этими верованиями отправляется Яков Бок попытать счастья в большом мире, где ему выпадет по-настоящему узнать, что такое «еврейское счастье». У Спинозы он вычитал то, что было созвучно его настроением, но упустил другое, столь же важное – на взгляд этого еврейского философа, жившего в Амстердаме за два с половиной столетия до Бока, каждый наш шаг предопределен условиями, в которых мы существуем, и нелепа сама мысль, будто нам дано свободно строить свою судьбу. А у Бока все сложилось так, что именно эта идея его любимого мыслителя получила более чем достаточно подтверждений.

Вся вина Бока состояла исключительно в том, что, соблазнившись выгодной работой, он поселился на Лукьяновке, куда евреев не допускали, и выдал себя за русского. А еще раньше, движимый нормальными человеческими побуждениями, он подобрал на заснеженной улице в стельку пьяного господина, который оказался махровым юдофобом, и дотащил его к дому, не зная, конечно, что этот Лебедев и его дочь, озлобившаяся из-за своего уродства и женской невостребованности, окажутся среди самых яростных гонителей Бока, когда он попадет в тюрьму. Уже на Лукьяновке произойдет еще одно роковое событие, и опять всему причиной неискоренимая человечность Бока. Снежным

вечером он встретит старика-хасида, которого чуть не до смерти забили местные малолетние хулиганы, приведет этого несчастного к себе на чердак, промоет ему раны и перевяжет своей старой рубахой. Эта рубаха с пятнами крови да еще горстка муки, из которой Бок пек галеты, станет самой ценной уликой для следствия, раскручивающего его дело.

Подоплека случившегося с Боком очень прозрачна. Некая Марфа Голова, скупщица краденого добра, поссорилась со своим любовником-вором и плеснула ему в лицо серной кислотой, а он отомстил, с особой жестокостью убив ее сына, грозившего пойти в полицию. К тому же речь шла о довольно крупной сумме, которую оставил в наследство мальчику его отец. Будничная криминальная история, но как раз в это время десятник с кирпичного завода, где работал Бок, подал на него донос, потому что именно Бок – новый управляющий – не позволял красть без удержу. Рьяные киевские патриоты, облеченные судебной властью, почувствовали, что случай из уголовной хроники можно превратить в громкий политический процесс против ненавистных евреев. В камере, где арестованного Бока продержали два с лишним года, каждый день подвергая издевательствам, запугивая и унижая, он вскоре поймет механику происходящего: это «заговор против еврея, какого еврея – неважно; случайно выбор пал на него, и жертвой стал он».

Он жил без документов и переступил недозволённую черту, но все это сущая мелочь даже по тогдашним варварским российским законам: наказывают штрафом или месяцем принудительных работ с последующей высылкой из Киева – только и всего. А Боку приходится испытывать такое, что не приснилось бы и в страшном сне. И никак ему не объяснить самому себе «ту связь событий, которая после отъезда из штетла неизбежно его вела в эту самую камеру». Но думать, «что все неожиданности и случайности объяснялись каким-то предначертанием», тоже не вмоготу. Вот он и бьется над этой неразрешимой загадкой, и крепнет чувство, что «темной ночью он угодил в черную паутину потому только, что случайно был рядом, и теперь, как ни дергайся, ему не освободиться из липких ячеек».

Маламуд писал свою книгу, обогащенный знанием, что дело Бейлиса было только одной из первых попыток подобного «заговора против еврея», и что другие попытки окажутся намного успешнее. Вот отчего его не могла бы удовлетворить простая реконструкция хода событий, приведших к тому киевскому процессу. У Бока есть биографическое сходство с Бейлисом, однако и мыслит, и чувствует он уже так, как должен осознавать подобную ситуацию человек, прошедший все круги ада, которым оказалась история его народа в XX столетии. От ощущения нелепости и случайности той трагедии, которую ему выпало пережить, Бок в бесконечные часы тюремного одиночества приходит к пониманию ее закономерности и неотвратимости. Не он – так другой, однако сама трагедия будет повторяться снова и снова, пока над сознанием толпы сохраняют свою власть расовая ненависть, готовность поверить самой дикой демагогии и ищущая для себя выхода озлобленность из-за житейских невзгод.

Выбор судьбы безличен, но «то, что он претерпевает, было лично, было больно», и эта боль переполняет повествование Маламуда. Яков Бок терпит побои и голод, грязь, глумление, провокации, но больше всего остального изводит его страх, что он не выдержит духовного испытания, надломится и подпишет бумагу с «чистосердечным признанием», за которое ему обещана свобода и возможность уехать из России. Понятно, для чего прокурору-антисемиту так необходимо это признание: оно не только укрепит слишком шаткую пирамиду улик, оно развяжет руки для погромов и расправ над всем трехмиллионным еврейским населением империи – появится аргумент, придающий таким

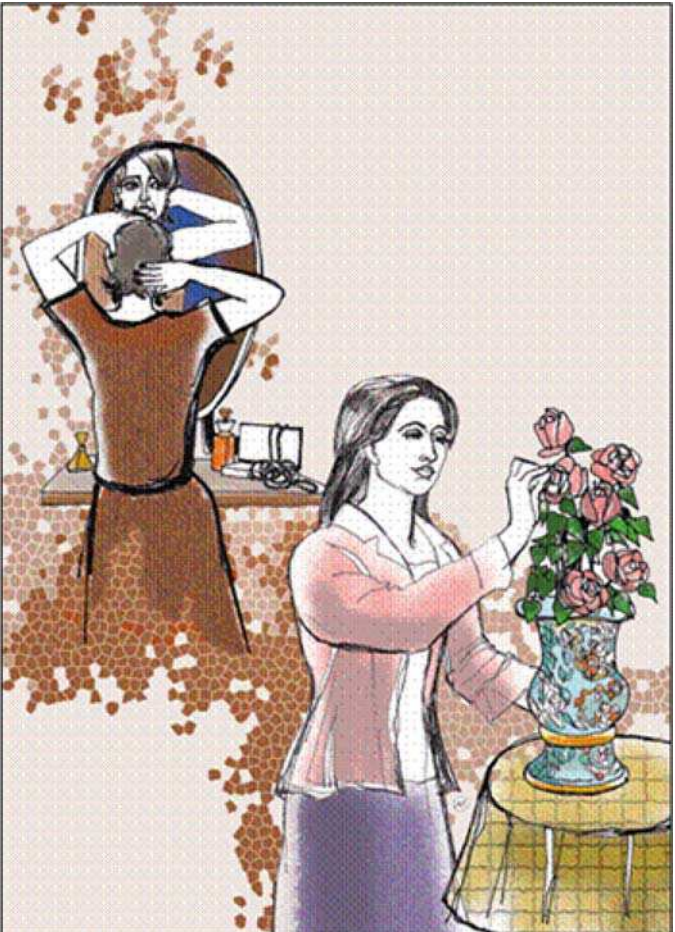
акциям видимость оправдания, насилие можно будет выдать за праведный гнев. Эту тактику потом с успехом применяло к обреченным сталинское следствие, и палач Вышинский называл «признание», выбитое под пытками, «царицей доказательств».

Но признания мучители Бока так и не добьются. В этом человеке, уже не уповающем на справедливость здесь, на земле, да и на небе тоже, пробуждается та неиссякающая энергия нравственного сопротивления, которая, по мысли Маламуда, одна способна дать силы, чтобы вынести самые чудовищные испытания и остаться человеком даже в минуты полной безвыходности. Маламуд, изучивший дело Бейлиса, не стал описывать его счастливый исход потому, что исход чаще всего не бывал благополучным. Для писателя суть дела не в том, увенчаются ли успехом старания доброжелателей выволить Бока из обрушившейся на него беды. Важно другое: как ее переживет и как осмыслит сам Яков Бок. Спасется ли, как обещает «претерпевшим до конца» евангелист Матфей в книге, которую Бок впервые прочел, оказавшись узником? Выстоит ли в поединке с всесильной властью, которой необходимо не просто его раздавить, а уничтожить как человека, достойного своего имени? Осознает ли, при всем его нежелании ощущать себя представителем еврейского народа, а не просто мастеровым Яковом Бокком, что именно на него возложила судьба ответственность за судьбы этого народа, и стало быть, вменила в обязанность его защищать, пусть ценой собственной гибели? Примет ли этот «завет с самим собою» и станет ли свободным? Внутренне намного более свободным в своей зловонной и холодной камере, чем был дома, в ненавистном ему штетле.

Бок уясняет для себя, что, как и все другие, он – человек, принадлежащий истории, трагической и несправедливой истории, которая подвергла тяжкой, а для многих непосильной проверке на прочность нравственные принципы, принимаемые им как безусловные и не допускающие оговорок. Мысли Спинозы о том, что напрасно пытается человек разорвать липкие ячейки паутины, ибо никому не дано ее сбросить, получили зримое обоснование, и Боку приходится это признать. Но Бок – вот в чем для Маламуда героизм его скромного персонажа – не примиряется с тем, что такое положение вещей обесценивает любое моральное усилие, что оно делает бессмысленными сами порывы человека к свободе в ситуации, когда он, кажется, опутан по рукам и ногам. И в камере, где, очень вероятно, оборвется его жизнь, и по пути на суд, от которого вряд ли можно ожидать хотя бы внешних проявлений беспристрастности, Бок твердо держится пришедшего к нему убеждения, что свобода выбора остается за человеком всегда – не выбора судьбы, а выбора духовной позиции. Бок обретает ту истинную свободу, к которой он пришел через страдание и унижение, ставшие для него обыденностью, но не сумевшие его поработить.

ПАРИК

Ááñ àðä Ì àèàì óä

Ида была женщина пятидесяти лет, энергичная, уверенная в себе, здоровая и все еще привлекательная. Думая о себе, она поглаживала свои короткие волосы. Что такое пятьдесят? Всего на единичку больше сорока девяти. Замуж она вышла в двадцать лет, у нее была дочь Эми – ей исполнилось двадцать восемь, и она была недовольна жизнью. Ида думала про нее так: нет у нее серьезных обязательств. Она блуждает по жизни. С самого детства все норовила сойти со своей тропы, и куда ее занесет – одному Богу известно. Эми жила с одним мужчиной, у него, но недавно рассталась с ним и снова поселилась дома.

— У нас с ним ничего общего, – сказала Эми.

– Неужели нужно было потратить два года, чтобы это понять? – спросила Ида.

– Я долго соображаю, – объяснила Эми. – Слишком долго.

Она работала в фирме, занимавшейся импортом, и начальник был о ней высокого мнения, хоть она и отказывалась с ним спать.

Выходя из комнаты, где говорила с матерью, Эми остановилась поправить цветы в вазе – шесть роз, которые неделю назад прислала ей к дню рождения подруга. Она вдохнула исходивший от них аромат увядания и закрыла за собой дверь.

Ида недавно овдовела, три раза в неделю она работала в бутике, где торговали трикотажем. Разговаривая с Эми, она все время думала о своих волосах. Эми наверняка не заметила, как сильно она обеспокоена, а если и заметила, то не принимает это близко к сердцу.

Когда Ида была молода, она носила пучок, который закалывала тремя пластмассовыми шпильками. Мартину, ее мужу, которому суждено было умереть от сердечного приступа, всегда нравились такие прически: узлы и пучки.

– Строго, но сексуально, – говорил он.

Ида носила пучок, пока лет в сорок с гаком у нее не начали выпадать волосы. Заметила она, что волосы лезут, когда расчесывала их щеткой слоновой кости. Однажды длинный волос на щетке остался столько, что она испугалась. Ида рассмотрела себя в зеркале, и ей показалось, что виски у нее почти совсем оголились.

– Наверное, волосы лезут оттого, что я ношу слишком тугой пучок, – сказала она Мартину. – Может, мне стоит подстричься?

– Чуть, – ответил он. – Если лезут, то это гормональное.

– Так что ты посоветуешь? – Ида взглянула на него с тревогой. Он был жилистым мужчиной с седеющими курчавыми волосами и крепкой шеей.

– Во-первых, мой их пореже. Слишком уж часто ты их моешь.

– У меня всегда были жирные волосы. Мне приходится два раза в неделю их мыть с шампунем.

– Надо реже, – посоветовал Мартин. – Ты меня слушай.

– Мартин, я так боюсь.

– Незачем, – сказал он. – Это часто бывает.

Однажды, проходя по Третьей авеню, Ида заглянула в витрину магазина париков. Там на элегантных деревянных болванках висели парики, мужские и женские. Один или два были довольно симпатичные, остальные хуже.

До чего они неестественные, подумала Ида. Я бы такого ни за что не надела. Она испытывала легкое отвращение к парикам и объясняла это тем, что боится полысеть. Если я куплю парик, люди сразу поймут, зачем он мне. А это их не касается.

Ида быстрым шагом пошла дальше по Третьей авеню. Была середина лета, но она зашла в шляпный магазин и купила себе фетровую шляпку на осень, с широкими полями и тоненькой ярко-зеленой лентой. У Эми были зеленые глаза.

Как-то утром Ида мыла в раковине голову и, увидев, сколько волос утекает в водосток, она так перепугалась, что чуть сознание не потеряла. Высушив волосы, она осторожно расчесывала их перед зеркалом и с большим беспокойством рассматривала просвечивающую розовым макушку. Но Мартин, оглядев ее, сказал, что это совсем не бросается в глаза. Да, волосы у нее поредели – а у кого не поредели? – но он сказал, что ничего необычного не замечает, особенно после того как она подстриглась и носит челку. У Иды теперь была стрижка, она делала завивку. А волосы мыла не так часто.

Она пошла к дерматологу, тот прописал ей эмульсию, которую сам же и готовил: спирт, дистиллированная вода и несколько капель касторового масла, перед употреблением взбалтывать. Он велел ей втирать эмульсию ваткой в корни волос.

– Это придаст им силы.

Поначалу дерматолог предложил втирать в голову мазь с эстрогеном, но Ида сказала, что обойдется без эстрогена.

– Эта мазь никакого вреда женщинам не приносит, – сказал врач, – хотя, насколько мне известно, у мужчин от нее яички сжимаются.

– Если у мужчин от нее яички сжимаются, я уж лучше без нее обойдусь, – сказала Ида. Он дал ей эмульсию.

Ида приподнимала прядь волос и осторожно втирала ваткой эмульсию, затем приподнимала другую прядь и втирала дальше. Но что бы она ни пробовала, ничего не помогало, и кожа просвечивала сквозь реденеющие волосы, как луна сквозь перистое облако. Ей было противно на себя смотреть, противно думать об этом.

– Мартин, если я потеряю волосы, от моей женственности ничего не останется.

– С чего это ты взяла?

– Ну посоветуй что-нибудь, – взмолилась она.

Мартин задумался.

– Может, тебе стоит сходить к другому врачу? Этот – какой-то торгаш. Я все-таки думаю, может, у тебя что-нибудь с кожей головы не в порядке – заболевание какое-нибудь или что. Вылечишь кожу, и волосы будут меньше выпадать.

– Да я все время в нее что-нибудь втираю, только лечи, не лечи – толку никакого.

– Как ты думаешь, в чем тут причина? – сказал Мартин. – Какая-нибудь душевная или физическая травма?

– Не исключено, что наследственное, – ответила Ида. – Может, я пошла в отца?

– Когда я с твоим отцом познакомился, волос у него было в избытке. Просто копна какая-то.

– А в этом возрасте он уже начал лысеть.

– В этом возрасте он ни одной юбки не пропускал, – сказал Мартин. – Какой был ходок. И лысина ему никак не мешала.

– Спорим, ты ему завидуешь, – сказала Ида. – Иначе не стал бы ты про это заговаривать именно сейчас.

– Кому я завидую, кому не завидую – давай этого обсуждать не будем, – ответил он. – Давай в эту сферу жизненного опыта не углубляться, это совсем другая история.

– Спорим, ты бы и сам был не прочь набраться такого жизненного опыта. Мне порой кажется, что ты завидуешь вольной жизни Эми.

– Давай в это тоже не будем лезть, – отрезал Мартин. – Ни к чему.

– Так о чем мы можем говорить? – возмутилась Ида.

– Мы же обсуждали твои волосы, разве нет?

– Все, обсудили, – сказала она.

На следующий день она сходила к другому парикмахеру, который посоветовал ей расчесывать волосы как можно реже и ничего больше в голову не втирать.

– Не мучайте свои волосы, – сказал он. – Иногда сушите их феном или сделайте перманент, чтобы придать им объем, но вообще-то старайтесь их не трогать. Про щетку забудьте, только редкий гребень, а я вам пропишу витамины, может, они и помогут. Но я ничего не гарантирую.

– Вряд ли это что-нибудь даст, – сказала Ида, придя домой.

– Как ты можешь это знать, пока не попробовала? – удивилась Эми.

– Совершенно незачем пробовать все, – сказала Ида. – Кое-что понимаешь и так. Руководствуясь здравым смыслом.

– Послушай, – вступил Мартин, – давай не будем себя обманывать. Если от витаминов лучше не станет, тебе придется подобрать себе парик или шиньон. Ничего страшного. Теперь многие этим пользуются. Я же вставил себе зубы, а ты парик наденешь.

– Терпеть не могу париков, – призналась она. – Я даже несколько померила, они так на голову давят.

– Сама ты себе на голову давишь, – сказала Эми.

– Эми, не можешь посочувствовать, так хоть пожалей, – ответила ей мать.

Эми выходя посмотрелась в зеркало.

В тот вечер Мартин скончался от сердечного приступа. Умер он на полу на кухне. Ида выла от горя. Эми сокрушенно всхлипывала. Обе глубоко переживали его смерть.

Несколько недель после похорон

Ида собой почти не занималась. Жила словно в тумане. Она то и дело окуналась в горькие размышления о своей судьбе, пыталась представить себя вдовой пятидесяти лет.

– Как жить дальше, не знаю, – сказала она вслух. Эми рядом не было. Ида знала, что она в своей комнате. – Что такого я сделала своей дочери?

Как-то утром, внимательно изучив себя в зеркале, она помчалась в магазин париков на Третьей авеню. Сохраняя достоинство, она шагала по залитой солнцем многолюдной улице. На вывеске было написано «Парики Нормана». Она осмотрела все парики в витрине и решительно вошла. Хозяин уже видел ее раньше и кивнул ей как старой знакомой.

– Могу я кое-что примерить?

– Все что пожелаете.

Ида выбрала белокурый парик с витрины и каштановый с болванки, стоявшей на полке. Норман их принес, и она уселась перед трехстворчатым зеркалом. Ида дышала громко и взволнованно. Сначала она решила примерить светлый, в юных локонах. Норман помог его надеть – натянул ей на голову, как шляпку-колокол.

– Вот так, – сказал он, отступив немного назад. Достал из внутреннего кармана голубую расческу, прошелся по парику и удовлетворенно взглянул на то, что получилось.
– Чудесный

парик.

– Голову давит, – сказала Ида.

– Он вам не тесен, – ответил Норман. – Хотите, примерьте этот.

Он протянул ей другой, каштановый, по форме напоминавший ту стрижку, которую Эми носила до того, как в колледже сделала себе прическу в стиле «афро».

Норман поправил парик и снова отступил в сторону. Он тоже дышал тяжело и не сводил с нее глаз, но Ида избегала его взгляда в зеркале, а смотрела только на парик.

– Из чего он сделан? – спросила Ида. – На человеческие волосы не похоже.

– Этот, действительно, из искусственного волокна, но он не курчавится от жары и влажности.

– А как за ним ухаживать?

– Его можно мыть в теплой воде с туалетным мылом, а потом либо так сушить, либо феном. Если дама пожелает, может отдавать его парикмахеру, он сам будет его мыть, сушить и укладывать.

– А голова от него не потеет?

– От этого – нет.

Ида сняла парик.

– А вот этот, черный? – спросила она нерешительно. – Мне нравится эта прическа.

– Он сделан из корейских волос.

– Натуральных?

– Да.

– Нет, – сказала Ида, – восточные волосы мне, пожалуй, не подойдут.

– Почему, позвольте спросить?

– Даже не знаю, как объяснить, но мне кажется, я от этого буду казаться чужой сама себе.

– Мне кажется, вы и без того чужая сама себе, – сказал хозяин магазина с таким видом, будто давно собирался об этом заявить. – И еще мне кажется, что парики вас совсем не интересуют. Вы приходите сюда в третий раз, и каждое ваше посещение оборачивается для всех пыткой. Вы же парик пришли покупать, а не гроб.

Некоторые люди выбирают парик с удовольствием – как красивое платье или украшение.

– Я вовсе сама себе не чужая, – ответила Ида раздраженно. – И вообще, речь идет только о париках. Я сюда пришла не на сеанс доморощенного психоанализа. – Щеки у нее горели.

– Честно говоря, я бы предпочел с вами дела не иметь, – сказал хозяин магазина. – И вовсе не жажду заполучить вас в клиенты.

– Tant pis pour vous^[1], – сказала Ида, покидая магазин Нормана.

На улице она почувствовала, что разозлилась не на шутку. Минут пять она стояла не в силах сдвинуться с места. День был очень теплый, но она все равно повязала голову платком. А потом зашла в шляпный магазин поблизости и купила себе фиолетовую шляпку с ворсом.

В тот вечер они с Эми поругались. За ужином они ели рыбу, и Эми сказала, что познакомилась с одним мужчиной и через пару недель, когда он вернется из Калифорнии, она к нему переедет.

– Что за мужчина? – взвилась Ида. – Ты его в баре подцепила?

– Если тебе так уж надо знать, пожалуйста. Я с ним познакомилась в нашей фирме.

– А разве мне не надо знать? – сбавила тон Ида.

Эми смотрела поверх головы матери, куда-то на стену, и белки ее глаз так и сверкали. Ида знала, что это верный признак того, что Эми крайне недовольна, но продолжала:

– Почему ты не снимешь отдельную квартиру? Ты хорошо зарабатываешь, да и от отца тебе осталось пять тысяч долларов.

– Их я хочу оставить на случай крайней необходимости.

– Эми, скажи, каким ты видишь свое будущее?

– Обычным. Не радужным, но и не мрачным.

– Как ты будешь заботиться о себе в одиночку?

- Для этого не обязательно выходить замуж. О себе я позабочусь сама.
- Ты вообще когда-нибудь замуж собираешься?
- Если это будет жизненно необходимо.
- Что значит необходимо? Ты что, не хочешь иметь детей?
- Может, когда-нибудь и захочу.
- Тебе уже двадцать восемь. Сколько еще в запасе?
- Мне двадцать восемь, и лет десять у меня еще есть. Некоторые рожают в сорок.
- Очень надеюсь, – сказала Ида, – что эти десять лет у тебя будут. Я за тебя боюсь, Эми. У меня сердце кровью обливается.
- И само обливается, и меня в своей крови хочет утопить.

Ида назвала дочь дрянью, Эми встала и с мрачным видом удалилась в свою комнату. Иде казалось, что она либо бросится на Эми с кулаками, либо упадет в обморок. У нее раскалывалась голова, она ушла к себе и легла на кровать. Некоторое время она рыдала. Потом долго лежала и пыталась забыть про ссору. Чтобы не думать о том, как ей плохо, Ида встала и взяла альбом со старыми фотографиями. Вот Мартин, молодой, черноусый, подбрасывает малютку Эми в воздух. Вот она двенадцатилетняя пухлая девочка, она тогда не вылезала из джинсов. Но длинные волосы она решила обрезать только в восемнадцать.

Среди фотографий Ида нашла снимок своей матери, миссис Фейтельсон, которой тогда было не больше сорока, в шейгле^[21] из конского волоса. Парик был похож на водруженную на голову буханку хлеба. Как-то раз на улице ее пытался ограбить какой-то мужчина. Она сопротивлялась, и он сбил у нее с головы парик, но, увидев ее поросший пушком череп, сбежал, так и не забрав сумочку. Ортодоксальные еврейские женщины надевали парики как только выходили замуж – для того, чтобы не привлекать (или не отвлекать) никаких мужчин, кроме своего супруга. Порой не удавалось привлечь даже мужа.

Ой, мама, подумала Ида, разве я тебя понимала? А понимала ли ты меня?

Чего я боюсь, спросила она себя и подумала: я вдова, я старею и дурнею. Я боюсь будущего.

Чуть погодя она подошла босиком к комнате Эми и постучала в дверь. «Я ей скажу, что так нервничаю из-за своих волос». Ответа не последовало, она приотворила дверь и сказала, что хочет извиниться. Эми молчала, но свет горел, и Ида зашла в комнату.

Ее дочь, стройная молодая женщина, лежала в зеленой пижаме на кровати и читала при свете бра. Ида хотела присесть с ней рядом, но понимала, что не имеет на это права.

– Эми, дорогая, спокойной ночи!

Эми не отводила взгляда от книги. Ида, стоя у изголовья кровати, вдруг увидела то, о чем давно старалась не думать: волосы на макушке у дочери поредели, и под ними уже просвечивал череп.

Эми, перевернув страницу, продолжала читать.

Для Иды было мукой смотреть на реденеющие волосы дочери, но говорить об этом она не стала. Утром она вышла из дома пораньше и купила себе очень симпатичный парик.

Ī āāāā ā ā ā āēēēēīīīī

Ā. Ī āāāāēēēē

^[1] Тем хуже для вас (франц.).

^[2] Парик (идиш).

ЧЕМ РЫДАЕТ ОН...

Ñ. Áí-ñèé

Стихотворение в прозе

(I ññùàp Yáá)

Между развалинами, откуда раздавались крики и стоны заживо погребенных, блуждали обезумевшие люди: одни дико озирались, точно боясь всего окружающего; другие, подняв руки к небу, проклинали Б-га... Были случаи, что люди уничтожали святые изображения или бросали их в хлева.

Èç ãñàò

I

... И дрогнула земля, где бедный человек, молясь Творцу, справляет свой праздник бытия...

И целая страна, цветущий край лежит в развалинах, в крови. Среди руин дворцов, осколков алтарей, среди живых могил и груды мертвецов – безумие царит, и смерть справляет пир...

И в этот грозный час, под гневный гром небес, под яростный напор разнузданной волны и под немолчный стон истерзанной земли, – поднялась горсть людей, кого жестоко смерть в безумии своем оставила в живых.

– Обманут человек и Небом и Землей!!! – их вопли раздались.

И взоры устремив к далеким небесам, они, отвергнув все, от Б-га отреклись и прокляли Его за гибель очагов, за кровь своих детей, за братьев и отцов.

Затем они, разбив эмблемы

Б-жества и статуи святых, топтали их ногой, бросали на позор в хлева своих ослов, в конуры грязных псов...

II

В семье народов есть один народ-старик, великий патриарх, учитель и отец народов и племен.

Он тоже испытал удары и толчки разгневанной земли...

Не только грозный миг, а целые века под ним качалась твердь, как море в час грозы...

Он много раз терял в развалинах, в огне, среди кровавых нив, в прибое мрачных сил и братьев и детей, грядущего посева и прошлого труды...

ДА, НАРОД МОЙ УВЯЛ

Nai oee I adrae

(ec O.-I. Ayeeea)

Áá, í adra i íe óyē - eae eēnō áá.. Éae ó daáá..

Â í ai óae ó à áóá È í áááeē - i adō áá

ÁíēīñĀ-ñ í áá áñī ÷ á í áúyē í ááíñáá,

Í í í á ò ðí í óēñy çí áí ì, í á áñ ūóí óē í adra

Í á í í áí yēñy ñ çai eē - eae óa çá óae áí í úe eáá

Í e í áe í ec ò í ēí ú í á ðá í óēñy, i ðí çá á

È í adra í í á ñá áóá.. Í á áe ēíñí í í í,

Í á á ðí ae áē í í ò ñ: áñ ò úy - eae ñá áóá í áí í.

Â í ai í í áē ó áá ò áe, i ðe ēá ò áá e ē ó í á çí á

È ç áá e áē í á í e áí á, ec ñ ò áí á á ðá áá

Í á í ðe áá ò ñ ò áí áá e e áñ ē í e í áñ: áñ ò í úe í adra

Í á ñ ðí ñe ē e ó í á ó: áñ ò e, i í ē í í e í áá çá á..

Â óóí á áá ó áí í e í ēyñe ó ó ðáí à áí áá

Çá ò á ðyēñy áá e áe e í ai í e ē í óú e e çí á..

È á áe óí e áí úyō ò í ēí ú - i ðí çá ó: áá e e ñ í áá íñ-

Á-ae e ē áē íñ çá ò e ē - e í áá e e ēñ: áç.

Óáyááá ò e ò e áá ò e áe áí á ò í adra -

Éae eēnō áá, eae ó daáá í ò áe ó e ē í áí í áá..

Áóáú í í ae á - í í ðí áe e áú á í í çí ðí ú á áí e

È áí ðó í á e í ðí ðí eá.. Í í áá á ae á í e,

È ò í áá íñ á ð ò í óp e í ē ð ó ó ðá í e ē áú á áá e,

Í çàðÿÿ í àðíáá, éàé ñáòí÷, ò ðíí ù?
Èòí Á-ñí íáí áñ í éàí áí è ñ-áñò ùá è ÷-áñò ù
Í í ááú çíéí ò ó æ àééé ò ò æüüí á í ðáíí í ÷-áñò ù?
Á ÷üüí áú ñáðáá æ áñò í éäÿ í ðááá áú éá
Ñ í áé áú æ ã-äÿ í áí ááèñò ù éí ðí è ñí é áéá
È ááçáí í í äÿ æ àéíñò ù È ñéí ðáú ááç áðáí è ò -
Èáé ò ÿ æ áéäÿ í í ò á, í í ááðáá äÿ í è ò!
Ý ò á í ðáááá è æ àéíñò ù, è þ áí áí è áðáæ áá
Í í áú í à þ ò ñáðáá, éàé í í ðí éäÿ áðÿáá,
Ááé áéí í ò çí ááÿ ñé Áíñò áí ú Í ðí áó æ ñü
Í ú í á Á-á ò áí é - ñ ò í áí é. Áú ò í áé è ò ðááèñü

Í í á í í çí ðá í í áé á, ó ò í í óé í í é í á ðí á
Æéçí ú - ááç ò áé è ñí ùñéá, ááç ááðú á èñí á
Òáé è ñ-áçé è á í á ðí áá çà ò ùñÿ ÷ è é á ò
Ñí ááñò ù ñí áéú é í í ðú á è ðáçóí í ú é ñí áá ò.
È í í çí ðí í á è áñ í í éí ðí í áé á ÷ á,
× ò í í í ÷-áñò áá ò? Áí éü í ò ó áá ðí á áé ÷ á
× ò í í í çí áá ò? Í á áí éü ò á í áñò í í ú ò çá í ò.
Áá. Í éçé í ú è çá áí úÿ è çí á ðé è í á ðí á!

Í í è è í ó ò ù í á ðá ò á ò? Í í è è áñò ðá ò è ò ðáñí á ò?
Í í è è á ñáðáá í áé áá ò áéÿ í í ò í í é í á - çá áá ò?
Í á ò. Ðáçáóá è ò áñ í á á æ áñò áí í í ú é éé è ÷.
Í í ááçóí í ú é ðáçáí é, í í ááç æ àéíñò í ú é áé ÷!

Îñàæèò èè ðîñà îæéíêéé èèñòíé?

Àèí îãàáí èé èññòóóéé? Çàññòóóéé ðîñòíé?..

Í òñòùí ù çí àí ÿ óàèèè - óñèùóèì Òðááá

Í í î:í àòñý èü ì áðò ááó? Àñéí èü óí àòñý èü

á ãñí áó?

«Ááðéñéé ì èð»,

Í ñý áðí ááè ááðí 1909 ã áá

ИГРА В КЛЮЧ

Èää Ôèíé

Сегодня мы знакомим читателей с израильской писательницей Идой Финк, пишущей на польском языке. Рассказы – из ее книги «Обрывок времени», которая вышла в свет в 1987 году в Лондоне в издательстве «Анекс».

Они только что поужинали, и женщина убрала со стола тарелки, отнесла их на кухню, сложила в раковину. В кухне свет был еще более тусклый, чем в комнате,

желтоватый: стены сплошь во влажных потеках. Они жили здесь уже две недели, это было их третье с начала войны пристанище, две предыдущие квартиры пришлось впопыхах покинуть. Женщина вернулась в комнату и села за стол.

За столом их было трое: она, муж и трехлетний сынишка, толстощекий и голубоглазый. В последнее время в их разговорах все чаще упоминались голубые глаза и пухлые щечки ребенка. Малыш сидел пряменький и смотрел на отца, но видно было, что он едва держится, так ему хочется спать. Мужчина курил сигарету, глаза у него были красные, и он забавно ими моргал. С тех пор как они в панике убежали из второй квартиры, он стал так моргать.

Было уже поздно, десять часов, день давно закончился, и можно было ложиться спать, но прежде им предстояло сыграть в игру, которую они повторяли каждый вечер уже две недели, потому что все пока шло не так, как надо. Хотя мужчина очень старался и движения его были ловкими, а тело гибким, загвоздка была в нем, а не в ребенке. Мальчик все выполнял безукоризненно. Увидев, что отец гасит сигарету, он вздрогнул и шире раскрыл свои голубые глазки. Женщина, которая практически не принимала в игре участия, погладила сына по голове. «Мы еще только разок сыграем в ключ, только сегодня, правда?» – обратилась она к мужу.

Муж не ответил – не был уверен, что это будет действительно последняя попытка. Он все еще возился на две-три минуты дольше, чем следовало бы.

Встав, он направился к двери, ведущей в ванную. Тогда женщина произнесла негромко: «дзынь, дзынь». Она изображала звонок и делала это очень хорошо, ее «дзынь, дзынь» ничем не отличался от тихого, но отчетливого дребезжанья звонка.

Услышав сорвавшийся с губ матери мелодичный звук, малыш соскочил со стула и побежал к входной двери, отделенной от комнаты отростком узкого коридора.

– Кто там? – спросил он.

Женщина (она не встала из-за стола) крепко зажмурилась, словно от резкой внезапной боли.

– Сейчас открою, только поищу ключи, – сказал малыш, после чего, громко топая, бегом вернулся в комнату. Обезав стол, он выдвинул ящик буфета и с громким стуком его захлопнул.

– Сейчас, минуточку, никак не могу найти, не знаю, куда мама их положила, – крикнул он очень громко, пододвинул к этажерке стул и, взобравшись на него, стал шарить на верхней полке.

– О-о-о! Нашел! – радостно, торжествующе воскликнул он. Затем слез со стула, придвинул его обратно к столу и, не глядя на мать, неторопливо подошел к входной двери. С площадки повеяло холодом и сыростью.

– Закрывай, малыш, – тихо проговорила женщина, – ты молодец.

Мальчик не услышал ее слов. Он стоял посередине комнаты, уставившись на дверь ванной.

– Закрой дверь, – усталым бесцветным голосом повторила мать. Каждый вечер она произносила одни и те же слова, а сын каждый вечер всматривался в закрытую дверь ванной. Наконец дверь скрипнула. Мужчина был бледен, костюм весь в пыли и белых пятнах известки. Он стоял на пороге и забавно моргал.

– Ну как? – спросила женщина.

– Опять несколько минут не хватило. Он должен дольше искать. Я протискиваюсь боком, но потом... там так тесно, что не повернешься... И надо, чтобы было больше шума, пускай он посильней топает...

Мальчик не сводил с отца глаз.

– Скажи ему что-нибудь, – шепнула мать.

– Ты очень хорошо все сделал, малыш, замечательно, – рассеянно проговорил мужчина.

– Да, да! – воскликнула женщина. – Ты правда прекрасно все делаешь, детка. Ведешь себя как взрослый, ты ведь уже большой, верно? Знаешь, что если днем, когда мама на работе, кто-нибудь по-настоящему позвонит, все будет зависеть от тебя. Правда? Что ты скажешь, если тебя спросят про родителей?

– Мама на работе...

– А папа?

Ребенок молчал.

– А папа? – испуганно крикнул мужчина.

Мальчик побледнел.

– А папа? – повторил мужчина спокойнее.

– Умер, – ответил ребенок и бросился к отцу, который стоял в двух шагах от него и забавно моргал, но который уже давно был мертв для тех, кто действительно позвонит в дверь.

Ī adāā nī ēūēīā

Ēmī ēē Nō adī ēūēīē

НЕНОРМАЛЬНЫЙ

Èàà Òèíé

... Они говорят, что я ненормальный, а я нормальный. У них самих не все дома, а у меня голова здоровая. Дай-то Б-г, чтобы была больная! Сердце, да, больное, но от этого никуда не денешься.

Ноги у меня кривые – сами видите – и горб. Рост: метр пятьдесят. Лицо такое, что дети пугаются, но мои... мои дети были лучше всех, каждый день, утром и вечером, они целовали меня в обе щеки и говорили: доброе утро, папа, спокойной ночи, папа.

Может, вы слышали, доктор, что у таких уродов рождаются красивые дети? Слыхали? Мои были красивые. Волосики светлые – чистый шелк! А ноги ровненькие, толстенькие, как сардельки. И я, и жена – она была простая хорошая женщина – мы говорили: Б-г справедлив, он дал детям то, чего у нас нет и в помине... Их у нас было трое, все девочки. Старшей семь лет, младшей – три.

Я мусорщик. Подметал улицы, раньше было что подметать, это нелегкий кусок хлеба, доктор, постоянно дышать мерзким запахом, поверьте. Я потом отмыться не мог, даже в бане. В этой самой бане. Моя старшенькая уже пошла в школу и принесла дневник – сверху донизу одни пятерки. В школе ее иногда дразнили: у тебя папа мусорщик, но она... золотое сердце... Такой ребенок... скажите, доктор, можно это понять? Нельзя.

Потом я подметал улицы в гетто, но это только так называлось: подметал. Мешал кому-нибудь этот мусор? У меня была метла, и я с ней ходил. Дети были голодные, а ходишь так и иногда что-нибудь найдешь... понимаете... Или кто-нибудь подаст.

Младшие не понимали, но старшая... хо, хо... золото, не ребенок. По-прежнему каждый день: доброе утро, каждый вечер: доброй ночи. Я ей в ответ: спи спокойно. Спокойно...

Когда была первая акция, говорили, меня возьмут, потому что брали калек, а у меня горб и рост от горшка два вершка. Я спрятался на чердак.

Вот так, доктор! Когда была вторая акция, мы убежали в лес.

Когда была третья, я ходил с метлой по улице, потому что на работу выходил в пять утра, а акция началась в половине шестого.

Вы знаете, какие они, эти метлы? Ивовые, длинные, густые. А сколько во мне росту, видите? Метр пятьдесят.

Когда машины въехали на площадь перед баней, я присел в уголке между двумя домами, и метла меня загородила. Никто, ни SS, ни Ordnungsdienst* не заметили, что там человек, думали, просто метла. Я дрожал так, что метла тряслась. И все слышал, потому что их загнали в баню и потом только стали грузить на машины. Я говорил: помоги, Б-же, помоги, Б-же. Сам не знал, чем этот Б-г может помочь. Что я, знаю, есть Б-г, нету? Откуда...

Понимаете... кто-то бежал, убегал, и рукой задел метлу. Она упала, и теперь, если б кто-нибудь поглядел в угол, мне была бы крышка. Я боялся поднять метлу, потому что их уже вели к машинам.

Да, доктор! На первой машине стояли мои дети, три мои девочки... Я видел, что старшая все понимает, а маленькие плачут просто от страха. И вдруг они перестали плакать, и самая младшенькая – три годика! – закричала: «Папа, папа, иди к нам!».

Они в и д е л и. Только они меня видели в этом закутке. Только их глазки. – Ну и что вы думаете, доктор? Отец... я вышел, подбежал к ним, и мы вместе... да? А я приложил палец к губам, прикусил его со страху и мотал головой: не кричите, нельзя, тихо, ша!

Две младшие еще раз меня позвали, но старшая, первенькая, закрыла им рты рукой. И потом уже было тихо...

А теперь дайте мне справку, что я нормальный, не то меня выгонят с работы и упрячут в больницу.

Или... дайте лекарство – чтоб не нужно было прятаться и кричать: «Иду! Я иду!»... ведь они уже все равно не слышат.

Í áðááä ñ ï íëüüéíã

Êííí èè Ñò áðííëüüéíé

* - Служба охраны порядка (нем.).

СМЕРТЬ ЦАРИЦЫ

Èää Øeíé

Смерть Царицы осталась бы одной из миллионов безымянных смертей, не случись она ясным погожим днем. (Таким я его себе представляю: многое из того, что я расскажу – плод моего воображения, но лишь в деталях, а не в главном.) Случилось это в предзакатную пору, когда деревья отбрасывают длинные тени, а в воздухе висит легкая голубоватая дымка, густеющая и темнеющая с каждой минутой, хотя до вечера еще далеко.

Тот факт, что Б. решил перед заходом солнца пройтись по улице, на которой уже лежали длинные тени, лишил эту смерть анонимности, определил ее точное место во времени и пространстве, призвав Б. в свидетели. Когда Б. нагнулся, Царица была еще жива. Но вскоре перестала дышать.

Она вовсе не походила на царицу. Скорее на пригожую крестьянку, потому что была румяная, круглолицая, с ямочками на щеках. Охотно смеялась, обнажая в улыбке очень мелкие и очень белые зубы. Смеялась тоненько и кокетливо, а сама была крупная, дородная. Мы называли ее Царицей по примеру одного поэта, который впервые увидел Стефанию зимой. Поэт пил сырые яйца, когда она вошла в комнату, заиндеветшая, в барашковой шапке, раскрасневшаяся от мороза, в высоких сапожках. Увидев ее, поэт осторожно отложил недопитое яйцо на подоконник. «Царица!» – воскликнул он. Поэт был тощий, с остроконечной бородкой и рядом со Стефанией казался гномом. Так она стала Царицей, ибо велика сила воздействия на нас поэтов, даже если они видят корону и трон там, где стоит стог сена. Стефании это очень понравилось, она весело и лукаво рассмеялась, как, наверное, рассмеялась, увидев на улице идущего ей навстречу Кюрха – удивленного, ошарашенного, растерянного, который – как я себе это представляю – крикнул: «Стефания!» Он произносил ее имя по-польски – Стефания, а не Штеффи, что было лишним доказательством его расположенности. Другие жандармы – она работала уборщицей в Feldgendarmerie^[1] – звали ее Штеффи.

Не знаю, что это была за улица, по-видимому, одна из центральных, а скорее всего главная, похожая на бульвар с двумя рядами деревьев вдоль пешеходной дорожки; дорожка упиралась в круглую площадь с фонтаном, над площадью сверкали купола и башни. Таким мне видится место встречи Стефании и Кюрха, хилого немца с лысым грушевидным черепом, в круглых очках и, разумеется, в мундире Feldgen-darmerie. Больше того, мне кажется, что встреча произошла вблизи этой самой площади с фонтаном, уставленной скамейками и обсаженной кустами жасмина, – там обычно сидели матери с детьми, так что вероятно туда и направлялась Стефания с ребенком. Не знаю, мальчик это был или девочка, но что Кюрх выглядел именно так, знаю, потому что его видела.

Я видела его в крестьянском доме, где после принудительного переселения нашли приют родители Стефании и она сама, в хате, стоящей в саду на окраине маленького городка (это был наш родной город) и такой низкой, что мальвы и другие красные цветы заглядывали в окна. Очень был живописный домишко, пропитанный запахом полевых трав и мяты. Только теперь я понимаю, какой живописный – тогда я думала: хорошо расположен, близко к лесу.

Мать Стефании, маленькая женщина, только что зажгла керосиновую лампу – электричества в хате не было; мы пили чай из лепестков растущих в саду роз – душистый и бледный. Небо чернело, и тут во дворе раздались шаги. Обе, мать и дочь, понимающе переглянулись, обе громко сказали: «bitte»^[2]. Кюрх вошел в комнату, его очки блеснули в свете керосиновой лампы, он не сказал: «Heil Hitler», произнес: «Guten Abend»^[3] с мужицким саксонским акцентом; думаю, ему уютно было в этой крестьянской хате, возможно, она напоминала его дом в Саксонии, Стефания конечно это знала и помнила.

Кюрх поставил на стол бутылку вина, деликатно, немного смущаясь, улыбнулся: «Na ja... wie geht's... na ja...»^[4]

Тогда я его и видела.

Он громко прихлебывал чай, и нос у него краснел. Сидел недолго, возможно, из-за меня, потому что я молча на него пялилась, рассказывал, что получил из дома письмо, фотокарточек не показывал, должно быть, здесь их уже видели.

– Приличный малый, – сказала потом Стефания, когда мы смотрели из окна, как он идет по дороге в сторону городка, – стыдится всего этого, сочувствует нам... сокрушается, что мне приходится мыть полы. Часто нас навещает, если б не он, я бы давно вылетела с работы, и аусвайс у меня в порядке...

Что сказали Кюрху родители, когда их дочь внезапно исчезла? Такого разговора, полагаю, вообще не было. Ведь Стефания исчезла из нашего городка накануне переселения в гетто. Куда исчезла? Каким образом (она была первой, отважившейся на такой шаг)? Никто не знал и не спрашивал.

Только Б., а вовсе не ее родители, которые погибли, уже после войны рассказал, что она служила нянькой в немецкой семье в городе, отдаленном на 200 километров от нашего. Б. жил со Стефанией в одном районе и часто ее встречал – как правило, случайно. Она много времени проводила на свежем воздухе – в парках, на скверах.

Так вот, когда на улице, встающей в моем воображении, Стефания увидела идущего ей навстречу хилого, с грушевидным черепом немца, она нисколько не растерялась, может быть, даже ускорила шаг. Я уверена, что она не растерялась, ведь даже если никак нельзя было уклониться от роковой – о чем она тогда не подозревала – встречи, вовсе не обязательно было все выкладывать. А она рассказала все. Деревенская халупа, в которой он сживал за столом ее родителей, прихлебывая чай или попивая вино, внезапно вынырнула из тьмы иного мира – далекая, как планета, вдруг приблизилась. Кюрх в жандармском мундире был не просто Кюрхом – Стефания увидела в нем воплощение множества образов: дом, родители, родной город, голос матери и, наверное, его голос тоже, сочувственный голос немца, сокрушающегося над их судьбой. Конечно же, она не растерялась, а он, когда – удивленный, ошарашенный – узнал в улыбающейся девушке, ведущей за руку упитанного младенца, Стефанию, которую вероятно считал давно пропавшей, уничтоженной, когда, приглядевшись, убедился в отсутствии белой повязки у нее на рукаве, первым делом изумленно выкрикнул ее имя (так должно быть)! И лишь потом – неизвестно, в какой момент: то ли когда она с непринужденной улыбкой подавала ему руку, то ли позже, когда обо всем рассказала, – изумился вторично, на этот раз – нарушенному порядку вещей, и сам себе досказал остальное. Ей следовало этого ждать и бояться – а она не ждала, не боялась. Поразительно, как ее не затронуло время, сколь чужды остались его непреложные правила и законы. Она сохранила доверчивость, а доверчивость тогда могла объясняться только недостатком воображения. Полагаю даже,

Стефания рассказала своей хозяйке об этой встрече – ухватившись за нее, как за желанное алиби, – и предупредила, что ждет гостя.

Б. рассказывал, что еще засветло вышел прогуляться по городу: да, это была – как я уже говорила – предвечерняя пора: солнце садилось, город окутала легкая дымка, на улицы легли тени деревьев.

Как они вошли, какие слова произнесли, какое было на лице у Царицы выражение (теперь она для меня снова Царица), блеснула ли в ее глазах в минуту прозрения тревога, я никогда не могла себе представить, хотя, не будучи свидетелем ее встречи с Кюрхом, явственно вижу, как эта встреча происходила... Только изогнувшееся в прыжке тело (их было трое, Кюрх и еще двое, они стояли посередине просторной комнаты, под открытым окном которой – окном пятого этажа – на тихой улочке росли деревья), только изогнувшееся в прыжке тело, – и полет к земле, когда небо внезапно взметнулось ввысь, полет, который вырвал Стефанию из-под гнета законов времени, отдал во власть извечному, общему для всех закону земного притяжения...

Сейчас, в минуту ее смерти, я понимаю, что поэт был прав.

Б., проходивший по тихой улочке, услышал крики, а затем увидел кучку людей и среди них троих немцев в мундирах. Какой-то инстинкт заставил его растолкать толпу и склониться над лежащей. Царица еще дышала. Ее открытые глаза были устремлены в небо, которое в момент полета взметнулось ввысь и замерло, когда тело коснулось земли.

Í áðááä ä ñ ï íëüñéíä

Êññ éë Ñò áðíñëüñéíé

¹¹ Полевая жандармерия (нем.).

¹² Просим; пожалуйста (нем.).

¹³ Добрый вечер (нем.).

¹⁴ Ну, так... как дела... ну, так (нем.)

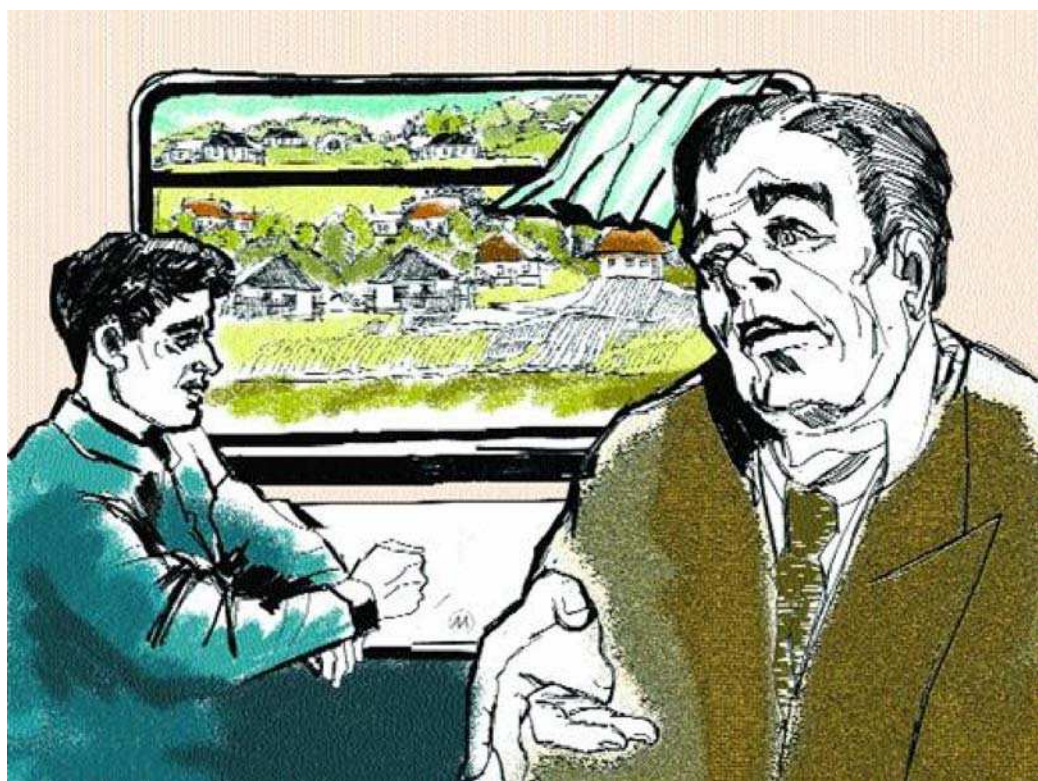
КАК Я БЫЛ ИНОСТРАНЦЕМ

Àí àò íèèé Ðúàèí íá

Нет ничего проще, чем поговорить с человеком, который не понимает по-русски. Во время войны моя мама дружила с узбечкой из кишлака, которая знала только одно русское слово – «привет». Она приходила в поселок Кува-сай, куда наехали эвакуированные из России люди, чтобы продать урюк и, освободившись от тяжести, всегда заходила побеседовать к маме. Громко произносила одно понятное обеим слово, а потом жестами и мимикой они принимались выкладывать всю душу – про мужей на фронте, о письмах от них, о том, что подрастают мальчишки-ровесники – узбек и еврей, а война все идет и, вот ужас, придется оторвать их от себя.

Мне тоже очень нравится откровенно беседовать с людьми, языка которых я не понимаю. Например, с африканцами. Как радуешься, когда узнаешь, что им столько же лет, сколько и мне, какая у них профессия, и выясняешь, нравятся ли им блондинки. Труднее всего определить, из какой они страны, потому что одни и те же государства на разных языках иногда называются по-разному.

... Когда я ехал вагоном первого класса из Бухареста к румынскому берегу Черного моря, я не сомневался, что единственный мой спутник в пустом купе – хозяин своей страны: он устраивался по-хозяйски, уверенно, знал, на какой крючок что повесить и где что положить.

Мы оба вели себя с величайшей любезностью – иностранцы-попутчики вообще стараются произвести хорошее впечатление на случайного встречного, и поэтому прекрасно понимали друг друга с первой минуты. Я очень обрадовался, угадав в спутнике человека общительного, и сразу понял, что молчать в дороге мы не будем.

Мой спутник вошел в купе чуть позже меня и, прежде чем пристроить багаж, сказал мне что-то с улыбкой. Возможно, одно слово. Но, может быть, и два. Если одно, то, наверное, «здравствуйте». Если – два, то «добрый день». Может быть, и наоборот. Вот по-немецки, кажется, вообще нет слова «здравствуйте», и в зависимости от времени суток говорят то «доброе утро», то «добрый вечер».

Ради пушей любезности я на всякий случай ответил тремя словами:

– Здравствуйте. Добрый день.

Он сразу разгадал мою готовность дружить! Посмотрел на меня немного внимательнее. Разложив свои вещи и усевшись напротив, он поглядел на меня открытым взглядом человека, который хочет поговорить, но не знает, с чего начать.

Типичная вагонная ситуация! В таких случаях более отважный, выдержав достойную паузу, пересиливает свою деликатность – с чего-то надо же начать – и спрашивает, смущаясь: «Далеко едете»? Другой охотно принимает вторжение в свою личную жизнь и поспешно, чтобы простить чужую бесперемонность, быстро уравнивает ее собственной: «А вы»?

Но так поступают люди, которые могут поговорить без помех.

Мой спутник превосходно преодолел языковой барьер. Продолжая смотреть на меня, он вопросительно сказал:

– Констанца?

Молодец! Ну, конечно, Констанца и по-русски, и по-румынски будет одинаково: порт на Черном море Констанца. Обрадовавшись его находчивости, я отрицательно покачал головой и ответил с утвердительной интонацией:

– Эфория!

И он понял меня, потому что и по-русски, и по-румынски слово означает одно и то же: курортный городок на румынском берегу Черного моря, куда я ехал в командировку.

Мы обменялись улыбками, гордые тем, что самостоятельно продвинулись вперед. Не теряя времени, я спросил, развивая успех:

– Эфория?

Может же он после своей Констанцы перебраться на соседний курорт!

На этот раз отрицательно помахал головой мой догадливый собеседник. Он повторил свое же слово, но с утвердительной интонацией:

– Констанца!

Это означало, что он переезжать не намерен.

Нам обоим стало очень весело – мы рассмеялись, радуясь тому, что без переводчика, без всякой посторонней помощи выяснили, в какие места мы направляемся. Если бы по вагону проходил кто-нибудь из пассажиров и взглянул в наше купе поверх занавески на стеклянной перегородке,

то мог бы подумать, что вот сидят двое приятелей и рассказывают озорники что-то очень интересное. Возможно, анекдоты.

Но рассказывать становилось все труднее. Мы смотрели друг на друга, и каждый смущался от того, что не может придумать способ продолжить разговор. Первым не выдержал взгляда я и сделал вид, что очень интересуюсь устройством купе. Это было мое преимущество иностранца. Я имел право разглядывать вагон чужой страны, а мой местный спутник в свои годы уже должен был бы знать его особенности.

Действительно, румынский вагон отличался от тех, в которых до этого времени ездил я на своей родине. Наше купе было отделено от прохода прозрачной стенкой и стеклянной же ползучей дверью. Кажется, так были устроены все вагоны нашего поезда, но первый класс отличался плюшевыми мягкими креслами с подголовниками – можно было спать сидя, если ты умеешь спать на затылке.

Мелькнула постыдная мысль: сейчас я усну! Немедленно. Закрою глаза и буду делать вид, что уснул, что меня сморило...

Но ведь я всегда думал, что нет ничего проще, чем поболтать с человеком, который говорит на другом языке, и не может быть мне оправдания за то, что мне очень просто делать дома, на родине, когда чувствуешь себя хозяином, принимающим гостя. Будь на моем месте мама, которая подружилась с узбечкой из кишлака у нее на родине, она бы просто и быстро – жестами, с улыбкой, немножко сама бы рассказала о себе и неназойливо расспросила случайного спутника, потому что любила людей всех национальностей и каждый раз радовалась, когда убеждалась, что все люди одинаковы, на каком бы языке они ни говорили – каждый интересен по-своему.

Но открыть глаза меня заставила собственная мысль: мой спутник может подумать, что я не хочу с ним дружить! И я стал разглядывать картинку, которая висела в купе над его головой. Там был изображен городской пейзаж.

– Бухарест, – объяснил он мне. Правда, он сказал «Букурешти», но я уже знал, что именно так произносится название румынской столицы. И ради дружбы он стал внимательно разглядывать знакомую ему фотографию. Под ней стояла подпись, кажется, на всех европейских языках, в том числе и по-русски. Но я и без подписи узнал бы этот приметный уголок Бухареста: в самом центре было изображено здание, в котором я прожил два дня. И я похвастался своими знаниями:

– Отель «Норд».

Спутник очень обрадовался, что я вдруг заговорил по-румынски. Где ему знать, что я изъяснялся по-русски! В Москве был когда-то знаменитый «Гранд-отель», и каждый москвич вообще знает, что отель – это гостиница. А в Ленинграде еще не забыли слово «норд» – избавляясь от влияния иностранщины, когда-то изменили название лучшей кондитерской «Норд» – на «Север». И старые курильщики всех городов помнят, как плохие папиросы «Норд» стали «Севером», но только подорожали.

Теперь идея осенила меня. Я взял инициативу в свои руки и, указывая на плывущее за окном поле, объявил:

– Кукуруза!

Он живо откликнулся:

– Порумб!

С той минуты мы заговорили наперебой. Показалось веселое поле с тысячами полыхающих желтых солнц, и я кивнул в их сторону, сказал:

– Подсолнух!

– Флоря соарелуй! – парировал мой сосед.

– Картошка! – выкрикнул я.

– Картофь! – парировал он, и мы засмеялись одновременно.

– Горох!

– Мазаре!

– Помидоры!

– Роший!

Но внезапно разговор иссяк – оттого, что был обречен на повторение. Опять поплыли сухие джунгли кукурузы, опять возник горох, потом тянулись помидоры, картошка, снова кукуруза...

Мы смотрели открытыми глазами друг на друга и думали, наверное, одно и то же: о чем говорить еще? Как на зло никто в наше купе не садился. На станции люди суетились возле вагонов второго класса. И я очень пожалел, что потратился на пустой первый. Хорошо задрапированные, мы ехали вдвоем среди шести плюшевых кресел и не наслаждались нашим уединением.

Мы слишком долго глядели друг на друга, и, наверное, от этого наши отношения начали незаметно портиться. Мне бы сердиться на себя самого – оттого, что я не могу придумать тему для разговора, но я, кажется, начал обижаться на собеседника за то, что он такой непонятливый. Как я ни старался по его внешнему виду узнать что-нибудь о нем, ничего определенного вынести не мог.

В Москве мне иногда удавалось узнать профессию человека, с которым мы долго едем в пустом и таком гремучем к ночи вагоне метро, отгадать черты характера, определить, любит ли он свою жену, есть ли у него возлюбленная. Вполне допускаю, что я ошибался, но никакого значения это не имело – разгаданный человек выходил из моей жизни навсегда, как только он удалялся. Не проверяя своей проницательности, я довольный собой отпускал его без всякого сожаления и тотчас принимался за вошедшего пассажира – так дальняя дорога становилась короче.

А сейчас я ничего отгадать не мог! Может быть, оттого, что в другой стране люди выглядят иначе. Не удавалось даже определить род занятий: инженер он или продавец? А, может быть, отмывшийся в душе маляр – этот слишком чисто одетый человек среднего возраста в костюме, долго висевшем на вешалке? И едет отдыхать на море, в Констанцу с невеликим багажом – спортивным костюмом и кроссовками в сумке на молниях. А что касается интеллигентного кейса, то, может быть, взял у сына, потому что не открывает чемодан. Если бы у него был там журнал или книга, то давно вынул бы и стал читать, если едешь с не говорящим на твоём языке скучным иностранцем.

Только потом я вспомнил, что во взгляде моего молчаливого спутника в то время, когда он пристально вглядывался в меня, вдруг что-то изменилось – в глазах появилось нечто насмешливое. Хотя я ощутил это невольно, как и всегда в таких случаях, но осознал слишком поздно – всю мою жизнь я с досадой обнаруживал такой взгляд и безотчетно отстранял его смысл от сознания, не хотел отгадывать его значение.

И недовольный тем, что не могу придумать продолжения разговора, и тем, что беспричинно возникло раздражение на ни в чем неповинного человека, посмотревшего на меня не так, я глупо улыбнулся – подумал, что очень легко приступить к выяснению возраста. Я достал ручку и написал на бумажной салфетке большую честную цифру, показал пальцем на свою грудь – дескать, столько лет мне, а потом гораздо меньшую, чем я предполагал, и показал пальцем на него.

Мне очень хотелось сделать ко

мплимент, сказать ему, что он выглядит гораздо моложе. Мог бы затеяться спор. Но мой спутник не обратил внимания на комплимент, его вовсе не заинтересовал разговор о возрасте.

Он придумал вопрос, который интересовал его. Дотронувшись указательным пальцем до своего хорошо выглядевшего пиджака, он выразительно сказал:

– Румунешти!

И нагнулся ко мне, почти дотянулся пальцем до лацкана моего пиджака. Конечно, это был вопрос, откуда я! И я с готовностью ответил на него:

– Россия.

Для точности добавил:

– Руслянд. Рашен.

Глаза спутника сделались веселыми... Наверное, он не понимал ни по-немецки, ни по-английски, правда, я ни разу не встречал человека, который не понимал хотя бы такого названия.

Вдруг собеседник отрицательно покачал головой. И насмешливо улыбнулся: дескать, не обманешь! Это меня возмутило – зачем мне было врать? В конце концов, я мог бы показать ему паспорт с названием страны, но он, оказывается, такой темный, что совсем не знает географии. И я сердито повторял одно и то же:

– Россия... Руслянд... Рашен...

Наконец сказал:

– Советский Союз. Совет унион.

Он стал еще уверенней мотать головой. На всех языках, кроме болгарского, этот жест означает только одно: нет!

Но он сказал – то ли по-немецки, то ли по-английски:

– Рус... Но...

Он протянул палец еще дальше – в направлении моих волос, потом поводит своей рукой, не касаясь, вокруг моего лица. Так делают немые, которые хотят сказать собеседнику приятное: это означает то ли «ты не стар», то ли «ты вовсе не так дурен собой».

И вдруг я понял: он решил, что я выдаю себя за русского – волосы у меня темные, и очертания лица не такие. Но я и не представлялся русским! Я хотел сказать, что я из России, из Советского Союза. «Рашен, Русянд» может быть еще более черный, например, грузин. И еще более носатый – азербайджанец, и с припухлыми веками – якут. Я вовсе не сказал, что я русский, а только то, что я – из России. Тогда я, дотронувшись указательным пальцем до своего пиджака,

выразительно, медленно сказал по слогам:

– Еврей. Ев-рей.

Но он не понял, глядел на меня пристально. Именно тогда я сообразил, почему его глаза вдруг стали насмешливыми и высокомерными.

Я сказал по-немецки:

– Юде.

По-английски, не уверенный в том, что произношу правильно, потому что я знаю по-английски несколько иных выражений: «хау ду ю ду», «ай лав ю», «сори»...

– Джуиш.

Но он не понимал!

– Ев-рей... ю-де... джу-иш... ев-рей... ю-де...

Но собеседник все качал головой, продолжая настаивать на чем-то другом, качал головой и насмешливо улыбался всем ртом. Ну как объяснить ему?

Я подумал и начал нескромный перечень фамилий – ничего другого не оставалось:

– Спиноза, Эйнштейн, Ландау...

На случай, если мой спутник ученый человек.

Но он слышал эти фамилии, наверное, впервые и не понимал, куда
я клоню.

На тот случай, если он гуманитарий:

– Гейне, Кафка, Марсель Пруст...

Мой спутник задумался, но не уловил общего знаменателя. Может быть, это человек искусства?

– Марк Шагал, Модильяни, Левитан...

Может быть, музыкант?

– Мендельсон, Равель, Давид Ойстрах, Горовиц, Яша Хейфец...

Я очень боялся, что он подумает, что примазываюсь к чужой славе и даже сочтет меня националистом, хотя я всего-навсего хотел объяснить, что вовсе не выдаю себя за русского.

Мои усилия все-таки оставались напрасными. Мой сосед, наверное, вдруг все понял – оживился еще больше и воскликнул торжествующе громко, как будто бы мы говорили не в отдельном маленьком отгороженном купе, а спорили на гулком вокзале с высокими сводами или на площади, полной людей и машин:

– Жидан!! Жидешти!!!

1977 ää

Известный прозаик, до времен перестройки печатавшийся не часто и удостоенный первой в России Букеровской премии десятилетие назад, Марк Сергеевич Харитонов неожиданно для многих его почитателей в последний год обратился к поэзии.

Впрочем, столь ли уж это неожиданно для внимательного читателя? Ведь и харитоновская эссеистика, наиболее полно представленная книгой «Способ существования» (М., 1998), и многое в прозе именно этого писателя пронизано стиховыми ассоциациями, намеками на те или иные стихи, отсылками к вершинам мировой поэзии. И особенно – русской, «золотого» и «серебряного» ее веков, которую он не просто глубоко знает, а, похоже, не представляет себе жизни без нее.

На вопрос прустовской анкеты: «Ваш любимый писатель?» – его ответ: «Ну, конечно, Мандельштам., Пушкин». И далее ряд имен иных, но ведь это так, врасплох, вывучено. Однако во многих харитоновских эссе, воспоминаниях речь не только о судьбах самих поэтов, но и о рождении их стихов, что предопределено пониманием стиховой культуры и тончайшими наблюдениями.

Да и пристрастия Харитонova в поэзии очень видны, среди главных – Ахматова, Пастернак. Друг многих лет – Давид Самойлов, тут целая мемуарная «История моей влюбленности». Друг – поэт Илья Габай, трагическая его судьба – в эссе «Участь». В другом эссе «Три еврея» – тоже друзья-поэты: тот же Илья Габай, Анатолий Якобсон, Юрий Карабчиевский...

И всюду – «еврейская мелодия», пронизывающая жизнь этого нашего современника тема самоопределения, ощущения себя: «Мне еще предстояло осознать и принять свое самочувствие и положение: самочувствие еврея и русского писателя».

Как, наверное, многие из нас рано или поздно «заболевали» по меньшей мере интересом к тому, кто мы и откуда, куда идем, – так и этот русский писатель, рожденный в 37-м в семье, где «дед был местечковым юристом в Уланове под Винницей», а другой дед «считался знающим лошадиником», – всю жизнь в этой теме:

«На исходе второго тысячелетия после рождества одного из евреев мы знаем о судьбе и будущем этого племени не больше, чем два тысячелетия назад... Подлинно верующий еврей не может усомниться, что относительно этого народа существует какой-то особый и вроде бы определенный замысел. Но кто скажет мне какой? Я с интересом выслушаю объяснение и, как положено еврею, с сомнением покачаю головой».

Но он писатель отнюдь не одной темы, тем более узкоэтнической: и близко не бывало! Но столь многое в этом ключе им перечитано и осмыслено, что уж он-то вправе признаться: «Все, что приходило мне когда-нибудь на ум по этому поводу, оказывалось кем-то уже пережито и продумано». Здесь и рассуждения о еврействе не как национальном чувстве, а скорее – как об ощущении напряженности с окружением, и отсылки к Кафке: тот «нигде в прозе не упоминает даже слова “еврей”. Стоит только это представить, чтобы ощутить, как все вдруг мелькает и становится частностью». Высоко почитающий Фолкнера, писавшего о небольшом – на карте величиной с почтовую марку – клочке земли и ее людях, но тем не менее отобразившего целый мир, Харитонов поясняет:

«Мы понимаем себя благодаря другим, сравниваем, находим черты сходства и различия, ощущаем свою принадлежность к роду человеческому и свое место в нем. Какая-то общая суть человеческой природы рождает отклик на чужую боль и чужие слезы, на взгляд и улыбку, на чужую жизнь и чужую смерть... Я пытаюсь через свою жизнь понять, уловить, почувствовать что-то более общезначимое. Только до сих пор делал это другими, непрямыми способами». В его допечатную – «догугтенбергову» пору Марк Харитонов зарабатывал на жизнь переводами. И среди его самых значительных переводческих удач – близкие ему Кафка и его переписка с Максом Бродом, Стефан Цвейг, Элио Канетти.

Как поэт Харитонов мало на кого похож. Тем более не похож он на поэтов, столь много для него значащих. Его верлибры отчасти напомнят знатокам современной русской поэзии разве что стихи пишущего на русском чуваша Айги – мировой знаменитости. Тут дело вкуса, и речь вовсе не о том, кто на кого похож. В его стихах ощущается сильное влияние философии XX века, ассоциации с кинематографическими находками интереснейших режиссеров Антониони, Феллини, Вендерса. Можно лишь догадываться, основываясь на множестве воспоминаний, что, например, стихотворение «Любопытный» – вероятно, об Эйнштейне, а какие-то строки стихотворения «Глаз художника» навеяны творениями Шагала. Как и о том, что стихотворение «Свеча» навеяно привезенной из Иерусалима свечой...

Представляем читателям несколько стихотворений Марка Харитонова, публикуемых впервые.

Марк Харитонов:

«Тому, кто услышит...»

Óõĩä i ài ú

Ī ài à óõĩäèèà îò í àññ èàæáúî

äí ài äñ äàèúøá

Äëøæääèà, i úò àèäññi ï ðèi îî í èò ü äi ðĩ äñ

Ñðääè í î: è ääðúá äñò àèà, i îøèà, ói àèà

«Éõäà ò ú?» – i îáí èi àèà á ò ðäññi í ääññò èà

Î òÿææáí í íá ñæáí ñò ùþ ò áéí.

«Á òéíéó», - ñ ñò ðáèà àùá í á í ò ñþáà, àùá í á æéÿ.

Çíá: èò, áñ ò àèè í ááí ñíÿòù ááðí óò ùÿÿ.

«Òáè ì í á áúéí í áéí áéí, - ðáññæçíáèèà ì í ò ñí. -

Ðáçáóüèèà áññ, ì áðáí í éí ò èèà áí éúí ù ó á í àèà ò á».

Áðí æè ñò ðááæü: áñèè í áí ðÿæáí ù.

«Óáæè ì áíÿ, - ì ðñèò ñíÿòù - ÿ

óí: ó áñí í é».

«Í í áñá æá ÒÛ? - áñáðþ. - Í ñ ñò ðè, ò ù ó ñáÿ áñí à».

Á æáçáò í ááí ááð: è ááÿ ò ñíèà

«B ñ ñéó: è éí ñí ì í ñáèì àáòÿì ».

Óñò àéúé ì óæ: è í à ññááþ ù èì è æéñèàì è,

Í áéí èç ò ðáí, áñ ó áá ò è ò èç áá ò áèà

Í í èè òí àùáéñÿ á ðéáò ó áá áðáè,

Í í éóñí áèè áí éúí ñ ñ ñ é - ì ðñ ðáçàèè ñí çáéè?

Ñ í èì áñá áðáí ÿ í ááí ñí í áèà..

Òðáò ñ óñèèèàì ì áðáí ññèó ñðááí èì ì áéúáì.

× ò í - ò í í ááí ñíÿòù ññáí áñò è ò ù, ññò àáè ò ù

Áñ ñí í è ò ù ÷ ò í àùá óí ò áèà ñ ðñèò ù

«Ó ò ááÿ í á çèì ó áñá áñò ù? - áñ ñí è í ááò.

Ðáððèè, ò áí éúá í ñíèè, ññè ò áð?

Áíçü è ò óò á ò éà ó áñ, ÷ ò í ò ááá í óæ í í».

Òñéúéí áñá èèþ: í ò ò éà ò á?

Í ðèí ðÿ ò áí, éóáá - çááúéà

Í áçí áéí ù á ò í è ááéí áñíáÿ ò ááç ñ ðñí,

Ðÿæáéí æè ò ù í á ó ñáÿ, á ÷ óæ í ì ì áñ ò á

Ōīōūāi māi īē ðām'ēā:ēāōūīŷ çà ōīēōē -

Nāīāā ōōō īē:āā īā īñōāēīñū

«B īā īīīēī àþ òāīāðāōīēō āāīāā

Īā ī īāō māi à ōīāēōūā ī āāçēī ū,

Īīāīō ōāī m'āāðōāīīī īā çī àþ,

À ēāēēā āūēē ōāñōūāāŷō ēāō īāçāā, īīī īþ».

Ēīīīā ŷēō - ōāñōūāāŷō ōōōē - ñōīēēā ōāñōūāāŷō ēīīāē.

Īā ñāōāōīīī çāīāāīēāōēēē īŷōīāāōāōūðāēāē ā ī āŷō.

Āāā āūēā: ōēāā ñīāōīēīē, ēōēīāēōā āā īīī ēāīð.

(Īīī ēāīðū ōīāēēē ñīīāðāēēāī ē ðāōōū, īðēāēāŷīñū

īā ēīēōīçīīā īīēā)

À m'ðīñē, ÷ōī āēā ñāāāīŷ īā çāōðāē?..

«B ōī:ō ē ñāā - īīāōīðŷāō īðīñēōāēūīī, - ē ñāā, āĀīāðāōīāēū

Āāā ī īŷ āāāōēā Ōāīā, āāā āðāō Āðīī:ēē?»

Ñōðēāēāīūē ī āēū:ēē ā ēīðīōēēō ōōāīēōēāō ñīīī ī:āī ē,

Ñōōāīō, īōīðāāēāīūē īā ōðīīō ām'ðīē īāðāī,

Īðīīāāōēē āāç āāñōē, m'āōāāōēēīŷ ñīðāōī,

Āāā-ōī òāī, āāā āāāīī ōōēē āīāāī ñāūī īī

Āīāðāōīāēā, ī āçāī ēā ññēīī āīīīē ēðūōāē,

Ñāēīŷīūī īīēīī, ðāçðēm'āāīūī āēēāðēç

Ēāēāāŷ ōēðāōāīā, ōēīāēāīā īāðō:ēī ē òðāāī ē.

Āīō īīē ñē:āñ ŷāñōāāīāē, ÷āī ñōīū āīēðā

Īī:āī ōāē īā āāāēē āāðīōōūŷ, çāñōāāēŷēē æēōūīā ÷ōēāēīā?

Īāðāūāēā ēī ī īāēçī ō:āīīūē āçāŷā:

Īāēāēē ŷ çāñēōēēēā òāēīā?

Īāŷīñāīēŷ ēāçāēēñūçāðāāī ē òīēūēī īāī, īōīþāā

«Éaáíí, - íáðúáèà, - íá áóáí íá yòíí ».

Í, yòí ííñòóèèááí èà èóèàéíí íí ñòíéó, íí éíéáí èá!

Á ñ óáí ííí í íçáí ðíáí ðà-èáàòñý áñá òí æá

Í èèàéíé ðàçí ýá-áí ííñòè, ñáèáñý í ðèí èðèòüñý.

Áóüí í íà í ýá-á í íà áú í á áñò àèà í á í íæ

Í íñèá áíèçáí áí í íá í íò ðýñáí èý,

Ñíçí áí èá áúéí í íí ðà-áí í, ðà-ú ááññáýçí à

Í á òí èüéí èáèáðñò áá í íí íæè áé ááðí óòüñý -

Ñèèà á ðáíá ñí ðí òèèéáí èý.

Óæá ðíæèòüí í íæà òí èüéí ñ-óæíé í íáááðæéíé -

Í æéó á ðèèé áðàòüí á ææèèà

«Áíòýí óòü áú áí éí í óà», - ñèàçèè íáí áæáú.

Í áí èè áúéí í òáá-àòü ÷ òí yòí áñú óáàòñý?

Í íá óæá í ðíáí áèè, áíçáðáí àèáñí, í á í íæà í áéòè ñèíá

Áíñò óí í úó í íí èí áí èþ çáæí èè

Ñí ðàáèýòüñý í ááí áúéí ñáí íé,

«Áóááò èðáèíñò òí-íáý í í-ú», - í ðíá áí ðèèà, ááðáýñí í.

Áá-áðí çàèðúèà æèçà è óæá í á í ò èðúèà,

Í á í ðíñí í áèáñí áúá í yòü ñò í é,

Í á í èèà, í á áèà, í á í ò èèè èáèáñí

Í á ááðí áèèà ðáéó í í í èí ò èí á ó í áèüí èòü, í áá çáí ðáí í é,

Ááá í èáíèáèèñí óñí ááè èá ðáí úóá í í áðæèèè,

Í áñ í ñò áæýèà í á áðáí í ááðáñ

Ñòí èí ò áí áðüí á ñáí èó í í ááó - ðàçááðáí ñý ñáí è.

Í ñáí áí æèáñí Óóíáèèà áñí ááçáí çáðàò í áé,

Í í ò ðí í á í áá ðáéíé, óçí áááý èáæáúé èçèá,

Nðaaè ðri àsaé, áuñéè ò ðaa, í aóó: aé í íéúíé.

N éaaúúí saáíí áñ éaa: aèa, éaa: aèa

Í ðaíé éóð: aaíó áíéíññáò èéññ áíéðúááéíáí.

Nñaaéí à íà éíéaí á í ðééðú ò à ééñò íí í íáíðíæí ééá

Ááðáñ áíé ñò ðèæ óaaò à ñéí aé í ò èöú

Í ðíéàò aè í áðáá í ap í áá ñàí í é áíáíé,

Áíéúóá, ááéúóá, ò óúá, áñá ó ááéíé óàò èé,

Áíæèääpòññ, í ðéáà ñò áíí í í à óóó ðéaí é

Áááóóèà Óaí à ñéèöíí á áíáðúó í í ðúéí áó,

Áðàò áó Áðíí: éé á éíðí ò ééð ó ò áí é ó éáá

Náí: à

Í áíáúéí í ááí í áý ñéàçí: í áý ñáí: à

Á áéaa ñéaí éý,

í ðééaí é áó: ááññ é áí ðá

Áíðó áíí: àò óðàí ñéóí í éíí

í áááñ í é éàçòðé,

Èç éóí í éà áuñ áíááàòññ ó è ò èéú

Éaaéúé áíí í áíçí: áí í íáðíáíí;

Ðaçí úá éàðí èçí, í ééýñò ðú,

í éíí í úá ðàí ú.

Çà í éí áí é óááúáapòññ ó éáðú.

Á ñú ðaéá í í é áááà ðaçéè: èí ú.

Í í áíéè ò í éúéí çaaé: ú ó è ò èéú

(Í áíáúéí í ááí í áý ñéàçí: í áý

ñáí: à),

Ááðááúññá: èááþòñý, íæèááþò.

Ðááþò á í: ááñ óæè, èç èíòèà í íáí èí ááòñý í áð.

Æáí ù è í à ò ðí ñáò è í è ú á á è ú, ðáññ óñèááò áí è í ññí í í í è á: áí.

Óí: áòñý, í á í ò ðú á á ý ññí, ááç è í í ò á í á á è þ á á ò ú

Óðáí á ò è è í è ú ó á í è á ç á ñ á á ò è á á ó á è ñý ý ð è í æ è ç í è...

Í í ÷ ò í ý ò í? Í á í è í í á á á ð á í á í è ú á á á ò í á ò á è

Ñèè ó è í í ó á á è ñý, í á á í á ú ó ñ è á á è ò ú

Í è á í ý í á ÷ á ð í í í ò è ò è á ð á ç ò ð í ñ è í ññí

Í á æ á è á á ò ò á í á ð ú í í á á ññí ó ò ú - è ñ è í á ó á á ò á á ò ç á á ó ò ú

Í á í á ñ ò á è á ç ò ð í í á á è ó í í è á è ð á ò á á, í ð á í æ á á í è, ð á ñ è á á é á í ú è.

Ç á æ á á, ò á í á ð ú ó æ á í è: á á í á í í á á è á ò ú

Í í è á è æ á ò í á á è è í á: á ó á è á á ò ú æ è ç í ú?

È þ á í í ú ò í ú è

È í á á - ò í á á í í æ í í á ú è í

ó æ á á ò ú í á ò þ ð è ó ñ è í è í í ñ ò í á í è

Ñ ç á í è á: í ú í í á ó è í í,

á í á í í í á ñ í ý è è í ó

Á è ý è í è ú á á è í í á í ð í æ á á í í á á

ññí á

Ñ ò á ð ú è í á è ò á á, è ó ð è á

è ç è í ð è: í á á í è è í æ è,

Í á í í á á ò á á ò í á è è á á ç í í ñ è í á

È í á á í í í è ñ è ò í ð í ó è ú

á á ó á è ò í ð è í á á í ñ è á

Í í á á ð í ó á ó è ññí ñ è í í è

é nò ááí ò àì ,

Í ðè òí äè è ì ñí ò ì è ääéí

í ñà ò ÿ ä ä à ò ù á ò ð è è -

Í á í ñ è è í è ð à ì í ÿ , í è í ñ à ò ÿ ä è äé

« x à ñ ñ á ò ä ä è ì à ñ ò á ð è ç ì ä è á ì ü è í ñ ñ ä ò ñ ä è à , -

Í ì ð á á ä è è ì ñ ò ò ñ ñ à ò è è ç í à ì á í è ò ú é ò è ç è í ñ ñ è ñ ò , -

È è è í à ì í ñ ñ ò à ð ñ ñ í á ñ í ú é ñ à ñ í ä é í è è » .

Ñ à ñ í ñ ä ä ð è è , ÷ ò ì á ú é á ú í á ì ð ñ ÷ ù

Í ð è ñ ò ð ñ è ò ù ñ ÿ ñ ñ ñ ò ð è ò ä è à ì í à è ä è ñ ñ - í è á á ù ù ì à ÿ é á

È è è ù á ú ñ à ñ á í í ñ ò ð á ñ ñ ò á ñ à ò ù ì ù ñ è ù ð ,

x ò ñ á ú ç à ä è ÿ í ò ù ñ á ñ à ä è á ú ç à è ð ä é ,

Ä ä ä ä è ÿ ä è è ù ç à è ð ä è è ò ñ ÿ ä è ñ à

x ò ñ ÷ ä è ñ á è ó í ó ä é í , ä ä ð è è í ñ ,

è ð ñ ñ á è ð ñ à ò è , ñ ò ó è à ä ä ñ è ð è ì è è ?

x à ñ ì á ñ ú ó á ä à ù ä é , ò à ñ ì á ñ ú ó á ñ ò í è ó ç à ä è ñ è è ù

Ò à ñ ò ù ñ à ñ á í á é .

Ä è ä á ù ñ ñ à ñ è ñ ä à ð ñ á í è à ñ í ñ è ò ä è

Ñ ò ð á ñ ò í ñ á è ð á ñ ñ ù ò ñ ò á ñ .

Ä è ä ç ó á ñ ä é è è à

Í ñ ñ ñ ò ð è ñ ñ è á ñ ç ñ ÿ ò ñ ò ä è ç

Ç à ñ ò ù á è á ÿ ñ ð ñ ò ñ ñ è ä ç ñ ñ à ,

È à ç ð á ñ ò à ð ò ñ ÿ , á à ò á ÿ ò ñ ÿ á ñ á

á ù á è ð è ñ ò ä è è ù ,

Ó ä à ò ù è è è ñ ò ù ÿ ñ è ÿ ð ò

ä ä á ÿ ñ è - í è à ñ á ä è ,

Êæ äðãã öáí í ñòè, í áãã:íí,
 ÷ò íá í á çãÿí óòü
 Á ò óò ÷òí? Áãÿí èàì áí í úá
 ò èãòü ñããè í óòü í è,
 Òí:íí í àì ÿòí è è è í á è è àì .
 Á á ñ ñ ò á í á á í è ì è
 Í ðí í è ú á à ð ò á ù á ñ ñ í ñ á í ú á
 ñ ò à ò ü ÷ àì ó ñ á í í .

Í ò á ñ ñ í á ó ñ ñ ÿ, í í ñ ñ í ò ð è ó ñ ñ í á à - ó æ á ä ð ó æ á
 Á è ÿ í à ì ò á ñ ñ ñ ð á á Í à á ñ á á ò ó á á ò á á ó ó ù è è è
 Í æ æ á ó è è ñ ò ù á á è ó æ è í è è, ñ è í á í í í è á á ò ÷ è è í ñ ò ð í á -
 Ê à ò ò í ÷ í ú è á ñ ñ è è Á æ è ù ò ù ó è ú á à ð ò ñ ÿ á à ì à ì ,
 Í á ò ð á ñ æ á ñ ñ í ð ÿ á è - í ð è á è æ à ð ù à ì ñ ÿ á ó í á á ù è è.
 × ò í - ò í í ð è í á ñ ñ ð í è ñ ñ í á è ò . Í æ è è ú á è í ð í á è è á á ç í è í í
 Ñ ñ ÿ ò ù í á è ñ ñ è à ì è è à ì í á í á á á , è à è è í í ñ á ð á í ú á á à ì è è.
 Í ð á ñ ñ ð è ð í á à ñ í á ÿ ò è á ñ ñ ð à è ç ñ ñ ÷ è á í á í è è è ì ù è ò ,
 Ó á è ò á ó á á ò í ú ì è ñ ñ ñ á ì è - í ð í á ñ è í è í è ì ñ á á í è ç ì á
 Ç à á á ð æ è è á ò ù ñ ÿ ç à á ñ ñ í á á ó á á ì , ð ÿ á ñ ñ á ð à ç á ñ ð á í ð à ç á ñ è è.
 Ê ó á ù ð è à ð ò ñ ÿ ò è á æ , á ñ ñ à , í ò ì á í á í ò ÿ á ñ ò á í è á
 Í á á á ñ æ á è í è í á ð í á ÿ ò á á ð á ñ ÿ , ð à ç á ñ æ è è ó ÷ à ì è
 Ñ ñ è í ó á í á ð è ñ ñ á á í í í á è è ð á á á í è ñ ñ , ó æ á á í í í á á ñ ñ á è è.
 Á í ò è ó ñ ñ æ í è è - ð á á á í è , ç à ð ñ ñ è è á ñ á à ì è ,
 Ê æ è ñ è ÿ ñ ñ è á ð á á ñ ñ ù ò è í è á á . Ñ è á ñ ç ñ è í ð ò í á ù á è á
 Í ð ñ ò ó í á á ò è è ò í è í ð í á ñ , í í á ñ ñ è í ó ó - á ñ ñ ñ ñ è í á í è á
 Í á í á ñ ñ ñ , ÷ ò í í á è ñ ÷ á ç á á ò , í í è á ò ð á í è ò ñ ÿ á í ó ò ð è .
 × ò í æ , í í ð á á ñ ç á ð á ù á ò ù ñ ÿ á ì è ð í ð è á ñ ÷ í ú è , ç í á è ñ ñ ñ ñ è .

Íí ÷ òí ñí èì òí àéí ñé: è ò úñ? È à è á ó à ò í ñ y è à ñ ñ
Í í à í è í è à ñ í à ò à í à í è è à ò è í è è, í ÷ à ò à í è ý, è ò à í è è
Í ò í ñ è è è ñ ñ; í ñ à è à í í ú à à è à ñ é, - í à í à è è ñ ñ ò à ÷ í è

È è è ñ ò ò à ó è è

Á à è è í ú Y à à è ù à í

Зюсс Оппенгеймер

Ī adēōn Ēai ai

Окончание. Начало в №120 – 124

Глава семнадцатая

Горе и раскаяние

Так оказался бывший глава правительства и министр финансов Вюртемберга, закованный в кандалы, в одной из душных и тесных камер, упрятанных глубоко под землей. Когда его везли по Штутгарту, известие о том, что страшный и всеми проклинаемый министр едет в собственной карете закованным в железа арестантом, каким-то образом уже просочилось на улицы города. Вмиг вокруг кареты образовалась бурлящая толпа, которая с каждой минутой все увеличивалась. Зеваки швыряли в карету камни и комья грязи и злобно прорывались сквозь кольцо солдат с целью учинить над ненавистным министром самосуд. Если бы охрана не была вооружена, они непременно разорвали бы арестанта на куски. Карету сопровождали со всей возможной быстротой на тюремный двор, и там бросили арестанта в одну из самых мрачных камер, какая только нашлась, даже не освободив его от тяжелых цепей. Зюсс пролежал несколько долгих, томительных часов, пока наконец не пришел тюремщик и не освободил его затекшие и разболевшиеся сверх всякой меры конечности.

И вот тут Зюсс неожиданно начал вспоминать, что он как никак... еврей! Он отверг принесенную еду и потребовал кошерное питание в соответствии с еврейским законом. Тюремщик, однако, лишь насмеялся в ответ:

– Ты столь долгие годы ублажал свое чрево свининой, что от еще одной свиной похлебки ничего с тобой не сделается.

Но Зюсс упрямо стоял на своем. Он ел лишь хлеб да пил воду. По городу пополз слух, что бывший премьер-министр объявил голодовку и твердо решил уморить себя голодом. Худые вести разносятся быстро. Слух о падении и несчастьях Зюсса достиг ушей рабби Симхи гораздо быстрее, чем в свое время известия о его успехах. Недолго думая рабби Симха сорвался с места и вновь направился в Штутгарт. Все его попытки добиться свидания с заключенным ничего не дали, двери тюрьмы оставались перед ним закрытыми.

И тут рабби Симха вспомнил своего давешнего приятеля-попугчика, советника Бильфингера, и решил обратиться к нему за помощью. Пробриться к нему на прием оказалось совсем нетрудно, хотя тот уже был назначен в новом правительстве министром.

– Помнит ли еще Ваша Светлость наше мимолетное дорожное знакомство? – спросил рабби Симха.

Министр внимательно разглядывал его некоторое время, и вдруг лицо его осветилось, и он воскликнул:

– А, это вы, мой почтенный попутчик из почтового дилижанса! Дядя Зюсса Оппенгеймера!

Рабби Симха глубоко вздохнул:

– Да, я дядя несчастного Зюсса.

Он особо подчеркнул слово «несчастливого».

– Что ж, он получил по заслугам! – поспешил заметить Бильфингер. – Да я же вам то же самое говорил тогда, в дороге. Вы еще, помнится, собирались его усостестить. Как, удалось ли вам это хоть в малой степени?

– К моему сожалению – ни в малейшей.

– А разве не удостоверились вы собственными глазами, что ваш Зюсс – отпетый злодей?

– Верно, именно таков он был, Ваша Светлость, хотя я уверен, что сейчас под гнетом постигших его несчастий он совершенно изменился и стал другим человеком. В последний раз я сказал ему при расставании, что желаю ему невзгод и испытаний, которые свергли бы его с высот величия и успеха, дабы смог он вернуться к своим корням и спасти свой заблудший дух от безвозвратной гибели.

– Ну и чем же могу я вам служить?

– До меня дошли слухи, что несчастного содержат в тесной и смрадной яме, глубоко под землей. Нельзя ли попросить Вашу Светлость проявить к узнику милосердие и перевести его в более пригодную для содержания камеру? Мученья этого несчастного и без того весьма велики, так стоит ли еще и это добавлять к ним?

– Что ж, попробую выполнить вашу просьбу. Чем еще могу..?

– Буду весьма признателен Вашей Светлости, если вы сможете достать мне разрешение на посещение узника, дабы я его мог утешить и поддержать в его отчаянии, а также направить на путь раскаяния и исправления.

– К моему глубокому сожалению, этого я сделать никак не смогу. Государственный Совет принял специальное решение никого не допускать к заключенному. У него пока сохранились кое-какие сторонники, не лишённые сил и влияния, поэтому решили принять чрезвычайные меры предосторожности, дабы исключить любую возможность сношения узника с внешним миром.

– Ваша Светлость! Я готов поклясться всем, что для меня свято, что ни прямо, ни косвенно не предприму никаких действий с целью устроить сообщение узника с внешним миром. Разве не каждый заключенный имеет право на посещение священнослужителя его религии, чтобы получить утешение и поддержку? Так нельзя ли исхлопотать мне разрешение на посещение если не в качестве его дяди, то хотя бы в качестве раввина – еврейского священнослужителя, дабы я мог словом Б-жьиим поддержать несчастного?

– Что ж, это разумная идея. Я обещаю употребить все свое влияние для выполнения вашей просьбы.

В тот же день Зюсс был переведен в более просторную, хорошо освещенную и проветриваемую камеру на одном из верхних этажей крепости. Расставшись с мрачным застенком, узник облегченно вздохнул. Он удивленно оглядывался по сторонам и недоумевал: какого тайного благодетеля он должен благодарить за эту разительную перемену? Неужели старый приятель Шефер о нем позаботился? Или кто-нибудь из его бесчисленных протезе, которых он в свое время вознес из праха и прозябания, решил отплатить добром своему благодетелю?

Он все еще недоумевал и строил догадки по этому поводу, как вдруг дверь камеры открылась и на пороге появился его дядя – рабби Симха. Поначалу Зюсс застыл на месте, не поверив глазам, но по прошествии нескольких мгновений вдруг расплакался навзрыд и возопил душераздирающим голосом:

– Дядя! О горе мне, горе! Горе мне, ибо ты нашел меня падшим и униженным!

Рабби Симха тоже заплакал, обнимая Зюсса, и отвечал ему мягким, ласковым голосом:

– Нет, не горе, Зюсс! Тебе сказочно повезло, и я счастлив, что все именно так произошло. Г-сподь явил тебе свою великую милость: Он дает возможность искупить все твои грехи в этой жизни, дабы ты смог появиться пред Его престолом чистым и непорочным.

– Ты и вправду веришь, дядя, что

Г-сподь простит мне когда-нибудь мои бесчисленные преступления?

– Г-сподь милостив, доброта Его безгранична. Он протягивает руку помощи тем, кто обращается к Нему искренне, всем сердцем, и прощает им все их прегрешения, и будь они черны, как ночь, – станут белее снега!

– О, милый дядя! Мои прегрешения слишком тяжки и многочисленны, чтобы надеяться на прощение и искупление!

– Нет границ Б-жьему милосердию! Однако скажи мне, Зюсс, правду ли я слышал, что ты решил умереть голодной смертью?

– Вот, оказывается, что теперь про меня говорят? – горько усмехнулся Зюсс.
– Нет, дядя, такого у меня и в мыслях не было. Я просто отказался есть тrefное и питаюсь пока исключительно водой и хлебом.

Глаза рабби Симхи наполнились горячими слезами:

– Правда? Да будет благословенно Имя Г-сподне, что позволил мне до этого дожить! О сын мой! Радуйся и утешся, ибо простил Г-сподь все твои преступления и искупил все твои грехи! Менаше, царь Израиля, грешил поболее твоего, даже устанавливал идолов в Храме, и все-таки, когда восскорбела его душа и он искренне

раскаялся и вернулся к служению Всевышнему, то был принят с распростертыми объятиями, и все его прегрешения были прощены! Надейся на Г-спода и укрепляйся духом!

– Утешил ты меня, дядя, утешил...

Глава восемнадцатая

Еврей и его судьи

В назначенный срок Зюсс предстал перед судом. Его обвинители сочинили длинное заключение, в котором возлагали на него ответственность за все мыслимые и немыслимые преступления. Его настоящих провинностей им показалось мало, и они беззастенчиво возводили на него напраслину, подчас не замечая, что такое нагромождение несусветной лжи может

выставить их самих в смешном и глупом виде.

– Господа судьи! – начал Зюсс речь в свою защиту. – Я хотел бы знать, что я такого сделал, за что меня бросили в темный и тесный застенок, как последнего преступника? В чем моя вина?

– Вы только посмотрите, сколь безгранична дерзость этого еврея! – закричал обвинитель Ленбек, тот самый, которого Зюсс в свое время пристроил на эту должность, дабы снискать расположение его отца, старого советника Ленбека. – Его наглость переходит все мыслимые границы! Весь мир говорит о его преступлениях, а он смеет стоять тут перед нами и спокойно спрашивать, в чем его вина и что он такого сделал. Разве не ты налагал на страну непосильные и разорительные для населения налоги?

– Позвольте обратить ваше внимание на то, по какому праву и исходя из каких полномочий я мог налагать на страну налоги. Неужели вы думаете, что я делал это по собственной прихоти и капризу? Я был не более чем верным слугой господина – покойного герцога и всего лишь исполнял его указания.

– Разве не ты развалил благосостояние страны, отдавая лучшие ремесла и торговлю в кабальную аренду?

– Каждый арендный договор подписан собственной рукой Его Светлости герцога.

– Разве не ты бросал в тюрьмы ни в чем не повинных людей лишь по той причине, что они не оказывали тебе должного уважения?

– Будучи главой правительства Его Светлости герцога, я не мог позволить пренебрежительного отношения к себе и своему статусу, ибо подобное небрежение было бы проявлением неуважения к воле герцога.

– А разве не ты вел позорную торговлю государственными должностями?

– Это также делалось по прямому распоряжению Его Светлости. Вы ведь конфисковали все мои бумаги? Неужели вы не видели среди них документа,

подписанного герцогом, где он объявляет о полной своей ответственности за все принимаемые мной меры в настоящем и будущем?

– Именно это является решающим доказательством твоей вины, еврей, – вскричал преподобный Теффингер. – Именно за это ты заслуживаешь самого сурового наказания! Ты околдовал герцога, опутал его своими чарами! Как иначе можно объяснить, что правоверный католик в здравом уме и твердой памяти выдал такую бумагу проклятому еврею, служителю дьявола!

– Господин советник Бильфингер! – заговорил Зюсс. – Еще в бытность мою министром вы считались одним из самых заклятых моих противников, хотя я знаю, что вы человек умный и образованный. Вы что, тоже верите, что я околдовал герцога?

– Да, Зюсс, – ответил Бильфингер, – я в

это верю.

Зюсс посмотрел полным горечи взглядом на Бильфингера, который произнес эти слова с торжественной серьезностью, а на устах остальных судей заиграла победная улыбка.

– Да, – добавил Бильфингер, – несомненно ты околдовал герцога своей любовью и преданностью, твердостью духа и непреклонностью, а самое главное – своими беспрестанными усилиями выполнять все его настойчивые требования, используя для этого любые средства, включая нечестные и даже преступные. Подобное поведение требует наказания согласно всей строгости суда!

– Наверное, вы правы, господин советник, но тем не менее я не могу согласиться с тем, что за все это я заслужил наказание. Разве министры Вюртемберга несут полную ответственность за свою деятельность, подобно министрам английским? Разве не все мы здесь полностью подчинены абсолютной власти принца или герцога, разве не обязаны служить ему, как верные рабы? Разве герцог перестает быть герцогом, даже если его подданные недовольны его правлением? Разве дозволено вам хотя бы выразить противные воле герцога мнения? И вы хотите судить одного из слуг вашего монарха за то, что он беспрекословно исполнял все указания своего господина?

– А разве сам ты не скопил сокровищ для себя? Разве не выжимал ты из народа пот, наполняя свои сундуки золотом и драгоценными камнями? Разве не на народной крови ты выстроил свои дома и поместья?

– А разве это делалось против воли герцога? Прощу заметить, что бо́льшую часть своего имущества я получил из его рук в виде подарков!

– Ходит слух, что ты пытался отравить тех из верных герцогских слуг, которые считались твоими врагами?

– Б-га ради! Ничего подобного не было и быть не могло!

– Разве не была твоя жизнь примером греховной безнравственности?

– К моему глубокому сожалению, я не могу на это ничего возразить, но за это я буду отвечать пред судом Всевышнего, а не перед вами.

– Ты засадил в тюрьму господина Гетчбаха!

– Герцог подозревал его в государственной измене и составлении заговора.

– Говорят, что ты вынашивал непристойные планы относительно его дочери.

– Разве я не освободил его, не приведя эти планы в исполнение?

– Довольно! Чаша твоих преступлений переполнилась. Я прошу суд вынести еврею Зюссу Оппенгеймеру смертный приговор за его многочисленные преступления против граждан Вюртемберга, сатанинское колдовство и прочие злодеяния!

Все замолчали. В зале повисла гнетущая тишина. Зюсс побледнел.

– Как? – содрогнулся он. – Вы посмеете вынести мне такой нелепый приговор? Такое правосудие – это позор в глазах всего просвещенного мира! Это вы называете справедливостью? А вы, господин советник Бильфингер? Вы со спокойной душой на это согласитесь? Вы все видели, что все мои преступления заключаются лишь в том, что я был верный и преданный слуга своего господина!

– Именно за это, Зюсс, – заговорил Бильфингер, – ты и заслуживаешь смерти: за то, что был послушным инструментом разврата и злодеяний.

– Ох, – воскликнул в сердцах Зюсс, – при мне такой человек, как вы, не мог бы быть членом Государственного Совета! Вы не более чем жалкий теолог, причем с самым ограниченным кругозором, несмотря на всю вашу хваленую философию! Да у вас нет никакого государственного и юридического мышления, никаких понятий о законности, иначе вы бы не стали высказывать подобные дикие мысли, находящиеся в вопиющем противоречии с идеями справедливости и правосудия!

– Замолчи! – прикрикнул на него Тефингер. – Не оскорбляй единственного, кто поднял голос в твою защиту! Ты еще почувствуешь себя устыженным и посрамленным, когда увидишь всю глубину нашего милосердия! Решено не отправлять тебя на виселицу, как ты того заслужил, и даже не гноить в тюрьме. Более того, тебе будет возвращено все твое имущество, с которым ты явился в Вюртемберг, лишь награбленное здесь будет конфисковано. Но все это только при одном маленьком условии.

Зюсс замер и, затаив дыхание, ловил каждое слово Тефингера.

– Что за условие? – спросил он, почти срываясь на крик.

– Если примешь протестантство.

Зюсс опустил голову, не проронив ни слова.

– Ну, что ты молчишь? – спросил Теффингер.

Зюсс выпрямился и обвел своих судей, одного за другим, пристальным, сверлящим взглядом и наконец сказал с укоризной:

– Какие же вы судьи? И после этого вы еще будете корчить из себя высший суд справедливости? Да разве вы приговорили меня за те преступления, в которых я – по вашим словам – виновен? Нет, вы – обыкновенные убийцы, вы вынесли мне приговор лишь за то, что я еврей, что четыре года я правил вами, не переставая быть евреем, что вы должны были кланяться и воздавать почести еврею, презренному и ненавистному! Вон Ремхинген, – тот тоже был верным слугой герцога, и для него на этой службе все средства были хороши, ему вы позволили бежать, потому что он христианин, хоть и католик! Галвакс был моей правой рукой, и если я повинен во всем, в чем меня здесь обвиняли, то и он – не менее моего, но его вы тоже изгнали из страны, а не приговорили к смерти, потому что он – христианин. Лишь меня хотите вы убить, да, да – убить! – потому, что я – еврей. А если я соглашусь предать мою веру и моего Б-га, вот тогда вы явите свою великую милость и освободите меня, будто никаких преступлений и не было. Все это значит, что моя единственная вина в ваших глазах в том, что я – еврей! Но мне нет нужды в ваших «милостях». Я сохраню свою веру, даже если это будет мне стоить жизни. Уж лучше умереть, чем перейти в такую веру, имеющую таких, как вы, последователей: бесчестных судей, захлебывающихся собственной ложью!

Зюсс дышал тяжело и выглядел совершенно изможденным, как будто все свои силы вложил в эту речь. Судьи его от этой речи пришли в замешательство, они содрогались. Зюсс хлестнул их, как кнутом, своим справедливым укором, и они это поняли. Но эти чувства были быстро подавлены, и их место заняли гнев и ярость.

– Еврей! – заскрипел зубами Теффингер. – За это ты заплатишь жизнью!

– Да тебе мало будет обычной казни! – закричал Ленбек. – Для тебя придется изобрести что-нибудь особо мучительное!

Он затряс колокольчиком, и на звук явился ожидавший за дверью начальник тюрьмы.

– Отведите заключенного в то самое подземелье, куда он был помещен после своего ареста!

– Стой! – неожиданно приказал Бильфингер. Он встал и сказал:

– Согласно моим распоряжениям заключенному была выделена специальная камера, и он должен находиться там и впредь.

Ленбек смерил Бильфингера полным скрытого яда взглядом, но вслух ничего не осмелился сказать.

Глава девятнадцатая

Печальный конец

По возвращении в тюрьму Зюсс застал там своего дядю. Бросившись ему на грудь и горько рыдая, Зюсс рассказал ему о ходе судебного процесса. Рабби Симха

утешал и ободрял несчастного, призывая его думать только о Всевышнем и молиться ему. Лишь иногда позволял себе рабби Симха покидать тюрьму. Он добывал для них обоих кошерную пищу. Раскаяние и возвращение Зюсса было полным и искренним. Он принял на себя несколько дополнительных строгих обетов, дабы искупить свои преступления. Каждый понедельник и четверг он постился и проводил эти дни целиком в молитве. Рабби Симха постился и молился вместе с ним.

Ко всем горестям Зюсса добавились мучения иного рода. С тех пор как в стране стало известно, что ему обещано помилование в случае, если он примет протестантство, к дверям его камеры потянулся неиссякаемый поток всех священников, какие были в Вюртемберге. Каждый из них надеялся записать на свой счет славную победу – обращение упорствующего еврея в лоно истинной веры. Каждый день в дверь камеры Зюсса входил новый священник и вынуждал его вести бесконечные теологические дискуссии. На это время рабби Симху заставляли удалиться, дабы он не мог помешать попыткам сокрушить сопротивление упряма. Тюремные власти в своем желании облегчить труд совратителей уже хотели было удалить рабби Симху совсем, но тут вмешался Бильфингер, весьма ревниво следивший за неукоснительным соблюдением любых своих указаний.

Часы, когда его удаляли из камеры, рабби Симха использовал, пытаясь за него хлопотать. Он носился между Бильфингером и Тефингером, между Ленбеком и Шефером, всеми силами пытался получить аудиенцию у нового герцога. Ему даже удалось пробиться к герцогине, которая всегда относилась к Зюссу с доверием и симпатией. Но все его усилия ничего не дали. Бильфингер был единственным среди всех, кто действительно пытался спасти Зюсса, но его одинокий голос не был услышан никем из сотоварищей. Тефингер становился багровым и шипел при одном имени Зюсса: он не мог снести резкого отказа принять протестантство. Шефер боялся защищать своего бывшего сослуживца, дабы не подвергать опасности себя. Ленбек кипел от слепой и яростной ненависти: кровь Зюсса – это все, чего он желал. Правящий герцог, во-первых, относился к Зюссу с отвращением, во-вторых, был человеком пассивным и слабым и старался поменьше обременять себя государственными заботами. А вдова покойного герцога была слишком занята, чтобы поспешить бедному Зюссу на выручку: со смертью мужа ей пришлось начинать жизнь заново...

Таким образом, рабби Симха ничего не достиг. С другой стороны – народ требовал казни Зюсса. Среди черни ходили слухи, что Зюсс продал душу покойного герцога дьяволу, и толпа бушевала, требуя злодея умертвить.

Так прошел для Зюсса в тюрьме целый год, и все это время рабби Симха был с ним рядом, поддерживая, ободряя, утешая... В конце концов, когда священники отчаялись обратить Зюсса в свою веру, был утвержден смертный приговор.

Это известие Зюсс принял с великим мужеством и поразительным спокойствием. Возведя глаза к небу, он произнес: «Благодарю Тебя, Г-споди, что Ты дал мне возможность искупить мои прегрешения в этом мире через смерть мучительную ради освящения Твоего Имени!».

После этого Зюсс приступил к составлению завещания. Поскольку рабби Симха отказался принять состояние Зюсса в подарок для своей дочери, Зюсс завещал все свое имущество общинам Прадо и Франкфурта-на-Майне, на строительство синагог, ешив, сиротских домов, дабы хотя бы после его смерти сказали о нем доброе слово. Но здесь следует заметить, что из всего состояния Зюсса правительство Вюртемберга не отдало ни

гроша. Оно наложило лапу на все его имущество, включая то, с чем он приехал в Вюртемберг.

Палачи Зюсса не удовлетвоались всем этим, им потребовалось изобрести для него дополнительное унижение: этот еврей, который предпочел смерть на виселице обращению в протестантство, этот еврей, который посмел целых четыре года безраздельно царить над правоверными христианами, – не может умереть просто так, этого недостаточно. Надо сделать из его смерти увеселительное зрелище для всего народа Вюртемберга.

За триста лет до описываемых событий при дворе герцога Фридриха жили три алхимика, которые обещали открыть ему секрет обращения железа в золото. Поскольку этого секрета отыскать им не удалось, герцог приказал построить для них огромную виселицу из чистого железа. Эта уже проржавевшая от времени виселица была обновлена и отремонтирована для казни Зюсса.

На широкой площади, где эта виселица была установлена, толпы народа собрались в многотысячное скопище, чтобы насладиться зрелищем «законного» убийства бывшего главы правительства. Рабби Симха не нашел в себе сил сопровождать племянника в последний путь, так как его сердце могло не вынести ужасного зрелища. Однако же там собралось много евреев из окрестных мест, но вовсе не из праздного любопытства, а для того, чтобы оказать несчастному последнюю милость и помолиться вместе с ним Видуй. Переодевшись крестьянами, они проникли в толпу и забрались на соседствующие с виселицей деревья.

Зюсс молился в своей камере. Молился в последний раз перед тем, как идти на виселицу, угнетенный и подавленный. По окончании молитвы, сняв тфилин и талес, он попросил у дяди последнего благословения. Рабби Симха заключил его в свои объятия и горячо поцеловал.

– Тебе не нужно мое благословение! – сказал он, охваченный священным трепетом. – Ныне ты очищен от всякого греха и преступления. Смерть праведника, которая тебе уготовлена, смерть на алтаре нашей веры, поднимает тебя на недостижимую высоту.

– И все же, благослови меня, дядя! – взмолился Зюсс.

Тогда престарелый раввин возложил руки на голову племянника и сказал взволнованно:

– Да будет смерть твоя искуплением, сын мой, и да удостоишься ты жизни вечной в числе прочих погибших ради освящения Имени Г-спода во все времена.

Рыдания сдавили горло рабби Симхи, и он не смог продолжать. Зюсс тоже на какой-то момент потерял свою удивительную твердость духа и разрыдался.

седых волос.

Зюсс шагал к месту казни, гордо подняв голову, и в полном спокойствии. Толпа следила за ним, затаив дыхание, в полной тишине. В последний момент какой-то священник вновь стал уговаривать Зюсса креститься.

– Замолчи! – резко оборвал его Зюсс. – Не омрачай мои последние минуты!

Когда дюжий палач ухватил его обеими руками, Зюсс попросил:

– Позволь мне сначала помолиться.

В этот миг из ветвей многих ближайших деревьев донеслось: «Шма, Исроэл...»

Зюсс огляделся вокруг и в недоумении замолк. Увидев взбравшихся на окрестные деревья крестьян, он с удивлением пробормотал: «Да это же евреи!» – и воззвал в полный голос вместе с ними:

– Слушай, Израиль! Г-сподь Б-г наш – Г-сподь один!

Необычайное волнение охватило Зюсса, когда последний звук последнего слова отозвался дальним эхом. Каждой клеточкой тела он ощутил, что Г-сподь один и что во имя этого Единого он идет на смерть. И тут вновь с вершин деревьев донеслись голоса:

– Благословенно Славное Имя Царства Его во веки веков!

Зюсс повторял вместе с ними слово в слово весь текст молитвы. И вот, наконец, заключительный возглас: «Г-сподь есть Б-г!».

– Я не нахожу нужных слов, дядя, – сказал Зюсс, – чтобы выразить всю глубину признательности за твою любовь и безграничное самоотвержение по отношению ко мне. Да будет благословение на тебе и на твоей дочери, чтобы в вашей жизни было только счастье и благо.

После этого Зюсса одели в красный шелк и белые носки и повели на казнь. Зюсс оглядел свой смертный наряд, и вдруг его разобрал смех.

– Ха, ха, ха! В точности наряд, что я надевал на маскараде! Но сегодня я чувствую себя в этом наряде гораздо более счастливо и покойно, чем тогда, на вершине успеха в пылу веселья...

Когда Зюсса вывели из камеры и за ним закрылась дверь, старый раввин бросился на пол и зашелся страшным плачем, вырывая клочья своих редких

И едва последнее слово сорвалось с его уст, Зюсс сделал последний вдох, а вместе с выдохом отлетел в небеса его дух.

Завороженная толпа молча следила за ужасным зрелищем. Сейчас сердца многих наполнились жалостью и сочувствием к человеку, которого они так ненавидели при его жизни, павшему жертвой жестокой, несправедливой мести.

Не обошлось, правда, и без злых языков, которые пытались посмертно очернить Зюсса и бросить тень на его поведение в последние минуты. Они говорили, что на площади Зюсс потерял присутствие духа, молил о помиловании и не желал восходить на эшафот, все время повторяя «Nado поу, Nado поу», что по-швабски якобы означает «не входить». Но прекрасно известно, что по-швабски Зюсс не знал ни слова, а значение этих звуков понятно каждому еврею...

С больной душой и разбитым сердцем возвращался рабби Симха в Оппенгейм. Все его пророчества, произнесенные им сестре и племяннику в дни их возвышения, исполнились самым ужасным образом. Но время излечило его раны. Вскорости его дочь нашла себе достойного мужа, к полному удовольствию рабби Симхи, и на его долю еще выпало понынчить внуков, воспитывая их в лоне Торы и в страхе Б-жьем.

יָדוּם י. יָדוּם יָדוּם

ЧУТЬ ПОДЛИННЕЕ

יְהִי עֵינַי עִיּוֹ

Так говорил нам писатель Юрий Олеша, держа в уме оба ударения – на О и на И.

Ибо подлинник есть длинная палка, посредством которой из подсудимого выбивали правду.

Легенда

Эммануил Генрихович Казакевич начинал как поэт и писал по-еврейски. Добровольцем пошел на фронт. Был солдатом. Командовал разведкой.

Удостоен Сталинской премии за повесть «Звезда» (с недавним римейком – повторной экранизацией). Обруган за «Двое в степи». Снова схлопотал премию – «Весна

на Одере». Опять обругали

(«Сердце друга»).

Автор романа «Дом на площади», где, кроме прочего, изобразил перебежчика – офицера, ушедшего на Запад. В повести «Синяя тетрадь» (и в одноименном кино) рядом с Лениным появился Зиновьев. В рассказе «Враги» – Мартов.

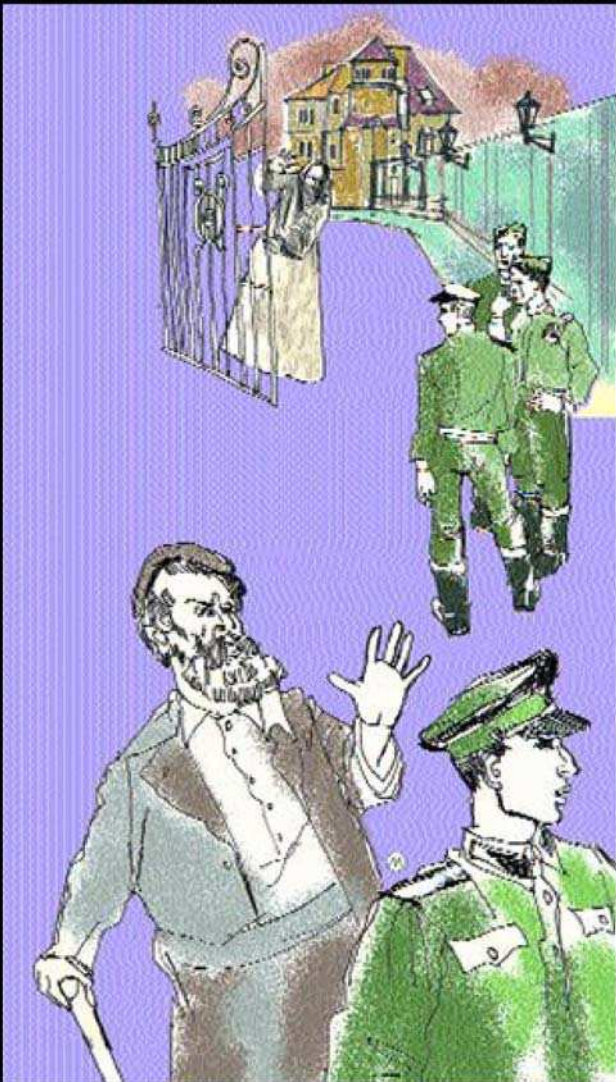
Умер Казакевич 22 сентября 1962 года. По слухам, оставил дневник, сочиненный специально для органов. Его вроде бы напечатали. А другой – истинный, тайный – будто бы изъяли и уничтожили.

Историю, которую вам расскажу, слышал я от одного человека. И склонен ему доверять. Впрочем, судите сами!

...наши – Прагу освободили. А там синагога, XIII век. Идем, говорят, поглядим! Казакевич говорит... И пошли. А он по дороге просветительную работу ведет.

Тут, дескать, чума была. Когда-то такое. Помирал народ. Прямо пачками. И основное – детишки. Ну, взрослые – ладно, за грехи. А малолетки-то чем провинились?

Вот и решили узнать, что там на небесах думают. А как узнаешь? Оказывается, есть способ. Только стемнеет – невинные души к Б-гу летят, а на рассвете – обратно под холмик. И если такую душу поймать...

А главным раввином в Праге был известный мудрец. Историческое лицо. Большая голова. И чтоб душу невинную изловить, придумал он Голема. Руки, ноги – все при нем. Громадная сила. Но без души, без соображения. Что ни прикажешь – выполнит...

И Голем ребеночка приволок.

– Ну что там? – раввин спрашивает. – Как там на небе? Что слышно?

– Не знаю, – трясется ребеночек, – я маленький. – Зубами от холода клацает.

– Но что говорят там?

– А говорят там: горбун... горбун, говорят, горбун!.. И ничего больше не понял я. Ох, отпустите, ребе! Второй раз помираю...

А был тот горбун – любимый раввина ученик. И пошли ребе с Големом к горбуну.

Ночь. По улицам топают. Луна. И тень от Голема на камнях, на европейской звонкой брусчатке. По тем улицам и шагали, где Казакевич с солдатами...

Миновали заставу. Поле. Темень. Луна прикрылась. Трава шелестит да тучки шушукаются.

Видят – хибарка. От песен шатается, от музыки. От шума и смеха. Женщины хохочут залиvisto, как мать-природа их научила. Совершенно ненатурально качаются... Ну и кидаешься на нее!..

– Стой! – ребе командует.

«Бац!» – Голем по двери.

Не отпирают. Только пуце веселье идет.

– Ломай!

А Голему что? Пнул, и вошли. И стоят на пороге. Как наш участковый. Мы когда в коммунальной квартире обитали, на родной улице, – он к соседке ходил. А у нее дочка. Подрастает. И жилплощадь – три на три...

Ну, походил-походил, бросил. Ездить далеко стало. А то, полагаю, чином повысили. И начальство пальчиком – стук да бряк. Мол, жена твоя заглянула. Жалуется капитанша на личную жизнь...

И вдруг звонят ему. Дом такой-то, квартира такая-то. Корпус третий, подъезд второй...

И что же с порога он наблюдает? Догадались, да? Она самая. Коммунальная дочка. Что в светелке той расцветала. И наглая какая! Негр из холодильника шампанское – дерг... плечики ей поливает... Ах, она жметя, щекотно! Не щекотите, Бобик!..

Да-а, участковый думает, куда-а матери!

– Так вот что ты делаешь! – ребе сказал. – Когда умирают дети, наполнил дом свой блудницами и срамом. Из-за тебя гибнет народ, а ты пьешь, гуляешь и веселишься!

– Ребе! – сказал горбун. – Вы же знаете лучше меня, что ничего этого нет. Есть только убогая хибарка с земляным полом и худой крышей... А все прочее, – и обвел рукой пиршество, – игра воображения.

Я горбун, сказал горбун. Я горбун, ребе! И женщины придут ко мне только в мечтах. Неужто и мечтать мне заказано?

Б-г весть, в чем виноват горбун... Меня поражает, за что покарали целый народ – за помыслы. Не за действия и поступки – за помыслы одного несчастного... Игра воображения... грезы...

А может, была какая-то – настоящая, которую он любил. Ну, дочка ребе, к примеру. Дочь учителя, чтоб далеко не ходить. И встречались, скажу, за обедом. И горбун видел отвращение на прекрасном лице. И ночью превращал возлюбленную свою в блудницу, чтобы прилетала веселая и без одежд.

Но ведь в мечтах. Только в мечтах, ребе! Всего лишь в мечтах...

И горбуна убили. И дочь ребе была последняя, кто умер в городе от чумы.

А Казакевич с солдатами уже подошли к синагоге. Немцы ее не тронули. Они исторические памятники сохраняли. Мало ли, пригодится. Под музей, блин, исчезнувшего народа...

И добрые люди, на глазах Казакевича, царапали на древних камнях имена погибших. Которые ушли в небо через трубу. Или сами кинулись на проволоку. Или были загрызены собаками. Из них сделали мыло, по анекдоту, и даже обмылочка не осталось.

Что такое «репрессия» и «реабилитация», помните? Репрессия – это берут еврея и пускают на мыло. А реабилитация – наоборот...

К Казакевичу и военным спустился служка. Тоже легко сказать. Где он прятался семь веков, с тридцать девятого года по сорок пятый?.. Но вот, спускается. Ногу увечную тянет, ключами гремит... Желаете осмотреть храм?

Желают. Осматривают. Служка на кладбище вывел. Оно опять-таки в целости. Немцы в могилках не колупались. Зачем? И для музея как раз...

– Ну вот, господа, – служка говорит, – я все показал.

– А глина? – они говорят.

– Какая глина?

– Та самая, – говорят, – из которой Голем...

Нас, блин, не проведешь, от Ивана не скроешься. И давай бросим Ваньку валять! Он тридевять земель пешком отмахал... Отпирай чердак, служка!

– Это место заповедное, – служка говорит. – Прах Голема – он ведь несчастье приносит.

– Знаем, слышали... Вот на эту глину охота нам посмотреть.

– Туда немецкие офицеры даже не поднимались...

– Тоже сравнил... – Хохочут.

– Господа, – служка сказал, – может быть, вы не поняли, но кто войдет в то помещение, с ним случится беда.

– Давай, давай! – поощряют.

Служка связку извлек, встряхнул. Руки дрожат.

– Вот, – говорит, – идите. Сами, – говорит, – управляйтесь. – И ключик им отделяет.

А они берут. И пошли, пошли...

А Казакевич остался. Остался, говорю, Эма Казакевич вместе со служкой. Что-то там бормотал, лихой и отважный...

А те пошли.

И вот уже с чердака назад. Друга хорошего на руках несут. Поскользнулся, видишь, да ногу сломал.

И служка над ним головой качает. С вековой мудростью, с терпеливостью. И ключи твердой рукою забрал. Вздыхая, по лестнице пробирается и потайную дверь на замок замыкает.

Сказка про Павлика и Фаню

3 сентября 1932 года погиб Павел Трофимович Морозов.

...Ведь он что хотел? Чтоб папаша на стороне не гулял, в семейство бы воротился. В другие времена мать бы либо попу пожаловалась, либо на производство. Батюшка, мол, Завком Завкомыч, направь моего на путь истинный – ко всякой юбке, кобель, липнет. Окажи, батюшка, Б-жескую милость...

Да времена-то как раз переходные – от попа к профкому переходили. Ну и выпало Павлику в переходные сумерки пастырей замещать. Сигналил вышестоящим организациям... Или они лежали? Сидели?

Нет, покамест только дрожали. Крались на цыпочках к собственной двери и, приплюснувшись профилем, зажавши сердце, как посторонний звук, улавливали шаги на лестничной клетке.

А Павлик-пионер сигналил, что папаша его, хоть и крестьянин-бедняк, а как глава сельсовета не в ту дуду дует... За политику-де похлеще взгреют! – мать с Павликом понадеялись. – Тихо засядет, носа не высунет!

Да время-то, говорю, переходное. Против домашнего расчета и вышло. Не в семью воротили – к Б-гу уволокли, «вышку» сердечному схлопотали. И Павлик-пионер руки на себя наложил...

...По бережку носится, на вновь прибывающих виснет.

– Дяденьки, – кричит, – тетеньки! Отца моего не видали? – К лодочнику подкатился. – Дедушка Харитон! Дедушка Харитон!

А старик последнюю монетку из-под щеки выгребает. За перевоз-то сам получал: денежку в рот пихали, будто в копилку...

– Отстань, – говорит, – мальчик! – Прокашлялся. – Сколько раз повторять: не Харитон я – не Щедрый, не Осыпаящий милостями. Запомни ты, наконец: Харон мое имя. Сын Эреба и Ночи. Вот на песочке тут запиши: Харон. От слова «харе». – Прощай, значит, и Здравствуй.

А Павлик – свое:

– Тетеньки! Дяденьки! Дедушка Харитон!

По сообщениям зарубежной печати, Павлик Морозов обнаружился в Англии. И тоже, вообразите, белорусского происхождения. Отсюда, кстати, вовсе не вытекает, что мы выступаем против белорусов вообще. Нет, не выступаем! И вам не советуем.

Скажу больше: автор явился на свет в белорусском городе с женским именем Лида. И оба, допустим, Павлика – мои земляки. Только одни Морозовы подались на Урал, а другие – в Великобританию.

Пускай британский Павлик – little Paul – носит поэтическую фамилию Frost^[1]. Отец его, согласно нашему допущению, встретил войну в городе Лида. И служил при немцах в полиции... Ничего удивительного! Все тайное становится явным. Дайте лишь срок.

И вот сроки исполнились. Газета публикует секретные документы: в Белоруссии было 500 тысяч партизан, а 700 тысяч сотрудничали с оккупантами. Такое соотношение привело к тому, что в Гродненской области, где и находится город Лида, из пятидесяти тысяч евреев остались в живых сто восемьдесят.

История с географией. Гродно – в Западной Белоруссии. И 18 – 20 сентября 1939 года (польские части покинули город, а наши пока не вступили) разразился погром.

Может быть, родитель Павлика Фроста участвовал. В дальнейших акциях – несомненно... Ушел с немцами на Запад. Переселился в Англию. Из города Лида в город, допустим, Leeds. Занесен в список «военных преступников». Отрицал, возмущался, протестовал... Да сынишка Павлик наткнулся по случаю на военные «фотки». Узнал отца. Потрясенный, помчался в полицию...

Наверное, поступил правильно. Но мы лично никакой радости не испытываем. Хотя в городе Лида вся наша парафия (по-московски – семья) от прадедушки до грудных младенцев (моих ровесников) исчезла с лица земли.

В тот же день, 3 сентября 1918 года, казнена Фанни Каплан.

Урожденная Фаня Ефимовна Ройтман (по другим данным – Фейга Хаимовна Ройтблат). Восемнадцати лет (1906) то ли швыряла, то ли пыталась швырнуть бомбу. Присуждена к вечной каторге. Освободили после Февральской революции. Лечилась от туберкулеза... На допросе будто бы заявила:

– Ни к какой партии не принадлежу.

– Почему стреляли в товарища

Ленина?

– Считаю его предателем. Чем дольше живет, тем дальше социализм.

– Кто вас послал?

– Я... – мгновенное замешательство, – я – лично от себя.

Примерно то же подтвердила в письменных показаниях:

1918 года, августа 30-го дня, 11 часов 30 минут вечера.

Я, Фаня Ефимовна Каплан, сегодня стреляла в Ленина. Стреляла по собственному желанию. Сколько раз выстрелила – не помню. Из какого револьвера – не скажу. Стреляла потому, что считаю Ленина предателем революции и дальнейшее его существование подрывало веру в социализм. В чем это подрывание – объяснить не хочу.

За подробностями отсылаю вас к двухтомнику «Ленин», сочинение Д.А. Волкогонова. Глава называется «Выстрел Фанни Каплан?». Обратите внимание: с вопросительным знаком. Главная загвоздка (есть и побочные): Ф.Е. Каплан практически потеряла зрение.

Родилась на Украине. Четыре брата, три сестры. И пока отбывала срок, они тоже отбыли. В Америку...

А Фаня Каплан сослепу палила в вождя. «Еврейская энциклопедия» (Иерусалим) даже не включила ее в свой Пантеон. А здесь, на Родине, сама фамилия Каплан сделалась подозрительной.

Обнаружена Каплан Фаня Львовна с мужем и дочерью. – Или: – Со слов нашего информатора установлено, что А. Каплан – брат эсерки Каплан. На вопрос, от кого это известно, информатор отвечал, что слышал от жильцов. – Далее: – Каплан Владимир Натанович умер в тюрьме. Его сестра Флора Натановна этапирована...

Заканчиваю сказочку, как положено, поэтически – стихотворением Павлуши Каплана, моего шурина, молодого археолога, погибшего в экспедиции:

Êĩãã à í áíÿ í à Ñò ðàèí úé ñãã
í à äðĩãã ÷ äðĩ úõ ÿ ÿããçò,
éíãã Õàðĩííãã èããÿÿ
í ðè ÷ àèèò, Æðĩçí úé Ñããèÿ
çããããò àíí ðĩñû ÿ í á í ðÿí úá
ñèããèó á í ò áãò: ÿ æèè á ðĩñèè.

Нет, ничего не скажу!

⚡ Ì æããíúèèè Ìããèè Ì çðĩç (áíæ).

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ СЕНТЯБРЯ

7 СЕНТЯБРЯ

70 *ëàò ìí äíÿ ðíæääíëÿ* филолога-востоковеда, члена-корреспондента РАН, автора трудов о классической и современной литературе, мифологии, фольклоре, а также о связях литератур Дальнего Востока и Центральной Азии, лауреата Государственной премии СССР **Бориса Львовича Рифкина** (р. 1932, Ленинград).

11 СЕНТЯБРЯ

65 *ëàò ìí äíÿ ðíæääíëÿ* эстрадного певца, народного артиста СССР, профессора Российской академии музыки, лауреата Государственной премии СССР **Иосифа Давыдовича Кобзона** (р. 1937, Часов Яр Днепропетровской обл.).

17 СЕНТЯБРЯ

80 *ëàò ìí äíÿ ðíæääíëÿ* штангиста, обладателя олимпийской золотой медали 1948 года **Фрэнка Спелмана** (р. 1922, Малверн, США)

19 СЕНТЯБРЯ

60 *ëàò ìí äíÿ ìí äððè* физикохимика, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по коллоидной химии и фотохимии **Адольфа Иосифовича Рабиновича** (1893, Одесса – 1942, Казань).

120 *éàò ì ãíŸ ì àðòè* (13 Тишрея) общественного деятеля, четвертого Любавичского Ребе, автора трудов по философии хасидизма «Ликутей Тойра», «Тойрас Шмуэл» и др. **рабби Шмуэла Шнеерсона** (1834 – 1882, Любавичи Оршанского уезда Могилевской губ.).

165 *éàò ì ãíŸ ì àðòè* (13 Тишрея) общественного деятеля, талмудиста, алохического авторитета, раввина Познани, основателя и главы крупнейшей в Европе ешивы, автора трудов «Указатель к Талмуду» (впоследствии включался практически во все издания Талмуда), «Хидушим» (Открытия), комментариев на Мишну, Шулхан Орух и др. **рабби Акивы Эйгера** (1761, Айзенштадт, Венгрия – 1837, Познань).

21 СЕНТЯБРЯ

70 *éàò ì ãíŸ ðíæááíèŸ* писателя, автора произведений «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», «Иванькиада», «Москва 2042» и др. **Владимира Николаевича Войновича** (р. 1932, Сталинабад).

25 СЕНТЯБРЯ

80 *éàò ì ãíŸ ðíæááíèŸ* Героя Советского Союза старшего лейтенанта **Вадима Алексеевича Хало** (р. 1922, Лубны Полтавской обл.).

26 СЕНТЯБРЯ

80 *éàò ì ãíŸ ì àðòè* писателя и драматурга, автора сборника рассказов «Черные дни», пьес «Терновый куст», «Семейные дела», «Правда небесная», «Латинский квартал», «Летний роман», «Жены», «Консул Гранат» и др. **Давида Яковлевича Айзмана** (1869, Николаев – 1922, Детское Село).

27 СЕНТЯБРЯ

80 лет со дня рождения кинорежиссера, снявшего фильмы «Сотворившая чудо», «Погоня», «Бонни и Клайд», «Ресторан Алисы», «Маленький большой человек», «Излучины Миссури», «Четверо друзей», «Мишень» и др., **Артура Пенна** (р.1922, Филадельфия).

100 éàò ì ãíý ì áðè промышленника, первым использовавшего материал, получивший название «джинс», создателя фирмы своего имени **Леви (Ливая) Страуса** (1829, Буттингейм, Германия – 1902, Сан-Франциско).

28 СЕНТЯБРЯ

150 éàò ì ãíý рождения химика, иностранного члена-корреспондента Петербургской АН, члена Французской АН, иностранного члена Лондонского королевского общества, профессора общей химии в Сорбонне, получившего свободный фтор, синтезировавшего фториды фосфора и первые фторорганические соединения, создателя электро-дуговой печи, в которой получил карбиды, бориды, силициды, гидриды многих металлов, получившего электротермическим путем в чистом виде молибден, уран, вольфрам и другие тугоплавкие металлы, лауреата Нобелевской премии по химии 1906 года **Анри Муассана** (1852 — 1907, Париж).

30 ёіò ìî äіү ðіæääіёү киноактрисы, снявшейся в фильмах «Идеальное убийство», «Осторожно, двери закрываются!», «Влюбленный Шекспир» (премия «Оскар» за лучшую женскую роль 1998 года), «Талантливый мистер Рипли», «Любовь зла» и др., **Гвинет Пэлтроу** (р. 1972, Лос-Анджелес).

29 СЕНТЯБРЯ

135 ёіò ìî äіү ðіæääіёү государственного деятеля, промышленника и финансиста, председателя правления Всеобщей германской компании электричества, министра иностранных дел Германии **Вальтера Ратенау** (1867, Берлин – 1922, убит в Берлине).

ИЗ НАШЕЙ СЕНТЯБРЬСКОЙ ПОЧТЫ

Уважаемый господин редактор!

Позвольте на страницах Вашего журнала поблагодарить известного историка Гессена за столь доброжелательный и профессионально-придирчивый разбор нашей работы (№4, 2002). Особое спасибо – за одно замечание, что представляется весьма важным: о заголовке. Почему, действительно, «Ответственный еврей»?

Дело вот в чем. Вероятно, по недосмотру автора (Израиля Петрова) из журнальной публикации выпала маленькая вставная новелла, которую для ясности хорошо бы восстановить.

СУДЬБА ЛАНДАУ

Не того, который Алданов, – эссеист и прозаик (1889 – 1957), и не физика Льва Давыдовича, Нобелевского лауреата (1908 – 1968)... А жил-был в буржуазной Латвии такой Ландау, кажись, Григорий Адольфович, которого вся межвоенная эмиграция дразнила-поддразнивала «ответственный еврей».

Дескать, Россия погибла, а мы, значит, в стороне?

Нет, говорит, дорогие Абрамчики! Моя совесть не дремлет! Принимаю, кричит, огонь на себя!

Ну вызываешь – возьми.

В сороковом году наши войска подоспели, а в сорок первом – немецкие...

Вот он за все и ответил.

עֲדָאֵעִי לְאֹדֵי

Уважаемая редакция!

С большой надеждой обращаемся к вам за помощью, так как ни в архивах нашего города, ни в Центральном государственном историческом архиве Украины не нашли сведений о нашем дедушке, Верховском Исааке Срулевиче, 1893 года рождения, уроженце г. Казачий Киевской губернии, о его жене, родителях, детях и других родственниках.

Мы обратились за помощью в Днепропетровскую еврейскую общину, но, к сожалению, почему-то с нами там не хотели даже разговаривать.

Поэтому обращаемся к вам: если есть хоть какая-нибудь возможность найти какие-либо сведения о наших родственниках, помогите нам, пожалуйста, или подскажите, куда мы можем обратиться.

К сожалению, мы только недавно узнали о своих еврейских корнях от нашей тети, Верховской Раисы Исааковны, 1921 года рождения, уроженки местечка Погребище

Киевской области. Но она почти ничего не помнит и почти ничего не знает о своих родителях, так как наш дедушка пропал без вести в декабре 1943 года. Единственные сведения о нем мы нашли в «Книге Памяти Украины», том 3, книга 2.

Будем благодарны за любую имеющуюся информацию.

N'ai uy' Aaboi'areo,

A'ai di' aodi'ane

Здравствуйте!

Право не знаю, как начать, ибо то, что поведаю – сухими фразами не передать. Дорогие, боль моей души не излить на бумаге...

Это случилось на Украине, в местечке Желтое Верхнеднепровского уезда Днепропетровской губернии. Жили там мои предки: Янкель Гольдштейн с женой Эстер и детьми – Борисом, Феней, Соней, Авраамом и Шлёмой. Жили и другие евреи.

Банда Петлюры нагрянула на село в 1919 году. Всех евреев, которых поймали, увели на край рва в степь и зарубили шашками – в том числе и деда Янкеля, 20-летнего Авраама и 16-летнего Шлёму. Мою бабушку Феню, ее сестру Соню и деда Бориса, их брата, спрятала прабабушка Эстер. Так они выжили.

Прошли десятилетия.

В 50-е годы, не знаю когда точно, каким-то немислимим образом на месте их гибели в с. Желтое был сооружен обелиск, состоялся траурный митинг. На обелиске были фамилии и имена погибших. Имеются фотографии этого события. Сохранились и фотографии Авраама и Шлёмы, сделанные 8 апреля 1916 года и ими подписанные.

Не вспомнить сейчас точно, но приблизительно в 1984 году наша семья решила посетить Желтое, чтобы побыть у дорогой нам могилы. Поехали на машине из Кременчуга, где мы жили: бабушка, мама, жена деда Бориса (тогда уже покойного) Роза, ее сын Семен был за рулем, и я – мне тогда было около 14 лет.

Приехали в Желтое. Столько лет прошло, и никто точно не помнил места захоронения. Обратились в сельсовет. Бабушка Феня спросила ответственного какого-то мужика в сельсовете, чтобы указали нам место, если возможно. Он ответил: «Знаю место, но не покажу, сказано – ликвидировать». После долгих уговоров все же согласился, поехал перед нами на мотоцикле. Приехали мы на окраину села, потом еще некоторое время топали по степи. Было лето, нещадно палило солнце, пыль столбом.

То, что мы обнаружили, – шокировало. Ров давно зарос, но могила была разворочена, надгробие из кирпичей выщерблено и осыпалось, памятник – обелиск с пятиконечной звездой(?) – сброшен в ров и разбит. А мужик этот сельсоветский сел на свой мотоцикл, ни слова не сказал и уехал.

Мы как могли там поубирали, попытались это место как-то обозначить. Постояли, поскорбели, помянули...

С тех пор больше никто из нас не был в Желтом, теперь уже никого нет в живых. Я – последний, кто хранит память, фотографии с родными лицами, поэтому мне все это очень дорого! Никто не пытался восстановить фамилии невинно убиенных евреев. Уже нет свидетелей тех событий. Почти, наверное, не осталось и участников траурного митинга в 50-е годы. И никто не укажет сейчас дорогое для меня место. Я не знаю, кого искать, где узнать: кто осквернил могилы и предал это место забвению?

Долгое время я не мог этим делом заняться всерьез, так как находился за рубежом. Лишь в 1999 году пытался подвигнуть на это своих друзей на Украине. Но никто мне не помог. Мне никак не удастся попасть на Украину, побывать в дорогом Кременчуге – городе моего детства.

Обращаюсь через ваш журнал к еврейским организациям Днепропетровской области, к людям, которым известно что-либо о кровавых событиях в с. Желтое в 1919 году, кто лично знал семью Гольдштейн, знал Феню Гольдштейн по Кременчугу. Давайте вместе ответим на вопрос, кто виноват, и узнаем правду, восстановим братскую могилу, памятник, имена погибших людей. Они живы нашей памятью!

Очень прошу, дорогая редакция «Лехаима», если это вас заинтересует, я вышлю фотографии. Пожалуйста, помогите мне в сборе сведений, связав с еврейскими организациями в Днепропетровской области. С нетерпением жду любых материалов и буду благодарен за помощь.

И еще: слышал, что в Кременчуге на Пейсах открывается новая синагога на месте сгоревшей старой. Что ж, в добрый путь, Лехаим! Мазл Тов! Интересно было бы прочитать в вашем журнале об этом событии и о жизни кременчугского еврейства.

Огромный привет всем, кто меня знает, помнит и любит как солиста Кременчугского еврейского театра эстрады в 90-е годы.

Ń ěbáí áíř,

Áí ðēñ Áááē ēōá,

Ī àò áðáóðá